
Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 2

Выходит 5 раз в год

2012

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 27.10. 2010 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2010 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik-mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 2

Issued 5 times a year

2012

Series «History and Political Sciences»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.фил.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)
Левченко М.Н. – д.фил.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозеров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.п.н., проф.
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коницев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.фил.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.фил.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловской региональной академии государственной службы
Пасечник В.В. – д.п.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф-м.н., проф. МГТУ им. М.Л. Шолохова
Троиц К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.фил.н., проф., Институт иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
M.N. Levchenko – Ph. D. in Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozеров – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
L.N. Bogolyubov – member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics., Professor
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulín – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Regional Academy of Public Service
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor of the Sholokhov Moscow State University for the humanities
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Uxhan University (China)

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»
Series editorial board «History and Political Sciences»

Ответственный редактор серии:
Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор
Заместитель ответственного редактора серии:
Волобуев О.В. – доктор исторических наук, профессор.
Ответственный секретарь серии:
Насонова С.А. – кандидат исторических наук.
Члены редакционной коллегии серии:
Журавлев В.В. – д.и.н., проф.; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф.;
Фукс А.Н. – к.и.н., проф.; **Абрамов А.В.** – к. полит. н., доц.; **Дж. Гонзалес**, доктор наук, университет Воллонгонг (Австралия);
Могильницкий Б.Г. – д.и.н., проф. (ТГУ, Томск); **Протасов Л.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Тамбов); **Наталици М.** – доктор наук (университет Сиена, Италия); **Воронин С.А.** – д.и.н., проф. (РУДН, Москва)

Editor-in-chief:
N.I. Smolensky, Doctor of History, Professor
Deputy editor-in-chief:
O.V. Volobuyev, Doctor of History, Professor
Executive secretary of the series: **S.A. Nasonova**, Ph.D. in History
Members of Editorial Board: **V.V. Zhuravlev**, Doctor of History, Professor;
V.N. Zakharov, Doctor of History, Professor; **A.N. Fuks**, Ph.D. in History, Professor; **A.V. Abramov**, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor; **J. González**, Doctor of Science (University of Wollongong, Australia); **B.G. Mogilnitsky**, Doctor of History, Professor (Tomsk State University, Tomsk); **L.G. Protasov**, Doctor of History, Professor (Tambov State University, Tambov); **M. Natalici**, Doctor of Science (University of Siena, Italy); **S. Voronin** – Doctor of History, Professor (People's Friendship University of Russia).

ISSN 2072-8360

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 2. – М.: Изд-во МГОУ. – 170 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

Индекс серии «История и политические науки» по каталогу агентства «Роспечать» **36765**

ISSN 2072-8360

Bulletin of the MSRU. Series «History and Political Sciences». – 2012. – № 2. – M.: MSRU Publishing house. – 170 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26139

Index series «History and Political Sciences» under "Rospechat" agency catalog **36765**

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Гранков Д.А.</i> Мемуары эмигрантов как источник по изучению русской усадьбы	7
<i>Бочаров К.В.</i> Воспоминания Нины Алексеевны Кривошеиной как исторический источник	13
<i>Вититнев С.Ф.</i> Экологическое движение как предмет анализа в историко-политологической литературе консервативного направления Германии.....	17

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

<i>Никитина А.Д.</i> Структура судебной системы города-государства Ашшур в XIX в. до н.э.....	26
<i>Запорожец В.М.</i> Империя Великих Сельджуков при султанах Санджаре (1118-1157 гг.).....	31
<i>Тимофеев Д.Н.</i> Использование принципов имагологии в историческом исследовании на примере изучения образа Швеции в общественной мысли России первой четверти XVII – начала XIX вв.....	37

Новая и Новейшая История

<i>Воронин С.А.</i> Шиитская доктрина верховной власти	42
<i>Курков Н.В.</i> Выступления Русской гранд-оперы М.П. Пантелеева в Америке: 1930-е гг. (Русский XX век в культурно-историческом контексте)	49
<i>Тен В.А.</i> Борьба политических партий Австралии по вопросу вступления страны в корейскую войну 1950–1953 гг. (по материалам газеты “The Canberra Times”)	54
<i>Трофимов В.А.</i> Эволюция стратегической концепции Организации Североатлантического договора.....	60
<i>Бирюков А.М.</i> К вопросу о роли военного фактора в борьбе США и СССР за контроль над нефтью Среднего Востока (1940-е – 1980-е гг.)	67
<i>Дементьев С.С.</i> «Холодная война»: роль хоккейного противостояния в отношениях СССР, Канады и США.....	73
<i>Базаркина Д.Ю.</i> Координация контртеррористической деятельности в ЕС: краткий обзор основных организаций	79

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Травникова Е.Г.</i> Понятие «отечество» и русское общество в период Отечественной войны 1812 г.	85
<i>Цветков В.С.</i> Организация деятельности дворянской опеки во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Московской губернии)	91
<i>Ватник Н.С.</i> «Школьный фактор» в самоубийствах учащихся Центральной России начала XX в.	96
<i>Грибовский М.В.</i> Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв.	103
<i>Папазов А.В.</i> Среднеазиатское восстание 1916 года и роль генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в его подавлении.....	109

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Горлов В.Н. Н.С. Хрущев и принятие решения о создании совнархозов	113
Костюченко И.Ю. Международные связи высшей школы Российской Федерации в условиях глобализации (1991-1999 гг.)	120

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

Вититнев С.Ф. Экологическая наука в политическом измерении и идеология правого радикализма	123
Савина О.В. Миграционные настроения молодых соотечественников как индикатор диаспоральной политики России.....	130
Кныш С.В. Региональные аспекты российско-украинского приграничного сотрудничества ...	136
Богунев С.С. Социально-политические последствия коррупции в современной России.....	142
Кудрявцев Г.А. Деятельность служб по связям с общественностью органов государственного управления: методологические аспекты	149
Федорченко Л.В. Спичрайтинг как форма политического консалтинга в современной России	155
Рудакова Е.Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в образовательном про- странстве России.....	161
НАШИ АВТОРЫ	167

CONTENTS

SECTION I. HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

D. Grankov. Emigrants' memoirs as a source of studying Russian estates	7
K. Bocharov. Nina Alekseevna Krivosheina's memories as a historical source	13
S. Vititnev. Ecological movement as a subject of analysis in historical-politological literature of Germany's conservative trend	17

SECTION II. GENERAL HISTORY

History of the Ancient and Middle Ages

A. Nikitina. The judicial system of the XIX BC city-state of Assur	26
V. Zaporozhets. The Empire of Great Seldzhuks under the sultan Sandzhar (1118-1157)	31
D. Timofeev. The use of imagological principles in a historical research, shown on the example of Sweden's image studying in Russian social thinking in 1st quarter of XVII – beginning of XIX centuries	37

Contemporary history

S. Voronin. The Shiite doctrine of the supreme power	42
N. Kurkov. Performances of the Russian Art Grand Opera Company under the leadership of M.P. Panteleieff in America: 1930s (The Russia's twentieth century in cultural and historical context)	49
V. Ten. The struggle of political parties of Australia on the country's entry into Korean War 1950–1953 (based on "The Canberra Times")	54
V. Trofimov. The evolution of the North Atlantic Treaty Organization's strategic conception	60
A. Biryukov. To the question of the role of the militaty factor in the US-USSR struggle for controlling the Middle East oil sources	67
S. Dementiev. "Cold War": the role of hockey confrontation in the USSR-Canada-USA relations	73
D. Bazarkina. The coordination of the counter-terrorist activity in EU: a brief review of the main organizations	79

SECTION III. HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

E. Travnikova. The concept of "Motherland" and the Russian society in the Patriotic War of 1812	85
V. Tsvetkov. The organization of the nobility trusteeship in the second half of 19th–early of 20th centuries (on the example of Moscow province)	91
N. Vatnik. «The school factor» in students' suicides in Central Russia at the beginning of the 20th century	96
M. Gribovskiy. The privat-docent phenomen on in Russian universities of late XIX – early XX centuries	103
A. Papazov. The Central Asian revolt of 1916 and role of governor-general A.N. Kuropatkin in its suppression	109

SECTION IV. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

V. Gorlov. N.S. Khrushchev and decision-making about economic councils.....	113
I. Kostyuchenko. International links of the Russian Federation higher school in the context of globalization (1991-1999)	120

SECTION V. POLITOLOGY

S. Vititnev. The political evaluation of ecological science and the ideology of the right radicalism	123
O. Savina. Young compatriots' migratory moods as an indicator of Russia's diaspora policy	130
S. Knysh. The Russian-Ukrainian near-border cooperation	136
S. Bogunov. The socio-political impacts of corruption in modern Russia.....	142
G. Kudryavtsev. Public relations services's activities in the organs of government: methodological aspects	149
L. Fedorchenko. Speechwriting as a form of political consulting in modern Russia	155
E. Rudakova. The mechanism of ensuring national security in the educational space of Russia.....	161
OUR AUTHORS	168

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930.2 (470)

Гранков Д.А.

Московский государственный областной университет

МЕМУАРЫ ЭМИГРАНТОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

D. Grankov

Moscow State Regional University

EMIGRANTS' MEMOIRS AS A SOURCE OF STUDYING RUSSIAN ESTATES

Аннотация. В статье раскрывается значительный источниковый потенциал мемуаристики эмигрантов «первой волны» для изучения истории русской усадьбы. Выявлена неоднородность обнаруженных текстов, показано их разнообразие. Ввиду этого источники разделены на три группы согласно степени концентрации в них информации, начиная с тех, которые целиком посвящены усадьбам, и заканчивая теми, где встречаются лишь краткие отрывочные сведения. Привлекаются как опубликованные документы, так и архивные материалы. Рассматриваются причины актуальности усадебной тематики среди эмигрантов, а также раскрываются цели, которые преследовали мемуаристы, включая в свои произведения тексты об усадьбах.

Ключевые слова: мемуары, источниковедение, усадьбы, усадебоведение, эмиграция, дворянство.

Abstract. The author discloses the importance of the first wave emigrants' memoirs for the study of Russian estates' history. The article presents the heterogeneity of the texts discovered by the author and reveals their diversity. Due to this fact the author divides the memoirs into three groups according to the degree of their information importance. The author considers those, entirely devoted to the estates, to be the most important, and those, containing only short fragmentary information, to be the least important. The published documents as well as the archive materials are used. The author considers the reasons of the estate theme popularity among the Russian emigrants and discloses the reasons why memoirists included the texts about estates in their works.

Key words: memoirs, source study, estates, estate studying, emigration, nobility.

Корпус мемуаристики русского зарубежья является важнейшим источником для изучения и познания ключевых моментов отечественной истории, в том числе одной из наиболее приоритетных проблем истории дворянства – русской усадьбы. Привлечение данного пласта мемуарных документов в усадебоведении, во-первых, значительно обогащает источниковую базу исследований, решая, таким образом, одну из наиболее актуальных задач этого направления [10, с. 8; 13, с. 3], во-вторых, повышает научный уровень работ в данной области, в-третьих, географически и социально расширяет диапазон рассматриваемых усадеб. Введение в научный оборот массива ранее не привлекавшихся источников позволяет не только пол-

нее осветить и решить уже существующие проблемы, но и открыть новые перспективы в развитии отечественного усадебоведения. Круг затрагиваемых в мемуарах вопросов чрезвычайно велик – это и происхождение различных топонимов, и семейные предания, связанные с родовыми имениями, детство в усадьбе [9], положение помещиков после отмены крепостного права, их отношения с крестьянами, характеристика обитателей усадеб, описание дворянских гнезд накануне и во время революции и т. д.

В корпус эмигрантской мемуаристики входят тысячи самых разнообразных по объему, форме и содержанию текстов, рассеянных по отечественным и зарубежным архивам, библиотекам и частным собраниям. Все обнаруженные мемуарные источники по истории русской усадьбы можно условно разделить на три группы согласно степени концентрации в них информации, начиная с тех, которые целиком посвящены этому вопросу, и заканчивая теми, где встречаются лишь краткие отрывочные сведения.

Количество текстов, специально посвященных воспоминаниям о русской усадьбе, невелико. Здесь нужно сказать в первую очередь о мемуарах Анатолия Львовича Маркова (1893–1961), потомственного дворянина из старинного курского рода, офицера, который в 1921 г. оказался в эмиграции. Автор многочисленных статей, воспоминаний, рассказов, он написал ряд очерков об усадьбе, объединенных после его смерти в книгу «Родные гнезда» (издана в 1962 г.) [16]. В первой её части идет повествование об истории рода, здесь воспоминания перемежаются с легендами, преданиями и «старыми семейными историями». Во второй части рассказывается о родовых имениях, расположенных в Щигровском уезде Курской губернии (подробно о двух – Теребуж и Александровка, перечисляются и несколько других, принадлежавших родственникам). Здесь же – слова о няне, о деревенской жизни, местных праздниках и ярмарках, о старом Воронеже. В третьей части – истории, связанные с деревней, с охотой, рыбной ловлей, а также воспоминания о лю-

бимых домашних животных. «Читая, невольно переносишься туда, в те времена. Перед глазами, как живые, встают люди, вырастают поместья, старинные дома, их обстановка, уклад жизни» [16, с. 6].

Среди других мемуарных произведений, специально посвященных усадьбам, можно назвать статьи, публиковавшиеся в русской зарубежной прессе: «Мой «Вишневый сад»» [14, с. 31-42] и «Село Берново» [14, с. 111-113], воспоминания известной художницы Варвары Бубновой (1886–1983); «Усадьба» [6] князя Сергея Михайловича Волконского (1860–1937); статья Николая Филипповича Добрышина «Наша усадьба» [11]; «Дворянские гнезда» [3, с. 171-182] художника Сергея Арсеньевича Виноградова (1869–1938) и некоторые другие. Должны быть учтены и неопубликованные тексты, среди которых, например, воспоминания Лидии Викторовны Анисимовой (ок. 1894–1979) «Меня в эмиграции называли помещицей...»¹. Эти краткие (на 6 листах) записки мемуарного характера представляют собой письмо А.И. Солженицыну. Автор рассказывает, как, будучи семнадцатилетней девушкой, ей пришлось принять на себя управление имением, где она жила вплоть до революции, – здесь и особенности ведения хозяйства, и взаимоотношения с крестьянами.

Во вторую группу источников можно выделить мемуары, в которых тема усадебной жизни – не единственная и не главная, но всё же выступает на одно из центральных мест. Например, известный дореволюционный политик, государственный и общественный деятель, Михаил Михайлович Осоргин (1861–1939) в своей книге «Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни» [19] постоянно, практически в каждой главе, возвращается к повествованию о Сергиевском, их бывшем имении в Калужской губернии.

Порой воспоминания об усадьбе в книгах выделены в специальные главы, названия которых часто носят имена родных мест: глава

¹ Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (далее – БФ РЗ). Ф. 1. Оп. 1. Е-44. 6 л.

«Выбити» (Новгородской губ.) в «Воспоминаниях» [1] известного государственного деятеля Бориса Александровича Васильчикова (1860–1931); главы «Фалль» (Ревельской губ.) и «Павловка» (Борисоглебского уезда Тамбовской губ.) в книге «Мои воспоминания» [5] князя Сергея Михайловича Волконского (1860–1937); «Хмелита» (Смоленской губ.), «Глубокое» (Опочецкого уезда Псковской губ.) и «Баловнево» (Данковского уезда Рязанской губ.) в мемуарах Николая Владимировича Волкова-Муромцева «Юность; От Вязьмы до Феодосии (1902–1920)» [4]; «Наш дом в Васильевском» (Смоленской губ.) в книге Павла Александровича Граббе (1901–?) «Окна на Неву. Мои юные годы в России» [8]; «Ильинское» (Московской губ.) в «Воспоминаниях» [20] великой княгини Марии Павловны (1890–1958). В неопубликованных источниках: «Масловка» (Бобровского уезда Воронежской губ.) в «Записках полковника Кавалергардского полка»¹ Дмитрия Ивановича Звегинцова (1880–1967); «Воробьевка» (Щигровского уезда Курской губ.) в «Мемуарах камергера высочайшего двора»² дипломата Сергея Дмитриевича Боткина (1869–1945); «Камыши» (Полтавской губ.) и «Камыши – дни особые» в воспоминаниях Татьяны Сергеевны Шатиловой (урожд. Бразоль) (ок. 1895–1989) «Отзвуки былого»³; «Сокиренцы» (Полтавской губ.) в воспоминаниях Павла Константиновича Ламздорф-Галаган (1879–1954)⁴ и другие.

Отдельно нужно сказать о книге выдающегося историка, искусствоведа и художника, Георгия Крескентьевича Лукомского (1884–1952) «Старые годы», изданной в 1923 г. в Берлине [15]. Автор – один из крупнейших исследователей усадеб начала XX в., его статьи о дворянских гнездах публиковались до революции в известных журналах «Столица и усадьба» и «Старые годы». Немалая часть его книги посвящена русской усадьбе. Это скорее исследование, чем мемуары в традиционной

форме. Однако здесь важно отметить связь мемуаристики с историографией, которая неизбежно возникает в сочинениях современников в результате небольшой отдаленности от описываемых в них событий. Такие произведения могут фигурировать одновременно и как исторические исследования, и как сочинения мемуарного характера [21, с. 262]. В данном случае Г.К. Лукомский приводит и личные воспоминания, и впечатления от посещения известных имений, и поднимает проблемы будущего русской усадьбы. Автор обозначил важность этой темы следующим образом: «Мы – свидетели явления, которое отметит историк русской культуры XIX–XX вв. и которое может быть названо: «Гибелью Помещичьей России» [15, с. 77].

В третью группу источников входят тексты, в которых содержатся отрывочные воспоминания об усадьбах, краткие свидетельства о жизни в деревне и состоянии помещичьих владений, разрушениях усадеб во время и после революции. Тем не менее и такие источники содержат ценную информацию, без них исследование русской усадьбы по мемуарам эмигрантов было бы неполным.

В контексте анализа письменных источников важно проследить, как складывался и чем мотивировался общественный интерес эмиграции к такому уникальному явлению, как русская усадьба. Помимо несознательного включения в мемуарные тексты усадебных мотивов, когда естественным образом жизнь в родном имении описывалась как часть личной истории, были и особенные цели, которые преследовали авторы, обращаясь к усадебной тематике. Необходимо отметить некоторые основания, объясняющие, почему для многих мемуаристов была так важна память об усадьбе.

Главным обстоятельством, которое отличает мемуары эмигрантов от всех прочих, выступает отдаленность авторов от родины. И как следствие – один из главных мотивов в творчестве – тоска по родной земле, по дому. Бывший Самарский губернский предводитель дворянства, затем член императорского кабинета министров, Александр Николаевич

¹ БФ РЗ. Ф. 1. Е-147. 153 л.

² БФ РЗ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1. 79 л.

³ БФ РЗ. Ф. 2. М-183. 327 л.

⁴ БФ РЗ. Ф. 2. М-88. 391 л.

Наумов (1868-1950), в эмиграции даже назвал свою виллу во Франции «Волга» в память о тех местах, где находилась родная Головкинская усадьба (Ставропольского уезда Самарской губ.) и где прошла большая часть жизни. Но не стоит сводить подобные явления к одной лишь ностальгии. Когда эмигранты оказались выброшенными из обжитого ограниченного пространства, во враждебный внешний мир, то испытали страх, они оказались беззащитными и слабыми. Укрытость и защищенность – важнейшие потребности человека. Сильная психологическая зависимость от дома отразилась в воспоминаниях [12, с. 232-240; 17, с. 161-163; 27, с. 22-25]. Известный публицист и литературовед Николай Александрович Цуриков (1886–1957) посвятил целую главу воспоминаний «очеркам помещичьей жизни». Под заголовком «Наши усадьбы» автор отмечал: «Дом... Это ведь не только «жилище», это гораздо большее. [...] не только «кров» для человека, не только потолок над головой, закрывающий от дождя» [24, с. 77]. Для многих символ дома – родная усадьба, мир гармонии и счастья. Можно обратить внимание на отзыв о Романе Гуле, авторе известного трехтомного мемуарного сочинения «Я унес Россию», в эмигрантской прессе: «В Романе Гуле еще жива та дворянско-помещичья связь с землей (выделено автором – прим. ДГ), со своим домом, со своим садом, со своими голубями, которых заводил и в отрочестве, и в деревне под Берлином, когда стал рабочим-земледелом» [23, с. 96]. Одна из попыток уйти от реальности настоящего, спастись, найти ту необходимую защищенность – обращение к памяти о прошлом, воспоминания. Юрист и общественный деятель Яков Львович Тейтель (1850–1939) писал о 1918-1920 гг., времени, когда приступил к составлению своих мемуаров: «Настоящее было мрачно, впереди никакого просвета. Оставалось одно прошлое, и вот я погрузился в это прошлое, стал им жить и изложил на бумаге то из него, что сохранилось в моей памяти» [22, с. 7-8].

Как одну из причин повышенного интереса к помещичьей жизни можно отметить стремление мемуаристов-дворян к самоидентифи-

кации, подчеркнуть свою принадлежность к исчезающему сословию и связь с прошлым Российского государства. Подобными мотивами и размышлениями наполнены мемуары известного историка, генеалога, члена Историко-Родословного Общества в Москве, а затем и в Нью-Йорке, Владимира Николаевича Смольянинова (1861-1942). Автор в подробностях повествует об истории своего рода, как бы синхронизируя ее с общей историей русского дворянства, и обо всех его представителях, при этом он рассказывает о различных поместьях, принадлежавших тем или иным родственникам и передававшихся по наследству¹. В мемуарах другого эмигранта, А.Н. Наумова, читаем: «Приволжская ветвь Наумовых ведет свое начало со времени пожалования Царем Алексеем Михайловичем стольнику Даниилу Наумову обширного поместья» [18, с. 6]. Можно констатировать, что история родовых гнезд оказалась неотделима от генеалогии, истории дворянства и истории России.

В мемуарах возникают подробности ведения хозяйства в имениях, описание отношений с крестьянством, подчеркиваются созидательные стороны деятельности помещиков до революции. Отчасти это связано с тем, что дворянское сословие даже в эмигрантской среде подвергалось нападкам, на них возлагалась ответственность за падение монархического строя, за революцию, за то, что крестьяне с такой жестокостью ринулись «ликвидировать частную собственность», разрушали и уничтожали усадьбы, захватывали помещичьи земли, вырубали сады и парки. Ввиду этого в дворянских кругах русской эмиграции приобрела актуальность проблема опровержения разных обвинительных выступлений, оправдания сословия; подчеркивалась культурная роль дворянских усадеб, акцентировались дружеские отношения с крестьянами, приводились частые примеры, когда помещик оказывал помощь деревне. «Прощайте дорогие, прощайте навсегда. Не мы погубили вас, не мы нанесли вам смертельные удары.

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 643. 200 л.

Нет, совесть нам порукой, что, напротив, это мы молодые вдохнули в последние годы ваши дух новой жизни, здоровья и значительности – на общую пользу – и возможное общее спасение. Но – слишком поздно».¹ Эти слова в мемуарах офицера Евгения Евгеньевича Драшусова (1885–1969) обращены к родному Юраково (Рязанской губ.) и другим таким же навсегда покинутым своими хозяевами усадьбам.

Условия оторванности от России, отсутствие какой-либо информации о положении дел в стране заставляли эмигрантов фиксировать на бумаге то, что еще осталось в памяти о близком прошлом. Была неизвестна и судьба родных поместий. «В течение 14 лет мы оттуда не имели никаких известий...», – писала Лидия Леонидовна Васильчикова (1886–1948), фиксируя воспоминания об имении Левашовых Осинская Роща (на границе с Финляндией) [2, с. 479–480]. Если какие-то сведения и приходили из Советского Союза, то это были не самые хорошие новости; многие из бывших владельцев усадеб были убеждены, что всё уничтожено (нередко так и было).

В контексте этого нужно сказать еще об одной заветной для многих эмигрантов цели – стремлении сохранить усадебное наследие, дать понять нынешним хозяевам, что в их руках теперь не просто «имущество», а памятники искусства, «достойные музеев». «Сохранение усадеб – одна из главных задач, в которой должны быть заинтересованы и руководители и сами крестьяне» – писал Г.К. Лукомский [15, с. 123]. Мотив сохранения усадебного прошлого, завещание, призывы, просьбы, мольбы наиболее ярко выразил С.М. Волконский в статье «Усадьба»: «Берите, – хотелось тогда говорить людям, – берите, только не уничтожайте». И далее: «Берегите усадьбы! Ведь это вещественные доказательства того, что есть ценности в жизни, нежели только ценность нивелирующего движения сохи» [6, с. 28].

Одним из главных устремлений при фиксации памяти об усадьбах было желание изобразить и сохранить для потомков обра-

зы родных мест, запечатлеть историю помещичьей России, ее культурное наследие, дать «будущему исследователю богатый и ценный материал для установления быта и условий жизни эпохи, ныне отошедшей в вечность и более неповторимой» [7, с. 6]. Князь Александр Дмитриевич Голицын (1874–1975), видный политический деятель, уездный предводитель харьковского дворянства, член III Государственной думы, оставил интересные и ценные воспоминания, охватывающие период с 1874 г. до эмиграции автора в 1920 г. В мемуарах ярко и подробно описан помещичий быт и деревенская жизнь, о которой он знал не понаслышке, отдельные главы посвящены охотничьим воспоминаниям и аграрным беспорядкам в 1905 г. Интересно, что, рассказывая предысторию создания своих мемуаров, он передает слова другого эмигранта, Н.Н. Львова, с которым случайно встретился в 1923 г. в Сербии. Однажды А.Д. Голицын застал того сидящим за каким-то рисунком. На вопрос, что он так старательно зарисовывает, Николай Николаевич ответил: «А вот видите, я стараюсь с возможной точностью воспроизвести рисунок той домашней мебели, которая наполняла дом моей деревенской усадьбы [...] помещичий быт отошел в вечность, возродиться ему нет никакой возможности, но сохранить его облик до мельчайших подробностей – это долг каждого, кто его знает» [7, с. 6].

Примечательно и то, что о русских усадьбах писали за границей не только их бывшие владельцы, кто застал прежнюю жизнь до революции, не только эмигранты «первой волны», но и их потомки, те, кто знал о родовых имениях лишь по рассказам. Родители не смогли передать детям поместья, но сохранили для них историю и любовь к родной земле. Уже в наше время сыновья и внуки бывших помещиков, покинувших усадьбы, интересуются историей своего прошлого, пытаются воссоздать образ ещё близкого, ещё родного родового гнезда.

Иулиания Сергеевна Шмеман (род. в 1923 г.) родилась в Германии после того, как её отец, С.М. Осоргин, с семьёй оказался в эмиграции.

¹ БФ РЗ. Ф. 1. Е-133. Л. 20.

Упомянув имя Осоргиных в Калужской губернии, она писала: «Для меня Сергиевское означает связь с отцом, которое ничто не может смутить» [25, с. 40]. Её сын, Сергей Александрович Шмеман, ныне живущий в США, побывал в Сергиевском в 1990-е гг. Им был собран обширный материал, освещающий историю деревни с конца XVIII до конца XX вв., на основе которого была написана книга «Эхо родной земли. Двести лет одного русского села» [26]. Как видим, связь между усадьбой, родовым гнездом и потомками их владельцев, представителями рода не разорвана и продолжает существовать в наши дни.

Таким образом, можно констатировать, что тема усадьбы долгое время оставалась актуальной среди русских эмигрантов, для многих она являлась живым образом ушедшего прошлого, неотъемлемой частью воспоминаний, истории. В рамках статьи представляется невозможным полностью охватить или хотя бы просто перечислить все мемуарные произведения, посвященные усадебной тематике. Однако, даже на примере указанных источников видно, что обширное мемуарное наследие эмиграции является богатейшим свидетельством для изучения русской усадьбы. В перспективе привлечение этого корпуса мемуаристики может расширить источниковую базу отечественного усадебоведения и значительно обогатить исследования в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Васильчиков Б.А. Воспоминания. – М.: Наше наследие, 2003. – 271 с.
2. Васильчикова Л.Л. Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой, 1886–1948. – СПб.: Петербургские сезоны, 1995. – 544 с.
3. Виноградов С.А. Прежняя Москва. – Рига: MultiCentrs, 2001. – 216 с.
4. Волков-Муромцев Н.В. Юность; От Вязьмы до Феодосии (1902 – 1920). – М.: Русский путь, Грааль, 1997. – 432 с.
5. Волконский С.М. Мои воспоминания: в 2 т. – Т.2: Родина. – М.: Захаров, 2004. – 544 с.
6. Волконский С.М. Усадьба // Источник. – 2002. – № 3 (57). – С. 25-32.
7. Голицын А.Д. Воспоминания. – М.: Русский путь, 2008. – 608 с.
8. Граббе П. Окна на Неву. Мои юные годы в России. – СПб.: Изд-во «Иванов и Лещинский», 1995. – 206 с.
9. Гранков Д.А. «Где жили, спокойно друг друга любя...» // Родина. – № 5, 2011. – С. 145-147.
10. Гудков А.А. Отечественное усадебоведение XX в. Опыт историографии: Автореф. дис. ... канд. исторических наук. – М., 2006.
11. Добрышин Н. Наша усадьба // Новое русское слово. – 1971. – № 22146. – С. 8.
12. Зеленин А. Язык русской эмигрантской прессы (1919-1939). – СПб.: Златоуст, 2007. – 380 с.
13. Иванова Л.В. Предисловие // Русская усадьба на страницах журналов «Старые годы» и «Столица и усадьба». – М., 1994. – 64 с.
14. Кожевникова И.П. Уроки постижения. Художник Варвара Бубнова: воспоминания, статьи, письма. – М.: Истина и жизнь, 1994. – 480 с.
15. Лукомский Г.К. Старые годы. – Берлин: Издание Е.А. Гутнова, 1923. – 155 с.
16. Марков (Шарки) А.Л. Родные гнезда. – Сан-Франциско, 1962. – 224 с.
17. Марков Б.В. Культура повседневности. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
18. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868-1917. – Кн. 1. – Нью-Йорк: Издание А.К. Наумовой и О.А. Кусевитской, 1954. – 377 с.
19. Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861-1920. – М.: Росс. Фонд Культуры, Студия ТРИТЭ, Российский Архив, 2008. – 1000 с.
20. Романова М.П. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. – М.: Захаров, 2004. – 512 с.
21. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
22. Тейтель Я.Л. Из моей жизни за сорок лет. – Париж: Издательство Я. Поволоцкий и Ко, 1925. – 241 с.
23. Филиппов Б. Роман Гуль – прозаик. К 90-летию // Новый журнал. – Нью-Йорк, март 1986 г. – № 162. – С. 95-102.
24. Цуриков Н.А. Прошлое. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 448 с.
25. Шмеман И.С. Моя жизнь с отцом Александром. – М.: Софийская набережная, 2008. – 160 с.
26. Шмеман С.А. Эхо родной земли. Двести лет одного русского села. – М.: Рудомино, 2003. – 323 с.
27. Щукин В.Г. Миф дворянского гнезда. – Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1997. – 316 с.

УДК 923 Кривошеина

Бочаров К.В.

Московский государственный областной университет

ВОСПОМИНАНИЯ НИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ КРИВОШЕИНОЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

K. Bocharov

Moscow State Regional University

NINA ALEKSEEVNA KRIVOSHEINA'S MEMORIES AS A HISTORICAL SOURCE

Аннотация. В статье автор дает оценку и отмечает особенности мемуаров Н.А. Кривошеиной как важнейшего и достоверного источника по истории и судьбам российской эмиграции первой волны, нашедшей обитание во Франции. Эмиграция первой волны – самая многочисленная по своему составу. Большинство тех, кто покинул Россию после революции 1917 г., предпочли жизнь во Франции, поскольку здесь были самые обширные и глубокие культурные связи, уходящие корнями ещё в XVIII в. Н.А. Кривошеина, обладая безусловным литературным даром, редкой наблюдательностью, критическим мышлением и русской душой, создала, пожалуй, один из самых примечательных исторических памятников по истории русского зарубежья.

Ключевые слова: русская эмиграция, Франция, Вторая мировая война, оккупация, Сопротивление, коллаборационизм.

Abstract. The author mentions the peculiarities of N. Krivosheina's memoirs. The author considers this memoirs to be one of the most important and authentic historical sources of information about the fate of the Russian emigration's first wave to France. This first wave turned out to be the most numerous one. Most of those who left Russia after the 1917 Revolution preferred to live in France, as there were very extensive and deep cultural ties dating back to the XVIII century between the two countries. N.A. Krivosheina, being absolutely literary gifted and having a rare talent for observation, critical thinking, and being a true Russian, was able to create one of the most remarkable monuments to the history of the Russian emigration.

Key words: the Russian emigration, France, World War II, occupation, Resistance movement, collaboration.

Революция 1917 года и вслед за ней Гражданская война лишили Родины многих наших соотечественников. Покинули Россию многие яркие ее представители, интеллектуальная элита страны. Большевики не жаловали дворян, купцов, всякого рода собственников, и особенно очень не любили интеллигенцию. Многие бежали за границу, спасаясь от арестов, ссылок и расстрелов. Большинство русских эмигрантов разными путями и в разное время нашли своё обитание во Франции.

Русская эмиграция во Франции рассматривается как самая значительная и представительная с точки зрения национального сообщества, если принимать во внимание составляющие ее элементы. Изгнанники Октябрьской революции и немногие остатки армий Врангеля, Деникина и Колчака – большинство русских эмигрантов именно сюда прибыли искать убежища.

Франция уже давно имела особую привлекательность для эмигрантов. Владение французским языком всегда считалось проявлением хорошего тона в высшем обществе, и большинство представителей интеллигенции и аристократии читали французскую литературу, были знакомы с культурой Франции. Традиционные русско-французские связи и демократические традиции Французской республики, благоприятная демократическая и экономическая ситуация в стране в 1920-е гг., в целом более доброжелательное отношение французов к выход-

цам из России, по сравнению с другими европейскими странами. Все это предопределило эмиграцию русских во Францию, ставшую главным политическим и культурным центром русского зарубежья.

Русское зарубежье является неотъемлемой частью истории России, и его изучение даёт объективное и более полное понимание процессов, происходивших в нашем ещё недавнем прошлом. При изучении жизни русской эмиграции, конечно, наиболее важными источниками являются мемуары и письма очевидцев и участников тех важных событий XX в. Для того чтобы создать наиболее полную и объективную картину жизни русских за рубежом, необходимо расширять источники по изучению эмиграции, читать, изучать, анализировать их. К таким важным источникам, безусловно, можно отнести книгу Нины Алексеевны Кривошеиной «Четыре трети нашей жизни».

Эта книга воспоминаний дочери крупного промышленника Алексея Павловича Мещёрского, бывшей замужем за сыном Александра Васильевича Кривошеина – министра земледелия (1908–1915 гг.) и премьер-министра Врангелевского правительства (1919–1920 гг.), о яркой, необычной и в то же время характерной для эпохи жизни семьи.

Первая треть прошла с типичными приметами времени – няни, гувернантки, уроки французского, домашняя белка в колесе, мир довоенного и дореволюционного Петербурга, прогулки по Таврическому саду, посещение знаменитой кондитерской Тэрно на Литейном проспекте. Хождение в танцкласс и посещение концертов Зилоти и Кусевицкого в Дворянском Собрании. Была и первая любовь – Сергей Прокофьев. Первая мировая война, когда она работала «в складах» с великими княжнами. Затем Февральская и Октябрьская революции. Тяготы наступившего большевистского режима в 1919 г. После поражения и отступления войск Юденича – уход из России пешком через Финский залив по льду в Финляндию.

Затем – послевоенный Париж. Его особая атмосфера ожиданий, надежд на лучшее,

мирное восстановление и людское возбуждение после отгремевших пушек. Оживлённый Монпарнас, знаменитые кафе «Ротонда» и «Доом». Нина Алексеевна пошла работать кассиром в русский ресторанчик «Самарканд». Сотрудничала с группой Младороссов [1, с. 11]. Вместе с этим – адаптация к новым условиям, постепенно приходящее понимание того, что возвращение на Родину всё призрачнее, всё отдалённое. Большевистская Россия набирала свои силы, получила признание мировых держав и совсем не была похожа на Родину, которую они покинули. Однако тоска по Родине – вещь иррациональная и, сродни любви, точному объяснению не поддаётся.

Наступившая Вторая мировая война снова круто меняет их жизнь. Кривошеина знакомится с Матерью Марией (Кузьминой-Караваевой), ее муж Игорь Александрович принимает живое участие в движении Сопротивления, попадает под арест гестапо и его увозят в концлагерь Бухенвальд, откуда он вернётся только в 1945 г.

После войны вышел Указ Верховного Совета СССР 1946 г. Кривошеины получают советские паспорта и возвращаются из Франции на Родину, где многих вернувшихся ожидали фильтрационные и репатриационные лагеря. Их ссылают в Ульяновск. Там она устраивается на работу в Ульяновский педагогический институт, знакомится с Надеждой Яковлевной Мандельштам, вдовой поэта. Вскоре Игоря Александровича арестовывают сотрудники КГБ по ложному обвинению «в сотрудничестве с мировой буржуазией», его приговаривают к 10 годам лишения свободы. В заключении он знакомится с Александром Исаевичем Солженицыным. После освобождения Кривошеина знакомство с Солженицыным продолжилось. Как следствие ареста мужа – увольнение Н.А. Кривошеиной из пединститута. Нина Алексеевна единственно, куда после этого смогла устроиться, – только лишь кассиром в городском саду имени Якова Свердлова. В СССР они пробыли до 1974 г., а затем благодаря усилиям мужа и сына им удалось снова вернуться в Париж, где она прожила свои последние 7 лет с 1974 по 1981

гг. Как писала сама Н.А. Кривошеина, «неганданный, родной и очень живой»...

Особое внимание стоит уделить самым кровавым страницам нашей истории, а именно Второй мировой войне. Кроме прочего, «Три четверти...» – очень важный и один из самых богатых источников для изучения жизни русской эмиграции. В том числе в такое поворотное для всех время войны. Нина Алексеевна подробно описывает и достоверно передаёт и события оккупированного Парижа в среде русских эмигрантов, и настроения и атмосферу, царившую в то время.

В частности, оказавшись очевидицей событий оккупированной Франции, она пишет про то, как продолжалась жизнь, несмотря на присутствие немецких захватчиков. Отмечает также, что зима 1940–1941 гг. была небывало холодная для Парижа, температура доходила до минус 18°, выпало много снега, который никто не убирал. Такие морозы привычны для России, но не для европейского Парижа, где зимой редко бывает и минус 10°. Питались плохо и скудно, практически не было ни соли, ни сахара. Несмотря на оккупацию, жизнь продолжалась. К весне появились автобусы на газу, исправно работало метро, а вот частных машин и такси не было. Только немцы, не обращая внимания на пешеходов, гоняли с большой скоростью на серых военных автомобилях [3, с. 130].

Крайне важно отметить и то, как в эмиграции отреагировали на начавшуюся войну Германии и СССР. Кривошеина отмечает, что с весной 1941 г. нарастало в эмигрантских кругах тревожное настроение. Почти никто не сомневался, что Германия не ограничится занятым ею юго-востоком Европы. Одна страна за другой были поглощены блицкригом. Ходили всяческие слухи. И вот наступило памятное воскресенье 22 июня 1941 г. В приёмниках можно было поймать только немецкую волну, где захлёбывался Геббельс, вещая о том, как «славные немецкие войска усиленно продвигаются вглубь страны, не встречая сопротивления...» Всё стало на свои места, случилось и началось то, чего все ждали [3, с. 132].

Сразу же после этого по Парижу прокатилась волна арестов в среде русских эмигрантов. Арестовали князя Петра Андреевича Бобринского, князя Красинского, ещё сына великого князя Андрея Владимировича и Матильды Кшесинской, взяли генерала Николая Лаврентьевича Голеевского, который во время Первой мировой служил военным атташе в Вашингтоне, арестован был в тот же день и муж Нины Алексеевны – Игорь Александрович Кривошеин. Всех их отвозили сначала в особняк на авеню Фош, дом 72. Это было здание гестапо в Париже. Там решались их судьбы, и чаще всего оттуда попадали в концлагеря.

Через некоторое время в гестапо поняли, что арестовав так сразу самых видных эмигрантов, совершили грубую ошибку, но, тем не менее, пригрозили, что в случае чего можно оказаться в лагерях Германии. Так, многих спустя 2-3 месяца отпустили на свободу. Однако это лишь подстегнуло к тому, чтобы движение Сопротивления развернуло свою работу, борясь с фашизмом. Игорь Александрович Кривошеин примет живейшее участие в Сопротивлении, будет арестован и сослан в лагерь Бухенвальд, откуда вернётся уже после войны больным и измученным, но живым.

В целом же жизнь во Франции под оккупацией шла своим ходом и очень по-французски, с характером. Все старались получше одеться, пошикарнее, подчас совсем броско и пёстро; у большинства женщин были сапоги и туфли на деревянной подошве, и они, как кастаньетами, отбивали на улице шаг; театры и кино были переполнены – ведь это Париж, и парижский шик и темп не умрут из-за того, что по Парижу «с жадными лицами шляются немцы» [3, с. 140].

Были и те в русских кругах, кто поклонялся Гитлеру, верившие в фашизм и примкнувшие в конце войны к генералу Краснову или к Власову. Война расколола эмигрантов, обнажив проблему отношения к войне, к России, к фашизму. Никогда больше эмигрантская среда не станет ни столь многочисленной, ни столь единой. Этот поворотный момент отражает и Н.А. Кривошеина в своих воспоминаниях.

Вскоре после окончания войны Кривошеины вернутся в СССР, где их будет ждать не покой родной России, а новые беды. Родиной сердечной им всё же стал Париж, в котором им посчастливится оказаться незадолго перед смертью.

Свои мемуары Н.А. Кривошеина стала писать в последние свои годы жизни в Париже с конца 1977 г. по июль 1981 г. Писать стала по призыву А.И. Солженицына [4, с. 473], для хранения во «Всероссийской Мемориальной (Мемуарной) Библиотеке». Для возможного их издания, что немаловажно для изучения истории XX в.

В конце 1977 г. Н.А. Кривошеина написала и отправила в ВМБ два отрывка – «25 октября 1917 года», и «Побег» в декабре 1919 г. из Петрограда.

По настоянию Солженицына Нина Алексеевна решила продолжить работу, в итоге написав около пятисот страниц.

В ВМБ работа отправлялась частями, а последняя бандероль была послана в июле 1981 г.

К тому времени состояние Н.А. Кривошеиной резко ухудшилось, и продолжать свою работу она уже не смогла. Она скончалась в Париже 29 сентября 1981 г.

Её воспоминания обрываются 20 января 1954 г. Когда она в Ульяновске получает телеграмму из Москвы от сына с известием, что мужа привезли из лагеря на Лубянку для пересмотра дела. Таким образом, в мемуарах не отражены последний год жизни в Ульяновске – 1954 г., 20 лет в Москве, с 1954 по 1974 гг. и 7 лет в Париже (1974–1981 гг.).

Следует отметить высокую степень достоверности книги. Нина Алексеевна неоднократно ссылается на другие источники по изучению истории эмигрантской России. Например, на периодическое издание на русском языке «Последние Новости» – ежедневная газета леворадикального направления, которая стала выходить с 27 апреля 1920 г. до 11 июня 1940 г. (№ 1-№7015). В газете неоднократно публиковался их близкий знакомый Михаил Осоргин, а также многие другие русские эмигрантские авторы.

Также подтверждаются и сведения об Александре Исаевиче Солженицыне, с которым у Игоря Александровича Кривошеина завязалось знакомство, и именно по настоянию писателя Нина Алексеевна взялась за написание книги воспоминаний. На это указывает историк, д.и.н. Александр Владимирович Островский в книге «Солженицын – прощание с мифом»: – «...говоря о своих встречах с бывшими товарищами по “шарашке”, И.А. Кривошеин удостоил чести назвать только две фамилии: Л.З. Копелева и А.И. Солженицына...» [6, с. 248]. В той же книге Островский замечает, что сам Александр Исаевич по каким-то причинам нечасто упоминал имя Игоря Александровича, однако же настоял на том, чтобы Нина Алексеевна написала свои мемуары. Так или иначе, но факт знакомства и общения Кривошеиных и Солженицына подтверждается.

Памяти Матери Марии посвящается статья Игоря Александровича [2, с. 30-42] «Мать Мария (Скобцова), давно издана книга самой Елизаветы Юрьевны [4].

Также в «Четырёх третях...» указан такой факт, что Мать Мария близко знала Бориса Вильде, который совместно с Анатолием Левицким начали дело Французского Сопротивления и были расстреляны гестапо. Являясь современницей и очевидицей века, прожившая нелёгкую, но очень богатую на события жизнь, Нина Алексеевна сумела воспроизвести многие важные моменты истории XX в. Благодаря книге, многие события смотрятся более многогранно, что позволяет представить картину жизни объективнее и более полно. Любопытным стал и тот факт, что на основе её книги был снят известный фильм «Восток-Запад», где как раз говорится о судьбе эмигрантов, вернувшихся в СССР после Второй мировой войны.

Книга «Четыре трети нашей жизни» – не только замечательный источник по изучению русской эмиграции, но и превосходный памятник литературы. Язык, которым пишет Нина Алексеевна, очень живой, исконно русский, со всем своим богатством и многообразием форм и образов. Словно читатель

проживает жизнь вместе с Кривошеинными. Данный источник обладает не только обширным фактическим материалом, но и погружает нас в атмосферу эмигрантской жизни. И это крайне важно для изучения истории первой половины XX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Елисеев А. «Царь и Советы»: Идеиные поиски движения младороссов // Наш современник. – 2005. – № 11. – 230 с.
2. Кривошеин И. Мать Мария (Скобцова). К 25-летию со дня кончины // Журнал Московской Патриархии. – М., 1970. – № 5. – 98 с.
3. Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. – М.: Русский путь 1999. – 288 с., илл. – (ВМБ. Серия «Наше недавнее». Вып. 6).
4. Мать Мария: стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. – Париж: La presse francaise et etrangere / Oreste Zeluck. – 130 с.
5. Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 2. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. – Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. – 1996. – 430 с.
6. Островский А. В. Солженицын: Прощание с мифом. – М., 2004. – 560 с.

УДК 502/504(430):329.1

Вититнев С.Ф.

Московский государственный областной университет

**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА
В ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
КОНСЕРВАТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ГЕРМАНИИ**

S. Vititnev

Moscow State Regional University

**ECOLOGICAL MOVEMENT AS A SUBJECT OF ANALYSIS
IN HISTORICAL-POLITOLOGICAL LITERATURE
OF GERMANY'S CONSERVATIVE TREND**

Аннотация. Статья посвящена вопросу об отражении деятельности партии «зеленых» в работах авторов, представляющих консервативное направление в историко-политологической литературе ФРГ. Предметом рассмотрения выступают публикации, выходящие в свет в течение последних двух десятилетий, являющиеся наиболее значимыми в научном отношении. Первоочередное внимание уделяется анализу концептуальных подходов и оценочных суждений, характеризующих понимание представителями данного направления политической сущности «зеленых». При этом устанавливаются факторы, определяющие специфику указанных суждений.

Ключевые слова: экологическое движение, идеология, консерватизм, «зеленые», отношения собственности, «левый» экстремизм, марксизм, «новые левые».

Abstract. The article is dedicated to describing the activities of the «Green» Party in the works of the authors, representing the conservative trend in historical-politological literature of the FRG. The subject of analysis is a number of publications of the last two decades as being the most scientifically significant. Much attention is given to the analysis of some conceptual approaches and evaluative judgments, characterizing the rights' understanding of the political essence of the «Greens».

Key words: ecological movement, ideology, conservatism, the «Greens», property relations, «the left» extremism, Marxism, «the new lefts».

Феномен экологического движения имеет на сегодняшний день достаточно продолжительную историю изучения. В ФРГ уже с конца 70-х гг. XX в. начинают появляться соответствующие публикации, а их проблематика во многом была задана объективной логикой развития экологического движения. Предпринимаются попытки осмыслить причины его возникновения, раскрыть социально-политическую сущность.

Претензии «зелёных» на создание партии нового типа, к которой не применимы основанные на дихотомическом делении характеристики «правая» или «левая», стимулируют дискуссию об их принадлежности к определённой части политического спектра и содержании идейно-теоретических установок, а участие в борьбе за обладание депутатскими мандатами придало актуальность вопросу о том, на какие категории избирателей они опираются.

Вхождение эко-партии в стены земельных ландтагов, а затем и бундестаг, в сочетании со стремлением сохранить стиль политического поведения, присущий внепарламентским движениям, опыт сотрудничества с другими партиями заставляют многих исследователей задуматься о месте «зелёных» в политической системе ФРГ, эффективности их политического курса. Выделение отдельных внутрипартийных течений, усиление противоречий между ними, также не были обойдены вниманием в германской исторической и политологической литературе. Как, впрочем, и причины поражения «зелёных» на первых общегерманских выборах 1990 г., их отказ от бывшего радикализма, подкрепленный политическим сближением с СДПГ, выражением чего становится формирование первой и затем второй «красно-зелёной» правительственной коалиции (1998 г. и 2002 г.). Эти вопросы в той или иной степени получили отражение на страницах целого ряда статей и монографий, авторы которых представляли различные направления в современной историографии ФРГ. Заметный вклад в разработку вопросов становления и последующего развития экологического движения внесли

представители консервативного направления, в многочисленных трудах которых весьма подробно представляются основные этапы политической деятельности «зелёных», анализируется содержание их программных документов. При этом, несмотря на заметную тенденциозность оценок и суждений, авторам данного направления в целом удалось выявить сущностные черты теории и практики экологического движения, заострить внимание на слабостях и ошибках последнего. Как правило, исследователи консервативного профиля не считают нужным скрывать свое достаточно враждебное отношение к «зелёным» и самым жёстким образом критикуют их, определяя как партию левых экстремистов, противников существующего в ФРГ «свободно-демократического строя».

Одним из первых, еще в конце 1970-х гг., своё отрицательное отношение к намерению участников экологического движения не ограничиваться лишь борьбой в защиту природы, а встать на путь партийного строительства, войти в большую политику, выразил В. Шлаффке в книге «Вне игры: альтернативисты – ложный путь или новая мировая культура» (1978 г.) [11, с. 23].

Весьма подробно история экологического движения в ФРГ, политические перипетии, связанные с возникновением партии «зелёных», её участие в избирательных кампаниях, особенности проводимой тактико-стратегической линии рассматривает Г. Ланггут в книге «Зелёный фактор: от движения к партии» (1984 г.). Автор однозначно связывает «зелёных» с леворадикальным движением, подчеркивая, что их политические успехи не случайны, а являются «долговременным следствием студенческого протеста поколения 68-го года» [10, с. 79].

В середине 1980-х гг., согласно Г. Ланггуту, можно выделить пять фаз генезиса эко-партии. Первая связана с образованием в 1973-1975 гг. локальных «гражданских инициатив» по защите окружающей среды. Вторая – с появлением в 1977 г. земельных партий и избирательных объединений экологического профиля, ведущих друг с другом конкурентную

борьбу. Третья характеризуется появлением специально созданного для участия в выборах в Европарламент (1979 г.) «Особого политического объединения», вобравшего в себя целый ряд «зелёных» организаций. Четвёртая берет отсчет с момента создания эко-партии (1980 г.), а пятая – с её вхождения в бундестаг (1983 г.).

Оценки, даваемые Г. Ланггутом политике «зелёных», типичны для авторов консервативного направления. Так, совершенно неприемлемым ему представляется нежелание «зелёных» идти на компромиссы, заключение которых служит «условием выживания парламентской демократии» [10, с. 79]. Иллюзорной он считает и концепцию «базисной демократии», поскольку ее практическая реализация будет означать «замену власти народа властью кадрового меньшинства» [10, с. 86].

Тотальной критике консервативно настроенные авторы подвергают «зелёных» в книге «Зелёный хаос: разоблачение порочной политики (1985 г.)». Так, Р. Хаан, ставя под сомнение способность эко-партии полноценно работать в бундестаге, подчеркивает, что «зелёные» видят в нём лишь сцену, на которую нужно вывести внепарламентские движения, чьей «играющей ногой они себя называют» [6, с. 30]. В. Шлаффке доказывает, что «зелёные» ведут борьбу против основ общественного устройства в ФРГ, отвергая демократию в её парламентской форме, не признают волеизъявления большинства [6, с. 35-36], ищут моральные оправдания применения насилия в отношении военных, полиции, юстиции и прессы [6, с. 40]. При этом отстаиваемый принцип прямой демократии они не в состоянии реализовать даже в собственном кругу, о чём свидетельствуют все проводимые ими съезды. Мечтая о будущем «зелёные» хотят подогнать все разнообразие человеческой жизни под один стандарт [6, с. 51], планируют разрушить технологический базис современного общества, использовать во имя достижения собственных целей всевозможные бойкоты и запреты [6, с. 54].

По мнению Х. Фогта, хотя «зелёные» провозглашают, что «децентрализация, самоуп-

равление и самоопределение являются теми ключами, что открывают двери в эгалитарное и свободное от насилия общество, на деле они не уважают воли избирателей, а в самой эко-партии установилось господство клики активистов [6, с. 62]. Посылая депутатов в парламент, «зелёные» видят в них выразителей воли не народа, а «базиса» или элитарного меньшинства, что противоречит положениям конституции [6, с. 77]. Антиконституционную направленность, согласно оценке Г. Тимера, носят «представления «зелёных» о семье, видящих в ней лишь союз легко меняющихся партнеров, что означает отрицание «основ бытия общества» [6, с. 105], стремление «защищать» социальных маргиналов, что выражается в «навязывании их норм по-другому думающему и чувствующему большинству» [6, с. 112].

Согласно замечанию К.-Р. Кабелитца, «зелёные» не способны понять, что «защита природы без технического прогресса и роста экономики невозможна, а мечты о преодолении индустриального общества, в случае их претворения в жизнь, будут означать возврат «в деревни и леса» [6, с. 113]. Столь же плачевный результат будет получен в случае реализации сельскохозяйственной программы «зелёных», поскольку это разорит немецких крестьян и нанесёт вред интеграционным процессам в Европе [6, с. 201]. В то же время аграрная концепция «зелёных» несёт на себе отпечаток нацистского мифа о «крови и почве», с его идеей о метафизической гармонии крестьянина и природы [6, с. 202]. Анализируя содержание энергетической программы «зелёных», предполагающей отказ от производства и потребления атомной энергии, К.-Р. Кабелитц пишет, что другие источники не способны удовлетворить потребности человечества в энергии [6, с. 211], а потому своими призывами эко-партия «прокладывает дорогу в энергетическое средневековье» [6, с. 217]. Столь же односторонни и требования «зелёных» о введении скоростных ограничений на дорогах, поскольку в населённых пунктах будут в больших количествах скапливаться выхлопные газы медленно двигающихся автомобилей [6, с. 237].

Серьезные противоречия в экономической программе «зелёных» обнаруживает Р. Бирет, по утверждению которого, наряду с требованиями о децентрализации социальной и производственной сферы, в ней можно обнаружить пассажи, означающие признание необходимости высокого уровня централизации. Весьма неконструктивны, по мнению Р. Бирета, «зелёные» в вопросе о собственности, т. к. отрицая все «известные отношения собственности и распоряжения, они не предлагают конкретной альтернативы» [6, с. 138]. Выдвигаемый же «зелёными» проект создания альтернативного сектора экономики, отмечает Т. Файн, в основу функционирования которого будет положен принцип демократического самоуправления, не может быть взят на вооружение, доказательством чему служит негативный опыт Югославии, попытавшейся внедрить его в хозяйственную практику [6, с. 166]. Что же касается отстаиваемой «зелёными» концепции организации обороны страны от внешней агрессии, то, по словам П. Мартенса, «она не основывается ни на опыте, ни на реальности» и выгодна только СССР [6, с. 247].

Анализу теоретических установок, а также истоков экологического движения, стратегии и тактики «зелёных» посвящена книга, вышедшая под редакцией В. Шлаффке «Осторожно: «зелёный» случай. Партия ложной надежды» (1987 г.). «В своей любви к сочинению программ», – пишет В. Шлаффке во введении к книге, «зелёные» побили все рекорды и хотя они ведут споры по вопросам стратегии и тактики, в конечном счете обнаруживают единство в намерении выйти из высокотехнического общества, социальной рыночной экономики, свободной конкуренции, международного разделения труда и экспорта, западной системы политических союзов» [16, с. 8]. Оценив «зелёных» как революционную партию, не скрывающую своих целей, В. Шлаффке с тревогой отмечает признаки некоего её сближения с СДПГ, подчеркивая, что последняя остаётся от этого только в проигрыше. Вместе с тем он признаёт, что руководство «зелёных» к сотрудничеству с соци-

ал-демократами относится прохладно, делая ставку на «радикальное внепарламентское сопротивление» [16, с. 16]. Приверженность к подобным методам авторы книги связывают с тем, что духовными и политическими предтечами «зелёных» являются участники «студенческого бунта 1968 года», сторонники существовавшей тогда внепарламентской оппозиции, образ мыслей, политические установки, формы деятельности которых и были позаимствованы эко-партией [16, с. 21].

Заметным образом в книге преувеличивается радикальность фактически выступавшего за интеграцию «зелёных» в действующую политическую систему внутрипартийного течения «реалистов». Утверждается, что последние «лишь фальшивым образом симулируют прагматизм и готовность к компромиссу», а потому являются такими же радикальными левыми, как течения фундаменталистов и эко-социалистов [16, с. 26-27]. Этот вывод приходит в определённое противоречие с замечанием, сделанным уже на другой странице, о том, что «реальные» политики, признающие монополию государства на применение насилия, рассматриваются в фундаменталистских кругах, как враги [16, с. 31].

Характеризуя манеру политического поведения «зелёных», производную от их мировоззренческих установок, авторы книги пишут, что «те с момента своего учреждения создают вокруг себя ауру эсхатологии и апокалипсиса», а их последователи оказываются в «водовороте страхов перед концом света, мировой войной, экологической катастрофой, перспективой истощения источников сырья и энергии» [16, с. 41]. Порочным провозглашался и взятый на вооружение «зелёными» принцип «базисной демократии», в соответствии с которым они намеревались построить «социальное, гуманитарное и справедливое будущее» [16, с. 52]. Подчёркивалось, что «зелёные» не раскрывают содержания понятия «базис», хотя в любом случае предоставлять обозначаемой таким образом группе людей право контролировать деятельность депутатов выборных органов незаконно, поскольку те не могут быть свя-

заны конкретными поручениями частных лиц, а должны прислушиваться лишь к голосу собственной совести [16, с. 53]. Помимо этого, мечтая о базисной демократии и видя в представительной демократии лишь «спектакль по оглуплению народа», цель которого – завуалировать несправедливость и отношение господства, «зелёные» используют в политической борьбе все «средства и институты», предоставляемые властью, которую так презирают [16, с. 54].

Значительную долю ответственности за усиление политических позиций «зелёных» в стране авторы книги склонны возлагать на СДПГ, в первую очередь – на её левое крыло, поддерживающее идею союза с эко-партией. Под его давлением в программных документах социал-демократов становится всё больше положений, созвучных тем, что можно обнаружить в программе «зелёных». Помимо этого в обеих партиях усиливаются «пацифистские, антирыночные, антикапиталистические технофобные, антипрогрессистские настроения», что также благоприятствует реализации упомянутой идеи [16, с. 100; 104].

Критика СДПГ за её попустительство левым радикалам от экологии может быть обнаружена и в книге «Зелёные» на уровне проверки: анализ деятельности одной партии» (1987 г.). Так, Х.-П. Шварц в предисловии к ней отмечает, что социал-демократы не только не смогли воспрепятствовать превращению «зелёных» в партию, имеющую своих представителей в парламенте, но даже пошли на заключение с ними правительственной коалиции в Гессене, не понимая, что тем самым ослабляют свои собственные позиции [13, с. 21-23]. Это – показатель того, что СДПГ попадает под влияние «зелёных», утрачивая способность к ответственным действиям. Поэтому задача ХДС заключается в том, чтобы «вытолкнуть» эко-партию из политической жизни, рассеять её избирателей, добившись их деморализации [13, с. 24]. Это необходимо сделать, ибо «зелёные» стремятся изменить статус ФРГ в рамках НАТО, успешно ведут борьбу за влияние на молодёжь, а некоторые из их лозунгов похожи на те, что в свое

время выдвигались нацистами [13, с. 25-27]. М. Лангнер в статье «Зелёные» в партийной системе: радикальные, утопичные, левые и революционные» отмечает, что в своей программе «зелёные» характеризуют себя как партию приверженную идеям экологизма, социальности, демократии и ненасильственности, хотя дело обстоит совсем по-другому. Радикальным является руководство «зелёных», утопической – их идеология, левыми – социально-экономические требования, а нежелание четко заявить о неприемлемости насилия в политике, делает их революционной партией [8, с. 33].

Малопривлекательными чертами наделяет сторонников «зелёных» в своей статье Х.-Й. Веен, отмечая, что их система ценностей замешана на эгоцентризме, именуемом «самореализацией» [14, с. 65].

По мнению Х. Фогта, «зелёные» являются партией левых экстремистов, что закономерно, поскольку её ряды в массовом порядке пополнили выходцы из различных анархистских и прокоммунистических организаций [5, с. 132; 148]. Внеся раскол в СДПГ, «зелёные» намереваются увеличить свою численность и превратиться в социалистическую партию, способную свергнуть существующий в ФРГ социально-экономический строй [5, с. 163]. Влияние марксизма на «зелёных», согласно утверждению Х. Фогта, проявляется в их требованиях преодолеть капиталистические производственные отношения и перевести средства производства в общественную собственность [5, с. 180]. Однако, с другой стороны, в отличие от коммунистов, они высказались за «плюрализм форм поведения и организации, отказались от марксистской веры в прогресс, критично настроены по отношению к науке и технике, росту производительных сил [5, с. 178-179].

Анализ финансового положения «зелёных» содержится в статье Г. Винандса, отмечая, что они, будучи партией, враждебной существующему общественному строю, тем не менее пополняют свою казну главным образом за счет государственного бюджета [18, с. 210-211].

Идеологическим и пропагандистским аспектам деятельности «зелёных» посвящена статья С. Айзеля «Опасность иррационального». Согласно авторской оценке, отличительной особенностью политического поведения «зелёных» является склонность к постоянному морализированию, посредством которого диффамируются противники [4, с. 251]. При этом «зелёные» в своих идеологических построениях «стремятся редуцировать комплексность мира к простым вопросам», «противопоставляют утопии реальности, исходя из того, что если идея и реальность не совпадают, то тем хуже для реальности» [4, с. 254-255]. Они размывают смысл понятий, манипулируют ими, претендуют на монопольное право давать дефиниции применительно к различным политическим явлениям [4, с. 263]. Согласно представлению С. Айзеля, «зелёные» – собирательное движение всех форм протеста против государственного и общественного строя, сборный пункт марксистов, коммунистов, идеалистов природы, гуманистов, анархистов, и по сути дела являются эрзац-коммунистической партией [4, с. 275]. Их мировоззрение насквозь иррационально, что несёт опасность для демократии, ибо «иррационализм затупляет оружие логики в огне эмоций, приводя к конфронтации между взвешенными доводами рассудка и ригоризмом убеждений» [4, с. 277].

Д. Вайрих в статье «Зелёная семантика и альтернативные медиа» отмечает, что своими успехами «зелёные» во многом обязаны имеющимся в их распоряжении средствами массовой информации, в которых в выгодном свете преподносятся их политические инициативы [17, с. 294-295].

Анализ итогов деятельности «зелёных» по реализации своих экологических программ содержится в статье Б. Шмидбауэра «Претензии и действительность: итоги «зелёной» политики по защите окружающей среды». По мнению автора, эти итоги неудовлетворительны. В бундестаге все предложения «зелёных» депутатов носили исключительно утопический характер, не была выдвинута ни одна реалистичная альтернатива и не сдела-

но ничего для налаживания сотрудничества в деле охраны природы с другими партиями [12, с. 359]. В целом можно обнаружить тенденцию к снижению значения вопросов экологии в программатике и практике «зелёных», на глазах превращающихся в классическую радикальную партию [12, с. 364].

По мнению Р. Бирета, высказываемому в статье «Между сказочной страной и принудительным отказом», экономическая концепция «зелёных» не только окрашена в социалистические тона, но и насквозь утопична. Это выражается в том, что «зелёные» возлагают ответственность за кризис, в котором пребывает существующая экологическая система, преимущественно на крупный бизнес [1, с. 367], хотя в ряде документов его союзниками в борьбе против окружающей среды называют и профсоюзы [1, с. 371]. Под этим «зелёные» неверно понимают цели экономической политики, которая, согласно их утверждениям, должна быть направлена не на обеспечение населения товарами и услугами, а на устранение ущерба, нанесённого окружающей среде [1, с. 372]. Об отсутствии реализма говорит и намерение «зелёных» заменить частную собственность общественной, которая должна быть представлена новыми формами, («хотя узнать из программы эко-партии, как они будут выглядеть, невозможно») [1, с. 374], а также их намерение преодолеть индустриально-буржуазный способ производства, сочетающееся с завышенными конкретными требованиями социального характера. Это указывает на непонимание того, что высокий уровень удовлетворения человеческих потребностей может обеспечить лишь социальная рыночная экономика. Однако такого понимания, заявляет Бирет, нет даже у «зелёного» течения, именующего себя «реалистами» [1, с. 390-391].

В.-Д. Карл в статье «Политика обороны и безопасности «зелёных» утверждает, что на протяжении всех лет своего существования эко-партия в указанной сфере неизменно остаётся приверженной одним и тем же подходам, а на её съездах постоянно раздаются призывы выйти из НАТО, односторонне ра-

зоружаться, проводить нейтралистский курс, подоплекой чему служат антиамериканские настроения [7, с. 405]. За всеми этими общими фразами просматривается склонность «зелёных» к абстрактным заявлениям о принципах, при отсутствии целостной политической концепции [7, с. 400].

В статье «Немецкая политика «зелёных» Г. Ланггут рассматривает подходы эко-партии к вопросу о принципах взаимоотношений между ФРГ и ГДР. Таких подходов он называет три, подчеркивая, что каждый из них отражает позицию конкретной внутрипартийной группировки. «Национал-нейтралистский» подход характерен для бывших членов влившейся в ряды «зелёных» партии «Сообщество действий независимых немцев». Его суть в том, что Западная и Восточная Германии создают конфедерацию и проводят внеблоковую, нейтральную, демилитаризованную политику [9, с. 427]. «Движенчески-политический» подход демонстрируют сторонники течения «фундаменталистов», выступающие за активизацию контактов между новыми социальными движениями в ФРГ и ГДР [9, с. 431]. Представителей же течения «реалистов» Г. Ланггут называет проводниками евро-нейтралистского подхода, основанного на идеях национального государства и национальной культуры [9, с. 433].

Определяя «зелёных» как партию левых радикалов, авторы консервативного направления стремились доказать их идейно-политическую близость к коммунистам, а то и представить в качестве замаскированных коммунистов. С этой целью большое внимание в ряде публикаций уделяется роли различных леворадикальных организаций в формировании партии «зелёных», наличию между ними организационных и персональных связей. Примером тому может служить книга К. Брандта и Х. Глеумеса «С коммунистами и «зелёными» в 90-е годы?» (1986 г.), в которой они утверждают, что «зелено-альтернативные» – составная часть леворадикального движения и представляют собой продукт дифференциации и распада «новых левых» и догматических марксистских ком-

мунистических групп» [2, с. 26]. При этом авторы анализируют содержание тактико-стратегической линии различных коммунистических организаций по отношению к «зелёным», отмечая их неуклонное сближение. Подтверждением тому, утверждают Бранд и Глеумес, служит тот факт, что «зелёные» в предвыборной программе 1987 г. уже не говорят об одновременном роспуске военных блоков, как это было раньше, а требуют, чтобы ФРГ вышла из НАТО и в одностороннем порядке разоружилась [2, с. 26].

Очередной попыткой изобразить «зелёных» в качестве сообщества левых радикалов, враждебных «свободно-демократическому строю», стала работа Ф. Дормана ««Зелёные». Партия, представляющая «новых левых»», вышедшая в свет в 1992 г. уже после объединения Германии. По определению автора, «зелёные», возникшие как природозащитная, консервативная партия, в скором времени превратились «в левую партию антирыночного профиля», претендующую на всеобщее культурно-революционное преобразование» [3, с. 1]. Произошедшую метаморфозу он объясняет тем, что в эко-партию в массовом порядке устремляются вчерашние участники движения «новых левых», увидевшие в ней подходящий инструмент для реализации своих политических замыслов, вытеснившие в ходе внутрипартийной борьбы консервативно настроенных «чистых» экологов. Стремясь обосновать справедливость провозглашенных концептуальных подходов Дорман, обращается к исследованию вопроса, в какой мере среди избирателей, депутатов, партийных функционеров «зелёных» представлены участники движения «новых левых» или те, кто разделяет присущие этому движению ценностные ориентации. Помимо этого, он обстоятельно рассматривает процесс формирования эко-партии, обращая первоочередное внимание на участие в нем выходцев из различных леворадикальных объединений, показывает степень их влияния в земельных организациях «зелёных» и внутрипартийных течениях. Вниманием автора не были также обойдены программные документы «зелё-

ных», особенности их стратегии и тактики, отношение к парламентским и внепарламентским формам политической борьбы.

Результаты проделанного исследования, по мнению Ф. Дормана, однозначно свидетельствуют о справедливости положенного в его основу утверждения. Однако такой вывод представляется несколько тенденциозным, поскольку, справедливо констатируя присутствие в эко-партии участников движения «новых левых», автор преувеличивает степень их влияния. Это выражалось в том, что «зелёные», будучи генетически безусловно связанными с указанным движением, в целом уступали ему в радикализме политических требований и действий. К тому же доминирование левых радикалов у «зелёных» никогда не являлось абсолютным. Наряду с ними существовали значительно более умеренные течения, позиции последних были настолько прочны, что к моменту написания рассматриваемой работы они уже несколько лет как оттеснили левых радикалов от руководства и сами задавали направленность политического развития эко-партии.

Это обстоятельство учли Х.-Й. Веен и Ю. Хоффман при написании книги «Зелёные к началу 90-х годов» (1992 г.) [15, с. 179], в которой они анализируют социальный базис эко-партии, специфику взаимоотношений существующих в ней течений, приходят к выводу о набирающей силу тенденции к исчезновению черт, заметно отличающих её манеру политического поведения и принципы организации от тех, что присущи традиционным партиям. Подобное утверждение не было лишено оснований, но вопрос заключался в том, что «системная» интеграция «зелёных» все равно не превращала их в союзника находившегося у власти в этот период консервативно-либерального блока, а, напротив, закладывала основания для сближения с другой оппозиционной партией – СДПГ. Понимая это, Хоффман и Веен на страницах книги неоднократно высказывают свои критические замечания в адрес эко-партии, даже предстающей в образе сторонницы социального реформизма.

Следует отметить, что оценки, даваемые эко-партии авторами консервативного направления, определяются не только их личными политическими симпатиями и предпочтениями или приверженностью определенным теоретико-методологическим подходом. Речь идет об отношении к «зеленым» кругов, близких к такой влиятельной правоцентристской партии, как Христианско-демократический союз, видевшей в экологах своих политических противников и приложившей немало усилий, дабы минимизировать их участие в общественной жизни, снизить уровень поддержки среди избирателей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bierett R. Zwischen Schlaraffenland und Zwangsverzicht. Die Wirtschaftsprogrammtik der Grünen // Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei. – Bergisch Gladbach, 1987. – S. 367-396.
2. Brand C., Gleumes H. Mit Kommunisten und Grünen in die 90er Jahre?: Strukturen u. Entwicklungstendenzen des linksradikalen Bündnisgeflechts an den Hochschule der BRD. – Bonn, 1986. – 72 S.
3. Dormann F. Die Grünen. Repräsentationspartei der Neuen Linken. – Bonn, 1992. – 363 S.
4. Eisel S. Die Gefahr der Irrationalen. Wie die Grünen der ideologischen Versuchung erliegen // Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei. – Bergisch Gladbach, 1987. – S. 249-282.
5. Fogt H. Die Grünen und die Neue Linke. Zum innerparteilichen Einfluß der organisierten Linksradikalismus // Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei. – Bergisch Gladbach, 1987. – S. 128-188.
6. Das grüne Chaos. Enttarnung einer verfehlten Politik. – Köln, 1985. – 303 S.
7. Karl W.-D. Zur Außen – und Sicherheitspolitik der Grünen // Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei. – Bergisch Gladbach, 1987. – S. 397-422.
8. Langner M. Die Grünen im Parteisystem: radikal, utopisch, links und und revolutionär // Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei. – Bergisch Gladbach, 1987. – 31-59 S.
9. Langguth G. Die Deutschlandpolitik der Grünen // Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei. Bergisch Gladbach, 1987. S. 423-480.
10. Langguth G. Der grüne Faktor. Von der Bewegung zur Partei // Osnabrück. – Zürich, 1984. – 139 S.
11. Schlaffke M. Abseits: Der Alternativen – Irrweg oder neue Weltkultur. – Köln, 1979. – 231 S.

12. Schmidbauer B. Anspruch und Wirklichkeit. Bilanz grüner Umweltpolitik // Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei. – Bergisch Gladbach, 1987. – S. 351-366.
13. Schwarz H.-P. Vorwort // Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei. – Bergisch Gladbach, 1987. – S. 21-23.
14. Veen H.-J. Die Anhänger der Grünen – Ausprägungen einer neuen linken Milieupartei. // Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei. – Bergisch Gladbach, 1987. – S. 60-128.
15. Veen H.-J., Hoffman J. Die Grünen zu neunziger Jahre: Profil und Defizite einer fast etablierten Partei. – Bonn, B., 1992. – 179 S.
16. Vorsicht: Grüne Fälle. Die Partei der falschen Hoffungen. – Köln, 1987. 192 S.
17. Weirich D. Grüne Semantik und Alternativmedien // Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei. – Bergisch Gladbach, 1987. – S. 283-312.
18. Winands G. Grün-alternative Finanzwelt. Neue Formen im Umgang mit Partei - und Steuergeldern // Die Grünen auf dem Prüfstand: Analyse einer Partei. – Bergisch Gladbach, 1987. – S. 209-248.

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

УДК 94(3)(340.152)

Никитина А.Д.

Московский институт экономических преобразований

СТРУКТУРА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА АШШУР В XIX В. ДО Н.Э.

A. Nikitina

Moscow Institute of Economic Reforms

THE JUDICIAL SYSTEM OF THE XIX BC CITY-STATE OF ASSUR

Аннотация. В статье рассматривается структура правоприменительной системы в государстве в северной Месопотамии со столицей в городе Ашшур. Функции различных правовых институтов реконструируются с использованием публичных источников и документов частного права из Каниша (ашшурские купцы играли ведущую роль в создании торговых колоний в Малой Азии). Особую роль в судебной системе играл представитель города Ашшура в Канише, выступавший в местных судах в качестве адвоката и в качестве свидетеля.

Ключевые слова: адвокат и представитель в суде, послы городской и торговой общины, местный царский суд, судебная коллегия торговой общины.

Abstract. The paper examines the structure of law enforcement system in the city-state of Assur. The functions and role of various legal institutions are restored with the use of public law sources and private documents from Kanish (Merchants of Assur played the leading role in the creation of trading colonies system in Asia Minor).

The representative of the city of Assur in Kanish played a special role in the judicial system: he appeared in local courts as a lawyer and witness.

Key words: attorney and representative in court, envoys of the city community and of the trading community, local royal court, judicial board of the trading community.

Рассматривая структуру судебной системы в Месопотамии, современный ученый прежде всего обратит внимание на правовые институты, сформированные и активно развивавшиеся в южной и центральной части страны начиная с конца III тыс. до н.э. Правовой юрисдикцией на местах обладал в этот период общинный суд. В рассмотрении дел, наряду с рядовыми общинниками, среди которых выбирались судьи, представлявшие как храм, так и общинную верхушку, участвовали жрецы, а также советники царя, связанные с храмовой администрацией. Более широкой правовой юрисдикцией в указанный период обладал храмовый суд.

Количество судей, как сообщают источники, варьировалось от одного до семи, что могло быть связано со сложностью дела. В качестве председателей в заседаниях суда участвовали сменные чиновники-«машкимы», которые были представителями царя, контролирующими деятельность местных административных органов.

Во время расцвета правовой культуры в расположенном на исследуемых территориях старовавилонском царстве во II тыс. до н.э. к уже имеющимся судебным институтам добавились в качестве более высокой инстанции городские суды крупных административных центров. Высшей судебной инстанцией становится царский суд, в юрисдикцию которого входила часть уголовных дел, государственная измена и прелюбодеяние.

Однако о системе судопроизводства северного соседа старовавилонского царства – государства со столицей в г. Ашшур, который в указанный период был одним из главных центров древневосточной внешней торговли, из-за скудности источниковой базы мы знаем сравнительно немного.

Мы постараемся восполнить имеющийся пробел, исследовав относящиеся к периоду с середины XX по конец XIX вв. до н.э. юридические источники частного материального права из международных торговых колоний в Малой Азии, которые создавались ашшурскими и другими семитскими купцами и в деятельности которых они активно участвовали. Для более детального рассмотрения указанного вопроса мы также используем данные фрагментарно сохранившегося нормативного источника публичного права, относящегося также к указанному периоду – устава ассирийской торговой колонии.

Из первой таблички, содержащей текст устава колонии, мы узнаем, что самоуправляющаяся торговая колония с центром в малоазийском городе Канише (*kārum*), активными членами которой были ашшурские купцы, делилась, вероятно, по этническому признаку на три части и судила суд, т. е. осуществляла административные функции, в число которых входило и расследование судебных дел. В

том случае, если члены трех частей не могли прийти к единому мнению по поводу какого-либо дела, то созывалось собрание всех членов торгового сообщества [3, р. 376-407].

Дела, связанные с денежными расчетами, разбирали т.н. «великие» (*awēlū rabi*) – наиболее богатые купцы-сообщинники из различных этнических групп. Другая, более многочисленная часть торговой общины – «малые» (*awēlū šaḥri*) были, вероятно, помощниками, членами семей и посредниками для членов первой группы. Они не имели права обсуждать финансовые вопросы и даже не могли присутствовать в здании конторы торговой общины во время их обсуждения.

Непосредственно судебные дела постоянно, в течение 1/5 части года, рассматривала сменяемая коллегия-*ḥamušum*, состоявшая из двух, реже трех человек – судьи и одного или двух товарищей-помощников (*tappa'um*). В юрисдикцию такого суда входили также, прежде всего, финансовые вопросы, связанные со спецификой коммерческих операций, постоянно нуждавшихся в оборотном капитале, создававшемся с помощью операций вклада и ссуды (кредита).

Казусы, связанные с убийствами и кражами внутри отдельных кварталов торговой колонии, где селились отдельные этнические группы, решаются в присутствии т. н. *rābišum* без привлечения суда колонии.

Однако поскольку система торговых колоний располагалась на территории мелких малоазийских царств, то купцам – «великим», которые осуществляли функции управления сообществом, постоянно приходилось сотрудничать и с местными купцами, являвшимися членами общин местных поселений, и с представителями местной царской администрации и лично правителями.

В уставе торговой колонии, кроме того, зафиксировано, что при рассмотрении различных финансовых вопросов, в т. ч. и процессуального характера, должен присутствовать старейшина города (*awēlum rabi ālim*). Но о каком городе говорится в источнике?

Если придерживаться точки зрения отечественного исследователя Н.Б. Янковской,

которая является более обоснованной, то в тексте документа указан представитель городского совета Каниша – центра торгового сообщества. Подтверждением этого мнения может служить упоминание во второй табличке источника судебного дела о серебре или золоте (о платежных средствах и эквивалентах стоимости), которое мог возбудить один из купечества (*tamkarūtīm*). Купцами-«там-карами» в частных коммерческих документах, фиксирующих деятельность системы торговых колоний в Малой Азии, именовали обычно местных торговцев, выступавших посредниками между иностранными купцами и ремесленниками-жителями поселений [2, с. 14-91].

Другое мнение высказывал французский исследователь П. Гарелли. Неоправданно, по нашему мнению, преувеличив роль ашшурского как экономического, так и внешнеполитического влияния в Малой Азии, он полагал, что в заседаниях совета торговой общины учувствовал старейшина самого города Ашшура. Ученый включал всю систему торговых колоний в якобы существовавшую в исследуемый период «староассирийскую империю» с центром в Ашшуре [5, р. 134-179].

Обратившись к частным документам материального права, мы можем выявить других участников рассмотрения и разрешения имущественных казусов. Активное участие как в коммерческой, так и в посредническо-правовой сфере принимали послы городской общины Каниша и малоазийского торгового сообщества, к которым часто обращаются за помощью иностранные (также и ашшурские) купцы (*ana šiprī ša ālim u kārīm Kaniš*). Эти должностные лица обычно посредничают в коммерческих делах с местными малоазийскими правителями от имени торговой общины, и с местными общинами от имени городской общины Каниша. Участие в сделках послов самого Ашшура, на что указывает П. Гарелли, экономически и юридически не оправдано, поскольку иностранным (в том числе ашшурским) купцам не разрешалось вести коммерческую деятельность без участия местных торговцев.

Местные правители также посылали своих послов для проверки соблюдения торговыми колониями, расположенными на их территории, обычаев делового оборота и договоров (*mamītum*), которые с применением различных клятв иностранные купцы заключали с ними для ведения бизнеса.

Правоприменительные функции в таких царствах исполнял как сам правитель, так и его чиновники. В центре системы торговых колоний городе Канише главным судьей был «начальник лестницы» (*rabi simmiltim*), который обычно являлся родственником правящего царя. Также большую роль в досудебных юридических процедурах играл главный казначей (*rabi sikkitim*) [1, с. 81-94].

Но, кроме указанных представителей администрации местных общин, торговых колоний или правителей в табличках, рассматривающих различные иски членов, прежде всего, ашшурской части торгового сообщества, часто упоминаются лица, названные термином *rābišum*. Этот термин содержится как в имущественных, так и в других видах исков. В чем же заключалась их роль в судебных процессах и судебной системе в целом?

Первоначально *rābišum* считался поверенным города Ашшура, посланным в центр системы международных торговых колоний для контроля и правового надзора за деятельностью ашшурских купцов и сбора податей с них. Именно поэтому указанное должностное лицо участвует в рассмотрении судебных дел о кражах и убийствах (т. е. тех делах, которые в современном праве квалифицируются как уголовные), произошедших в квартале ашшурских торговцев. Такие дела относились к юрисдикции городского суда в Ашшуре.

В некоторых табличках мы находим четкие указания на то, что перед нами представители города Ашшура. В документе № 87, опубликованном и переведенном французской исследовательницей С. Мишель, к анонимному *rābišum* обращаются – *rābišum* моего господина [7, р.132]. Однако мы не разделяем мнение Мишель о том, что перед нами представитель и должностное лицо царя. По нашему мнению, он командировался в торго-

вые колонии главой городского совета Ашшура (ukullum).

В некоторых табличках функции *rābiṣum* продемонстрированы наиболее полно. Это документы № 87, 88 и 211, опубликованные С. Мишель, № 20 из коллекции Голеницева, переведенный отечественным ученым Н. Б. Янковской, а также № 338, представленный немецкими специалистами Ю. Леви и Г. Айсером [7, р. 132; 6, р. 310-311; 2, с. 133-135; 4, Т II, S. 31-168].

В первых двух источниках указанное должностное лицо передает одному из членов ашшурской группы купцов Ашшур-Малику требование главы городского совета Ашшура прервать поездку из небольшого торгового поселения Нихрия в Ашшур, представ перед судьями торгового общины Каниша, по поводу рассмотрения дела о финансовом конфликте последнего с другим членом группы – Пузур-Иштаром.

В третьем тексте два помощника крупных торговцев Циллалабум и Эллати уведомляют своих патронов о необходимости выплатить до конца недоплаченную сумму налогов, которая должна быть отправлена в Ашшур. Поскольку сами они не могут сделать надлежащие выплаты из-за отсутствия денег, они просят купцов задержаться в Канише и передать нужную сумму. Авторы письма уведомляют, что в противном случае будут вынуждены сообщить о недобросовестном поведении купцов правителю Ашшура, *rābiṣum* в Канише и совету торговой общины, что сильно испортит их (купцов) деловую репутацию.

В табличке № 20 сообщается о спорном деле, связанном с незаконным перевозом, вероятно, олова (с контрабандой), которое (дело) было передано в местный царский суд во главе с «господином лестницы». В сделке, вероятно, принимали участие и местные торговцы, но юридическая ответственность в данном случае будет возложена, прежде всего, на пришедших купцов.

От руководящих органов торговых колоний в Канише местной царской администрации было прислано письмо с объяснением произошедшего казуса, но сам купец просит

прислать ему ещё и *rābiṣum* для защиты в суде.

Последняя из указанных табличек входит в группу исков, вчиненных компаньонами к Бузazu и Суза в связи со смертью их отца главы одного из крупнейших торговых домов Пушукена.

В данном случае *rābiṣum*, вчинивший иск к Суза, задержал помощников покойного купца, подозревая их в большой недоплате пошлин. Видимо, торговец при жизни утаил часть товара и не уплатил с него положенных платежей. Его сын также пытался спрятать часть серебра и товаров, а доверенное лицо Ашшура предупреждает его о том, что он будет искать все незарегистрированные товары.

Таким образом, мы предполагаем, что *rābiṣum* были богатые и заслуживающие доверия члены совета старейшин, которые также, в недалеком прошлом, были купцами. Они проверяли продаваемые товары и документацию, а также выступали в качестве адвокатов и свидетелей для ашшурских купцов.

Однако кроме анонимных *rābiṣum*, мы обнаруживаем в источниках и других *rābiṣum*, с указанием их конкретных имен или того торгового дома (купеческой патриархальной семьи), в деятельности которого он принимал участие.

В одном из использованных нами источников табличке № 88, представленной С. Мишель, кроме *rābiṣum* – представителя города Ашшура в тексте упомянут другой *rābiṣum* по имени Лалийя, который являлся представителем купца Пузур-Иштара и его торгового дома. Он, действуя как адвокат этого купца, предъявляет претензии другим купцам и отвечает по искам торговцев. В данном случае он вчиняет иск к торговцу Ашшур-Малику.

Тот же *rābiṣum* Лалийя, как сообщается в документе № 86, за свою представительскую (в том числе и адвокатскую) деятельность должен получить за год 5/6 мины серебра (около 0,5 кг), а на текущий момент, как указывает помощник Пузур-Иштара Имдилум, ему уже отвесили 1/3 мин и 5 сиклей серебра (около 200 г). Кроме того, ему оплачивались

услуги свидетеля, если его участие в процессе было разрешено судьей [7, р. 130-131].

В табличках № 337, 339 и др. из немецкой коллекции указан *rābiṣum*, нанятый покойным купцом Пушукеном, которому после смерти патрона недоплатили обещанную ставку. Он вчиняет ряд исков к сыновьям Пушукена [4, Т. II, S. 154-168].

Интересны также таблички № 252 и № 298, где рассматривается юридическая активность *rābiṣum*. Первая из них начинается с фиксации договора между купцами Шар-Нингалом и Шалим-Ашшуром. Далее один из участников договора спрашивает у другого о том, почему его вызывают на царский суд в городе Лухузаттии по поводу иска местного купца о якобы невозвращенных им 18 сиклей серебра (около 27 г). При этом он сообщает о том, что судьи также желали видеть его представителя *rābiṣum* [4, Т. I, S. 271-275].

Во втором документе помощники купца Итур-Илима отчитываются о проведении крупной торговой операции перед советом центра системы торговых колоний Каниша и передают опечатанный документ с финансовым отчетом через *rābiṣum* Ашшур-Нишу [4, Т. II, s. 13-16].

Таким образом, *rābiṣum* мог наниматься одним из семейных кланов для адвокатских и представительских услуг, а также в качестве свидетеля в финансовых сделках как перед руководством торгового сообщества, так и перед судами местных правителей. При этом, как показывают исследованные документы, при неуплате положенных гонораров *rābiṣum* мог подать в суд на своего бывшего хозяина.

В табличках № 91 и № 92, опубликованных С. Мишель, знакомый нам купец Пузур-Иштар подает иски на своего *rābiṣum*, который не смог защитить его права в одном из процессов, открытых по иску другого ашшурского торговца. Также известный нам адвокат Лалия подает встречный иск, указывая, что он потратил огромную сумму денег в рамках указанного процесса и остался без средств к существованию, так и не получив от торговца обещанной компенсации [7, р. 134-135].

Изначально направляясь городским советом Ашшура в Малую Азию для контроля за финансовой деятельностью ашшурских купцов, защиты интересов государства перед местными правителями и сбора налогов с продаваемых ими товаров в пользу храма Ашшура и самого города-государства, основу экономики которого составляла внешняя торговля, *rābiṣum* после истечения срока полномочий, вероятно, оставался в Канише. Здесь, действуя уже от своего имени, он нанимался к крупным купцам – главам торговых домов для защиты их интересов в судах местных правителей, а иногда и в суде самой торговой общины, а также для других посреднических операций, вкладывая, вероятно, часть своих средств в торговый бизнес своих патронов.

Учитывая тот факт, что самые крупные ашшурские торговцы, ведущие бизнес в Малой Азии, были обычно членами городского совета Ашшура (а остальные – членами городского собрания общины города), можно предположить, что судебная система самого Ашшура состояла из тех же институтов, что и рассмотренная нами в центре системы торговых колоний – Канише. Кроме того, как указывают Н.Б. Янковская и С. Мишель, ашшурские и другие семитские купцы (амореи) обычно транспонировали на малоазийскую землю уже используемые ими административные и правовые структуры – суды местных поселений, городской суд и создаваемый в исследуемый нами период в связи с укреплением власти правителя царский суд [2, с. 14-24; 6, р. 55-79].

В качестве адвоката в суде правителя или городского совета мог присутствовать *rābiṣum*, нанятый аналогичным образом ашшурскими купцами для участия в процессах и внутри государства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гиорградзе Г.Г. *Rabi simmiltim* «каппадокийских» табличек // «Вестник древней истории» (ВДИ). – М., 1966. – № 4.
2. Янковская Н.Б. Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. – М., 1968. – 306 с.
3. Driver G.R., Miles J.C. *The Assyrian laws*. – Oxford, 1935. – 435 p.

4. Eisser G., Lewy J. Die Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe, T. 1-2, Urkunden 1-290. – Leipzig, 1930, – 340 s., T. 3-4, Urkunden 291-341. – Leipzig, 1935. – 214 s.
5. Garelli, P. Les Assyriens en Cappadoce. – Paris, 1963. – 456 p.
6. Michel C. Correspondance des marchands de Kaniash. – Paris, 2001. – 601 p.
7. Rendre la justice en Mesopotamie (Archives judiciaires du Proche-Orient ancien (III-I millénaires avant J.-C.)), PUV. – Saint-Denis, 2000. – 263 p.

УДК 94(35) “1118/1157”

Запорожец В.М.

Московский государственный институт международных отношений МИД России

**ИМПЕРИЯ ВЕЛИКИХ СЕЛЬДЖУКОВ
ПРИ СУЛТАНЕ САНДЖАРЕ (1118-1157 гг.)**

V. Zaporozhets

*The Moscow State Institute of the International Relations
of the MFA of Russia*

**THE EMPIRE OF GREAT SELDZHUKS
UNDER THE SULTAN SANDZHAR (1118-1157)**

Аннотация. В статье анализируются история сельджукского государства при последнем султани, который правил империей Великих Сельджуков. Султан Санджар был выдающимся государственным деятелем и полководцем. В частности, при нем было окончательно завоевано и включено в состав империи Великих Сельджуков государство Газневидов. Санджар добился стабилизации внутривнутриполитической ситуации в империи. Однако судьба великого султана была полна драматических событий. Он потерпел поражение от кара-китаев. В конце своей жизни Санджар был взят в плен кочевыми огузами.

Ключевые слова: Великие Сельджуки, султан Санджар, завоевание государства Газневидов.

Abstract. The article analyzes the history of Seljuk's state under the rule of their last sultan. Sultan Sanjar was an outstanding statesman and military leader. In particular, he finally conquered and added to his empire the state of Ghaznavids. Sanjar stabilized the internal political situation in the empire. However, the fate of the great sultan was full of dramatic events. He was defeated by the Carakitaiys. In the end of his life Sanjar was captured by the nomadic Oguzs.

Key words: Great Seljuks, sultan Sanjar, conquest of the Ghaznavid's state.

Последним и самым известным в письменной истории Ближнего Востока султаном империи Великих Сельджуков был Абуль-Харис Санджар. Средневековый историограф Равенди пишет, что Санджар был «спокойным человеком, вел правильный образ жизни, казна его была всегда полной, он одержал множество побед, ликвидировал врагов и завоевал славу» [6, с. 164].

На фоне своих предшественников – слабых правителей и неудачливых военачальников Беркиркука и Тапара, Санджар действительно был выдающимся государственным деятелем и полководцем. Эти его качества проявились уже в молодые годы, когда он был всего лишь

правителем Хорасана. В 1102 г. он не столько силой, сколько хитростью подавил мятеж сепаратистски настроенных правителей – восточных Караханидов и по суду казнил их главаря Кадыр-хана Джабраила бин Омера. Вместо него на трон в Самарканде Санджар возвел, посоветовавшись с высшей духовной верхушкой, лояльного к нему Мухаммеда II бин Сулеймана. В результате отказались от бунтарских поползновений и Караханиды, вновь признали себя верными престолу Великих Сельджуков, а авторитет Санджара сильно возрос.

В 1115 г. скончался султан Газневидов Месуд III. После него осталось несколько сыновей, между которыми началась борьба за трон. В эту борьбу вмешался Санджар. Он решил привести к власти энергичного, но без перспектив на трон принца Бахрамшаха, бежавшего от подосланных убийц из свиты брата Арсланшаха, который узурпировал власть в стране. Санджар начал с того, что направил Арсланшаху уважительное послание, в котором предлагал свое «незаинтересованное посредничество» в урегулировании вопроса о престолонаследии в Газне. С тем, чтобы везде царили мир и покой среди подданных.

Арсланшах не ответил Санджару. Вместе с тем, опасаясь Санджара, Арсланшах отправил послов к султану Тапару с просьбой воспрепятствовать вторжению войск Санджара в государство Газневидов. Тапар написал Санджару довольно жесткое письмо, в котором говорил о величии династии Газневидов и в угрожающем тоне советовал не предпринимать военных действий против Арсланшаха [4, с. 238]. Санджар счёл письмо брата вызовом и во главе армии двинулся на Газну. В армии Арсланшаха, кроме многочисленной кавалерии и пехоты, было 50 боевых слонов, которые были построены в одну шеренгу перед боевыми порядками Газневидов. Сражение произошло в окрестностях Газны и началось атакой слонов Арсланшаха. Историограф Хусейни пишет, что слоны настолько испугали коней в войсках Санджара, что сражение едва не кончилось победой Газневидов. Однако воевавшему в армии Санджара прави-

телю вассального государства Систан эмиру Эбуль-Фадлу, которого конь сбросил с седла, удалось вонзить кинжал в брюхо оказавшегося над ним слона. Раненый слон взревел и, в «правильном» направлении развернувшись, побежал в обратную от войск Санджара сторону, увлекая за собой остальных слонов. Так «удачно»! Теперь уже в замешательство пришли войска Газневидов. В это время Санджар повел свои войска в атаку и, как обычно, выиграл сражение [5, с. 238]. Был ли кинжал в брюхе у слона, установить трудно. Важнее другое – в группе погонщиков боевых слонов – «танков Востока» были люди Санджара. И они были им вознаграждены.

В феврале 1117 г. Санджар вошел в Газну. Он возвел Баграмшаха на престол в качестве преданного вассала. Историограф Бундари пишет, что Санджар буквально очистил казну Газневидов и обязал султана Баграмшаха платить ежегодную дань в размере 250.000 динаров, чем обессилил Газну полностью и надолго, не прибегая к репрессиям [4, с. 239]¹.

Султан Мухаммед Тапар скончался 18 апреля 1118 г. Незадолго до смерти он назначил, конечно же, не Санджара, популярного в войсках, но не более того, а своего старшего сына, четырнадцатилетнего Махмуда наследником трона Великих Сельджуков, но, кроме Махмуда, у Тапара было еще четверо сыновей: Тугрул, Месуд, Сулейман и Сельджук-шах [5, с. 57]. Шансов у Санджара попасть на трон было не больше, чем у ишака стать слоном.

Махмуд взошел на трон и стал султаном империи Великих Сельджуков, но уверенный в себе и в своём войске Санджар, несмотря на абсолютную легитимность произошедшего, заявил о своих неких правах на трон и во главе армии двинулся в Ирак. Сражение между Санджаром и султаном Махмудом произошло 14 августа 1118 г. при Саве. Войска Махмуда были разгромлены. После этой победы во главе империи Великих Сельджуков встал султан Санджар (1118–1157). Все решения, которые новый султан принял вскоре после восхождения на трон, свидетельствуют о том,

¹ Согласно Равенди, размер дани составлял 365.000 динаров в год [6, с. 164].

что он поставил перед собой цель – любой ценой пресечь распри вокруг трона и стабилизировать внутривластическую обстановку в стране.

Первым шагом в этом направлении было создание Санджаром (в границах своей империи) нового вассального государства. Оно было названо государством Сельджуков Ирака (1118-1194). Султаном этого государства и своим наследником Санджар назначил низвергнутого, но пощаженного Махмуда. Другому принцу, Тутрулу, потенциальному сопернику, Санджаром были выделены во владение половина провинции Джибаль (Ирак-и Аджем) и провинция Гилян. Следующий принц – Сельджук-шах получил провинцию Фарс, половину провинций Исфахан и Хузистан. Наконец, последний принц – Месуд стал правителем Азербайджана и Мосула. При этом Санджар выделил города и деревни в качестве икта большому количеству эмиров и тем накрепко привязал их к своему трону. Так, эмир Дюбейш бин Садака получил г. Басру и окрестные поселки и т. д. [4, с. 128]. Не казни и устрашения, а золотые сабли и кошельки с драгоценностями применял Санджар.

Его меры оказались эффективными в политическом отношении. В течение 12 следующих лет обстановка в империи действительно была спокойной и стабильной. Вместе с тем источник сообщает, что, раздав большую часть земель в качестве икта, Санджар сократил источники поступления доходов в свою казну [6, с. 128]. «У дивана, – пишет средневековый историограф, – не осталось другого занятия, как брать (конфисковывать) собственность у богатых и плодить нищих» [6, с. 128].

Тем не менее серьезных проявлений недовольства в стране не было. Власть за счёт лояльных местных правителей и сильной армии Санджара укрепилась. Он воссоздал военную организацию Великих Сельджуков. Наиболее многочисленную часть армии составляла иррегулярная кавалерия, но состояние казны позволяло Санджару сформировать ещё корпус профессиональных наемных войск. Он без труда справлялся со всеми попытками дестабилизировать внутривластическую об-

становку в империи, опираясь на верность и хорошо оплаченный профессионализм.

Впервые после восшествия Санджара на престол обстановка в империи обострилась в 1131 г., когда умер Махмуд – султан государства Сельджуков Ирака. Перед смертью Махмуд завещал трон своему сыну Давуду. Учитывая, что Махмуд был наследником Санджара, он был обязан согласовать с патроном – Санджаром вопрос о престолонаследии. Однако не это обстоятельство вызвало обострение обстановки в империи. Главной причиной был заговор двух других принцев крови – Месуда и Сельджук-хана. В случае успеха заговора султаном государства Сельджуков в Ираке должен был стать Месуд, а его наследником – Сельджук. Предполагалось, что, придя к власти, султан Месуд объявит о независимости Ирака от империи Великих Сельджуков [7, с. 185]. Конфликт грозил самому существованию сельджукского государства.

В этой ситуации в мае 1132 г. Санджар назначил султаном государства Сельджуков Ирака не участвовавшего в заговоре принца Тутрула, ставшего султаном в 1132 г. Кроме того, Санджар объявил Тутрула I наследником (то есть своим наследником) трона Великих Сельджуков [4, с. 149].

После этого во главе армии он двинулся навстречу Месуду. Согласно Бундари, Месуд опасался встречи с Санджаром на поле боя и со своими войсками возвращался в Азербайджан [4, с. 149]. Санджар, совершая невероятные дневные и ночные переходы, сам не сходя с коня сутками, настиг Месуда в районе Дейневера. Увидев противника, Санджар развернул свою армию в боевой порядок. Его правым флангом командовал султан Тутрул I, а левым – Хорезмшах Атсыз. В центре во главе десяти тысячного корпуса профессиональных войск (гулямов) находился сам Санджар. Общая численность войск Санджара составляла 100000 человек, у Месуда было 30000 [7, с. 194].

Санджар выиграл сражение, казнил военачальников заговорщиков. Что касается инициатора заговора принца Месуда, то он

был прощен и получил разрешение вернуться в Азербайджан, сохранив часть гарема и оружие.

Султан государства Сельджуков Ирака Тутрул I скончался в 1135 г. Бундари пишет, что, узнав об этом, Месуд устремился в Хамадан, столицу государства Сельджуков Ирака, приказав армии догонять его. Прибыв в Хамадан ранее других претендентов, Месуд подавил сопротивление эмиров Тутрула и сел на трон. Санджар признал Месуда правителем вассального государства сельджуков в Ираке. Халиф Мюстершид – верховный авторитет мусульман-суннитов считал законным наследником именно Тутрула его сына Давуда и поэтому не признавал Месуда новым султаном. В Багдаде в пятничной молитве произносились имена Санджара и Давуда. Отношения между халифом и не желавшим подчиниться его воле Месудом обострились настолько, что халиф во главе армии выступил из Багдада в направлении Хамадана. Месуд в свою очередь из Хамадана двинулся навстречу армии халифа. В июне 1135 г. между ними произошло сражение, результатом которого было поражение войск халифа Мюстершида и его пленение. Взятых в плен халифа с подобающими почестями поместили в специально сооруженный для него шатер. Месуд сообщил Санджару о сражении и пленении халифа. Согласно сведениям Бундари, от Санджара в обстановке секретности прибыло посольство к Месуду. Вскоре после этого халиф Мюстершид был таинственно убит. Бундари пишет, что решение об убийстве халифа принял Санджар, а непосредственными его исполнителями были посланные Санджаром убийцы-профессионалы [4, с. 164].

Убийство халифа – событие для ислама чрезвычайное. Принять такое решение Санджар мог только потому, что под угрозой находилась его собственная власть. Но и это решение далось ему крайне непросто, стоило огромных нравственных усилий, ведь он был образцом для правоверных подданных. Впервые со времен основателя империи Великих Сельджуков султана Тутрула аббасидский халиф – глава исламского мира стал откры-

то заявлять о своих претензиях на светскую власть. В лице Месуда он выступил против династии Великих Сельджуков, т. е. халиф вопреки заветам Пророка (мирему) вмешался в политику, причем вооруженным путем. На наш взгляд, Санджара меньше всего интересовал вопрос, кто из династии Сельджуков будет его вассалом в Ираке. Но он не мог уступить халифу свое право решать этот вопрос, то есть уступить свою власть. В этом был весь Санджар Великий.

В сентябре 1135 г. на халифский престол возшел сын Мюстершида Рашид. Он продолжал политику, проводившуюся халифом Мюстершидом. В ноябре 1135 г. в Багдад прибыл принц Давуд. Халиф Рашид объявил его султаном государства Сельджуков Ирака и приказал читать пятничные молитвы с его именем. Узнав об этом, султан Месуд осадил Багдад и добился отречения халифа Рашида. Новым халифом в 1136 г. стал дядя Рашида Муктефи. Это означало новый поворот в судьбе нашего героя – Санджара Великого. Дело было в том, что халиф Муктефи (1136–1160) признал Месуда султаном. Более того, он женился на сестре Месуда Фатиме хатун [4, с. 178]. Муктефи распорядился, чтобы впредь пятничная хутба читалась с именами Санджара и Месуда. Султан Санджар был удовлетворен. В его владениях вновь настал долгожданный покой. В течение следующих пяти лет внутривосточная обстановка в империи была стабильной, все вассальные государства были покорны Санджару, и по мнению Равенди, Санджар был самым великим султаном своего времени и своего региона [6, с. 167].

Так было до того времени, пока в Мавераннахр не вторглись кара-китаи (их также называли китаями и киданями)¹. Ещё в конце 30-х гг. кидани, которые ранее вели кочевой образ жизни, смогли создать своё государство в северо-восточной части Китая. Государство, как и образовавшая его династия киданей, называлось Ляо. В первой четверти XI в. кидани овладели Ляодунским полуостровом и перерезали связь Китайской импе-

¹ О кара-китаих см. [1, ч. III].

рии с Кореей. Всё это было далеко от владений Салджара и не очень его интересовало. По договору, заключенному в 1024 г., Китайская империя Сунн (династия Сунн правила в Китае с 960 по 1279 г.) обязалась ежегодно выплачивать киданям дань в размере 200000 ляннов серебра и 300000 штук шелковых тканей [3, с. 201]. Время шло. В 1025 г. династия Сунн, объединившись с племенами чжурчженей¹, обитавших на северо-восточной границе Китая, смогла разгромить киданей и ликвидировать государство Ляо. Как пишет Джувеини: «...они были выдворены из своей страны и отправились в изгнание, подвергая себя опасностям и перенося тяготы путешествия» [2, с. 249]. Кара-китайцы двинулись на Запад и, пройдя через земли киргизов, подошли к городу Баласагуну. Они свергли правителя Баласагуна и на время сделали этот город своей столицей. К концу 1130-х гг. кара-китайцам удалось создать крупное государство, в которое вошли Семиречье и Восточный Туркестан. Они стали зримой и очень серьёзной угрозой для султана Санджара.

Весной 1141 г. кара-китайцы вторглись в Мавераннахр и в районе Ходженда нанесли поражение правителю Караханидов Махмуду. Летом 1141 г. на помощь к Махмуду пришли войска султана Санджара. 9 сентября того же года в Катванской степи, под Самаркандом, произошло кровопролитное сражение Сельджуков с кара-китацами. Бундари пишет, что армия кара-китаев насчитывала 700000 человек, у Санджара было всего 70000 [4, с. 249]. Достоверность этих цифр относительна, но перевес был очевиден, и в результате сражения армия султана Санджара была уничтожена. До 30.000 человек было убито, остальные пленены или рассеяны. Равенди пишет, что к концу сражения у Санджара осталось всего 300 защищенных стальными доспехами всадников, с которыми он пошел на прорыв. Рядом с ним было всего 15 человек, когда Санджар спасся бегством и укрылся в крепости Термез [6, с. 168-169].

¹ Чжурчжени – племена тунгусского происхождения. Обитали в восточных районах Манчжурии. В 1126 г. создали государство Цзинь.

Мавераннахр был завоеван кара-китацами. Поражением Санджара воспользовался его вассал Хорезмшах Атсыз. Он вторгся в Хорасан, занял г. Серахс, а в ноябре 1141 г. разграбил столицу Санджара г. Мерв. Атсыз сундуками выносил из казны султана деньги и драгоценности и увозил их в Хорезм [5, с. 67]. Удар был сокрушительным и по неожиданности предателя и по потере достоинства султана – средств на содержание войска.

Только через три года султан Санджар смог настолько оправиться от разгрома при Катване, что совершил поход в Хорезм. Атсыз вернул сокровища, вывезенные из Мерва, и вновь признал себя вассалом Санджара. Тем не менее, Атсыз до конца своей жизни проводил политику, направленную на создание независимого хорезмского государства. Как терпел это Санджар, историки не понимают.

В 1153 г. против Санджара восстали огузы, в большом количестве скопившиеся в провинции Балх. Они считали себя независимыми от сельджукского государства и подчинялись только племенным вождям. Между тем губернатор провинции Балх пытался установить над ними контроль и, в частности, направил к огузам сборщика налогов. Огузы убили чиновника и продолжали жить по-прежнему, причиняя большие неудобства местному населению. Попытка губернатора покарать огузов закончилась тем, что посланные с этой целью войска были разгромлены [6, с. 174].

В такой ситуации в Балхе с войсками двинулся султан Санджар. Весной 1153 г. произошло сражение Санджара с кочевыми огузами, исход которого привел к катастрофическим последствиям для империи Великих Сельджуков. Огузы разгромили армию Сельджуков и взяли в плен султана Санджара, который бился как лев, но был стреножен как олень [4, с. 253-254].

Захватив Санджара, огузы вместе с ним двинулись в столицу государства – Мерв. Джувеини пишет, что днем Санджара сажали на трон, а на ночь помещали в железную клетку [2, с. 197]. Огузы грабили Мерв в течение трех дней, затем двинулись в Нишапур,

который также разграбили подчистую. Часть населения была вырезана за сопротивление – Нишапур пришлось брать штурмом. Разграблению подверглись все города Хорасана за исключением Герата, которым огузы не смогли овладеть.

Так продолжалось в течение трех лет. Султан находился в плену, но внешне он был окружен почетом [1, с. 393]. Санджару даже разрешали некоторые развлечения, например, охоту. Именно во время охоты весной 1156 г. одному из военачальников Санджара удалось его спасти. Джувейни пишет, что «эмир Имад эд-Дин Ахмад ибн Абу-Бакр Камадж послал тысячу всадников, захватил султана Санджара во время охоты и доставил его в Термез» [2, с. 198]. Измученный издевательствами в «золотой неволе», морально надломленный Санджар прожил менее года после освобождения и скончался в апреле 1157 г. По описаниям – от сердечного приступа.

После смерти Санджара империя Великих Сельджуков перестала существовать. Еще до смерти Санджара прервалась ветвь Великих Сельджуков в Сирии. Сыновья Тутуша (1078–1094 гг.) – Дукак, который занял место отца на троне в Дамаске, и Рывдан, правивший в Халебе, враждовали между собой, что способствовало ослаблению государства под ударами крестоносцев. Последним сельджукским султаном Сирии был Альпарслан (1113–1114 гг.), влиятельный, но уже не располагавший ни харизмой, ни опытом, ни способностями Санджара.

Сельджукское государство в Кирмане, основателем которого был Кавурд (1041–1073), существовало 145 лет и было ликвидировано огузами в 1186 г.

Последним с исторической сцены Ближнего Востока исчезло государство Сельджуков в Ираке, где последние султаны из рода Великих Сельджуков были лишь жалкой тенью своих предков и не имели реальной власти в своем государстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. – М., 1963. Ч. III. – 597 с.
2. Джувейни, Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира, написанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. Перевод с текста Мизры Мухаммеда Казвини на английский язык Дж.Э. Бойла. Перевод с английского на русский язык Е.Е. Харитоновой. – М., 2004. – 688 с.
3. История Китая. Под редакцией А.В. Меликсетова. – М., 2004. – 751 с.
4. Al Bundari. Irak ve Horasan selçukluları tarihi. Imad ad-din Al-Katib Al-Isfahani'nin Al-Bundari tarafından ihtisar edilen "Zubtat al-Nuşra va Nuhbat Al-Uşra" adli kitabının tercümesi. Türkçeye çeviren Kivameddin Burslan. – İstanbul, 1943. – 306 s.
5. El-Hüseyini. Ahbar üd – devlet is – Selçukiyye. Türkçeye çeviren Necati Lügal. – Ankara, 1943. – 150 s.
6. Er-Ravendi. Muhammed bin Süleyman. Rahat-üs-Südür ve Âyet-üs-Sürür. (Gönüllerin Rahati ve Sevinç Alameti.) Farsça metinden Türkçeye çeviren Ahmet Ateş. Cilt. I. – Ankara, 1957. – 240 s.; Cilt. II. Ankara, 1960. – 229 s.
7. Köymen M.A. Büyük Selçuklu imparatorluğu tarihi. İkinci imparatorluk devri. 3. Baskı. – Ankara, 1991. – 526 s.

УДК 94 (470) «17/19»

Тимофеев Д.Н.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ИМАГОЛОГИИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ
ОБРАЗА ШВЕЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII – НАЧАЛА XIX вв.**

D. Timofeev

Peoples Friendship University of Russia, Moscow

**THE USE OF IMAGOLOGICAL PRINCIPLES IN A HISTORICAL
RESEARCH, SHOWN ON THE EXAMPLE OF SWEDEN'S IMAGE
STUDYING IN RUSSIAN SOCIAL THINKING IN 1ST QUARTER
OF XVII – BEGINNING OF XIX CENTURIES**

Аннотация. В статье рассматривается сущность понятия имагологии как отдельного научного подхода и его специфические методы, в применении к историческому исследованию, а также предлагается пример и обоснование их использования при изучении русско-шведских отношений. Сближение России и Швеции в ходе Тридцатилетней войны и «Союз 1812 г.» выбраны как периоды наиболее интенсивного дипломатического сотрудничества между двумя странами. Основными источниками для выявления ключевых факторов, повлиявших на эволюцию образа Швеции, в данной статье являются материалы дипломатической переписки между лидерами двух стран.

Ключевые слова: отечественная история, имагология, русско-шведские отношения, европейская политика, Тридцатилетняя война, Отечественная война 1812 г.

Abstract. The author reviews the concept of "Motherland", one of the main concepts in the outlook of the Russian society of the first third of 19th century. The period described in the article is connected with The Patriotic War of 1812, one of the greatest shocks in the first third of 19th century. By that time the concept of "Motherland" had gained the same meaning we see in it now. The author states that love for Motherland and patriotism were most evident in that period.

Key words: worldview, concept of «Motherland», the Patriotic War of 1812, patriotism, Russian society.

В настоящее время всё больше исследователей уделяют внимание вопросам, связанным с историей ментальности в межнациональных и межкультурных отношениях, а также проблемам формирования образов и их влиянию на те или иные исторические процессы. На современном этапе развития исторической науки, когда поколениями учёных исследованы целые пласты исторических источников, возникает необходимость не только в реконструкции тех или иных событий и процессов, но и в определении факторов, повлиявших на них, большинство из которых, по нашему мнению, лежит в плоскости представлений исторических личностей, да и целых народов о своём месте в мире и о «других», прежде всего окружающих их соседях. В частности, когда речь заходит о международной политике, одной из крайностей является тезис том, что политические деятели и лидеры государств во многом исходят либо из личных, либо из государственных интересов, либо действуют ввиду тех или иных обстоятельств, которые диктует международная обстановка, статус на мировой арене и пр. В итоге фактор отношения представителей правящих элит к тому, что происходит «вовне», и мотивы принятия ими решений исследователи зачастую ищут в рациональной плоскости мышления, отказывая

историческим фигурам в сугубо личном отношении к происходящему. Однако сегодня, когда роль СМИ в формировании общественного мнения с каждым днём приобретает всё большее значение, становится очевидным, что политическими процессами во многом движет способность манипулировать сознанием – те, кто больше преуспеет в продвижении своих идей в массы, получают большую поддержку и легитимизируют свою деятельность, вне зависимости от того, насколько она соотносится с общепризнанными нормами морали и человечности. Достаточно вспомнить, как тоталитарные режимы Германии и Италии, взращённые на руинах послевоенной Европы и старого миропорядка, путём пропаганды своих идей среди граждан, каждый из которых в отдельности вроде бы был цивилизованным европейцем, двинули их на завоевание «жизненного пространства», спровоцировав самый разрушительный конфликт в истории человечества, противопоставив одну избранную нацию всем остальным, не достойным существования. При этом конструирование национального сознания было одним из наиболее важных условий для реализации замыслов идеологов этих движений.

Целью данной статьи является обоснование возможности использования методов имагологии, как отдельной дисциплины в историческом исследовании, а также демонстрация применения имагологического подхода в изучении особенностей формирования образа Швеции в русской общественной мысли (конкретно – правящей элиты) в периоды наибольшего сближения двух стран.

Следует отметить, что ключевым для понимания механизмов формирования представлений о другом народе является понятие образа или имиджа (image), как составной части системы представлений о «другом», в понимании, предложенном Уолтером Липпманом. По его мнению, образы, будучи созданными людьми и включающими в себя представления об окружающем мире, управляют их поступками [Подробнее см.: 7]. В этой связи нельзя не обратиться к опыту сравнительной имагологии как отдельной научной дисципли-

ны, выросшей из литературной компаративистики. Благодаря идеям литературоведов Поля Азара и Мариуса Франсуа Гияра, а также критике Рене Веллека и последующим изысканиям Хуго Дизеринка она развилась до уровня отдельного подхода, задачей которого является выделение и изучение образа другой страны у представителей определённой нации. Причём нация в данном случае понимается не как принадлежность (сущность), а как идентификация с определёнными культурными явлениями, характерными для группы людей. И в этом смысле ученые 50-60 гг. XX в. очень близко подошли к современному пониманию о нации, которое в мультикультурном обществе уже не отражает право того или иного человека, исходя из своего происхождения, относить себя к тому или иному народу, но позволяет самостоятельно определять принадлежность к определённой культуре на основании собственных убеждений. По мнению же А. Тойнби, такой подход низводит до уровня фольклора национальные и социальные особенности и превращает культуру в товар, обмениваемый на широком рынке, где все ценности, складываясь, взаимно аннулируются, т. е. привлекательность западной культуры в настоящее время таит в себе такую же опасность, как и противопоставление ей себя [1, с. 177]. При этом, по сравнению с социально-политической имагологией, сравнительная имагология подчёркивает историчность национально-имаготипических систем и контекстуальную обусловленность литературных образов другой страны как элементов комплексных международных взаимоотношений, а также смыслообразующую функцию эстетических структур [3, с. 28].

В данном случае, если отойти от литературоведения (которое как раз и может завести исследователя в дебри национальных традиций и мифологии), имагология позволяет взглянуть на стереотипы и образы как бы со стороны, превращая их в отдельные факторы формирования общественного мнения, увидеть их действие на конкретном материале – причём целесообразно искать эти образы и в официальных, и в личных документах, пись-

мах, воспоминаниях, а не только в сочинениях писателей, т. е. в более широком круге источников, нежели изначально предполагалось в компаративистике и имагологии. Тем не менее в современной политике мы чаще всего сталкиваемся с тем, что те или иные факты выдергиваются из контекста, переворачиваются с ног на голову и используются для создания определённого (позитивного или негативного) имиджа для тех или иных народов. Примером тому может послужить искусственное распространение идей ваххабизма, исламского радикального течения, на весь ислам и отождествление нетерпимости к представителям других религий с исламом в целом, а не с его конкретным направлением. Целью такого обобщения является стремление дискредитировать в глазах общественности противостоящие Западу, прежде всего, в политическом и цивилизационном плане, исламские государства.

Вот почему принципы историзма, системного использования всех выявленных источников и пр., обязательные для исторического исследования, стремящегося к максимальной объективности, должны неукоснительно соблюдаться, особенно если учёный обращается к проблеме межкультурной коммуникации, связанной с большим количеством личностных факторов.

С точки зрения исторической науки имагология предоставляет в распоряжение исследователя инструментарий, необходимый для изучения этих представлений о «другом» на основании как материальных свидетельств, так и выводов, логически вытекающих из реконструкции образов. В итоге мы имеем возможность, с одной стороны, по-новому взглянуть на источники и переосмыслить их значимость для тех или иных процессов (с точки зрения влияния на формирование образов), с другой, – выявить и реконструировать образы и исследовать уже их влияние на исторические события.

К сожалению, в современной литературе отдельно проблема конструирования имагологического подхода и его места в историческом исследовании недостаточно разработана: среди немногих специалистов, обращавшихся

к данной теме, стоит выделить А.С. Мыльникову, который поставил ряд важнейших вопросов, касающихся развития этнической имагологии. Историю отдельных народов, согласно мнению исследователя, можно глубже постичь через изучение представлений, характерных для мифологизированного сознания, являющегося «постоянным спутником сознания рационалистического» [4, с. 9]. Нельзя не согласиться с мыслью А.С. Мыльниковой и о том, что этническая имагология объединяет в себе опыт культурологии и других смежных наук, а не возникает на пустом месте [4, с. 12]. Данное суждение в определённой степени коррелируется с логикой развития этого научного направления в принципе – подобно источниковедению или другим вспомогательным дисциплинам, имагология выделяется из культурологии и литературоведения, всё больше приобретая черты отдельной дисциплины.

При изучении образа другого народа можно также выделить и идентифицировать представления различных социальных групп, что особенно актуально при исследовании истории страны на разных этапах развития: очевидно, что в глазах элиты, прежде всего, благодаря лучшей информированности и лучшему взаимодействию с элитами других стран, складывается иной, нежели у широких масс, имидж. Кроме того, поскольку правящая элита напрямую влияет на политику государства, можно увидеть подчас прямую зависимость принимаемых решений от сложившихся представлений о «других» (в системе «свой – чужой»).

Показательным примером для этого, на наш взгляд, является период сближения России и Швеции в ходе Тридцатилетней войны, когда взаимодействие правящих элит двух стран (царя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета, с одной стороны, и Густава Адольфа и Акселя Оксеншерны – с другой) привело к формированию на основе общих интересов и при наличии общего врага тесных межгосударственных отношений. Одной из их основ были личные контакты между правителями: в частности, вопросы о характере участия России в Тридцатилетней войне обсуждались исключительно в переписке глав государств,

в которой прослеживается личная симпатия Михаила Фёдоровича к фигуре шведского короля, видевшего в нем, как и многие современники, талантливого полководца. На формирование образа Швеции в этот период оказывало также большое влияние и то, что шведы исповедовали протестантизм. Учитывая, с одной стороны, открытую неприязнь России к католицизму, а с другой, стремление Густава Адольфа в письмах к французскому и русскому двору представить себя борцом против католической «папешской» веры, угрожавшей самому существованию «евангелических» и православных государств [5, с. 26], сближение двух монархов приобретало и общую духовную основу. При этом очевидным представляется то, что гибель шведского короля в 1632 г. при Лютцене практически перечеркнула возможности для дальнейшего развития союза, т. к. у пришедшего к власти канцлера Оксеншерна, в отличие от Густава Адольфа, складывались более негативные представления о России, в большей степени отражавшие доминировавшие в шведском обществе антирусские настроения. В данном случае можно говорить о том, что прямое влияние на ход событий оказывали представления правящих элит двух стран, в той или иной степени игнорировавших мнения общества.

Сравнимая ситуация сложилась в рамках подготовки русско-шведского «союза 1812 г.», также сопровождавшаяся оживлённой перепиской между главами государств Александром I и Карлом Юханом. В данном случае образ Швеции можно реконструировать как на основании официальных документов, так и более широкого круга источников, таких, как литературные публикации, воспоминания путешественников и материалы прессы.

Однако, учитывая особенности форм правления двух государств (в России, в отличие от Швеции, монархия не была ограничена Конституцией), наибольшее влияние на внешнеполитические шаги со стороны России оказывали представления правящей элиты во главе с Александром I. Так, император в инструкции инженер-генералу П.К. Сухтелену от 28 октября (9 ноября) 1809 г. предельно чётко сформу-

лировал задачи его дипломатической миссии в Швеции, а также дал беглый обзор истории русско-шведских отношений, затронув в том числе и вопрос о русских и французских субсидиях Швеции [6, с. 14]. Александр I в сложившихся обстоятельствах понимал, что Франция при Наполеоне более не намерена «заигрывать со Швецией», тем более что вопрос об избрании нового шведского короля практически полностью находился под контролем Наполеона, а кандидатура «спускалась» в Швецию непосредственно из Франции. В 1809 г. Александр I не видит альтернативы налаживанию дружественных отношений со Швецией и беспрепятственному самоопределению этого государства, т. к. рост напряжённости в русско-шведских отношениях, вызванный подписанием Фридрихсгамского мирного договора (который означал для Швеции потерю Финляндии), мог угрожать безопасности России.

Вместе с тем следует отметить, что указанный договор наряду с территориальными вопросами включал в себя и условия беспошлинного вывоза хлеба из России. Таким образом, он продолжил политику предоставления скрытых субсидий Швеции, заложенную ещё при Михаиле Фёдоровиче. В этой связи вызывает интерес и письмо Александра I Карлу Юхану от 26 февраля (9 марта) 1812 г., в котором российский император сравнивал шведского короля с Густавом Адольфом в свете предложенного российской стороной плана завоевания Норвегии при поддержке России, с условием последующего совместного десанта в Померании. Идея же захвата Норвегии в документах начала 1812 г. вообще становится навязчивой, многократно обсуждается и является альтернативой по отношению к идее французских дипломатов об участии Швеции в походе на Петербург. В своих дипломатических письмах мировые лидеры в начале 1812 г. пытались сыграть на амбициях молодого шведского короля, в прошлом – наполеоновского маршала. При этом Александр I, пытаясь направить шведскую армию против наполеоновских войск в Германии, пытался использовать историческую память, сохранившуюся о подвигах шведов в XVII

в. Кроме того, он предлагал Швеции вместо утраченной Финляндии достойную альтернативу в виде Норвегии, что могло удовлетворить погрязшие территориальной потерей амбиции шведского общества. В донесениях послов и переписке двух монархов в 1812 г. просматриваются два устойчивых клише: намерение России не нападать на Скандинавию преподносится как благо для всей Европы, в то время как лидером Северной Европы безусловно объявляется Швеция. Эти две установки повторяются снова и снова, и говорят о вероятном сохранении образа Швеции как могущественной северной державы, несмотря на то, что имперский период в истории Швеции закончился, причём проигрышем своему нынешнему союзнику – России.

С особым интересом стоит отнестись к мнению Г.М. Коваленко, который прямо говорит о том, что Бернадот, не будучи шведом, мог трезво оценить возможности Швеции и, что самое главное, расставить приоритеты во внешней политике, тогда как в стране были сильны националистические и реваншистские настроения, мешавшие правительству увидеть бесперспективность попыток возвращения Финляндии. То есть в данном случае, по нашему мнению, сложившиеся представления главы Шведского государства оказали прямое влияние на дальнейшие события. Другими немаловажными факторами, по мнению Г.М. Коваленко, были просчёты французской дипломатии, которая опиралась на идею присоединения Швеции к континентальной блокаде Великобритании, крайне невыгодной для шведской экономики, зависимой от внешней торговли, а также установление личных доверительных отношений между Александром I и Бернадотом. Кстати, об этом красноречиво свидетельствует их обширная переписка по вопросам «союза 1812 г.» [2, с. 152]. В данном случае можно говорить о том, что в результате деятельности российских и шведских дипломатов, при непосредственном участии двух монархов, произошло ещё одно сближение России и Швеции. Не последнюю роль в этом процессе сыграли король Карл Юхан (прежде всего, полководец и честный офицер, кото-

рый находился в оппозиции по отношению к Наполеону), да и положение Швеции, которая уже не угрожала России на Европейском Севере и которой, в свою очередь, не нужно было «грозить» из Петербурга.

Реконструкция образа Швеции в представлениях правящей элиты России на протяжении XVII-XIX вв. в этой связи может позволить глубже понять мотивы руководства двух государств, находившихся до этого в теснейшем взаимодействии, столкнувшихся с реальной угрозой для своих интересов в общеевропейском плане.

Таким образом, методы сравнительной имажологии, зародившейся в литературоведческой среде Франции в середине XX в., в настоящее время могут быть с успехом применены в историческом исследовании, что было нами показано на примере рассмотрения эволюции образа Швеции в представлениях российской правящей элиты. Поскольку на современном этапе развития исторической науки общественные и политические процессы всё больше понимаются в контексте взаимодействия культур, одними из ключевых элементов которых являются представления о других народах, постольку расширяется возможность применения исходно культурологических и цивилизационных подходов в рассмотрении сложнейших проблем международной политики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Диалог историков. Переписка А. Тойнби и Н. Конрада. – Новый мир, 1967. – № 7. – 185 с.
2. Коваленко Г.М. Русско-шведский союз 1812 г. – Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск, 1974. – 168 с.
3. Миры образов – образы мира: Справочник по имажологии. – Волгоград, 2003. – 93 с.
4. Мыльников А.С. Этническая имажология: конструирование науки межнационального взаимопонимания. – Культура на пороге III тысячелетия. – СПб., 1996. – 307 с.
5. Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. – М., 1976. – 435 с.
6. Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809-1818 гг. – М., 1985. – 572 с.
7. Lippmann W. Public Opinion. – New York: The Free Press; London, 1965. – 272 с.

Новая и Новейшая история

УДК 284(55):342.5

Воронин С.А.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

ШИИТСКАЯ ДОКТРИНА ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

S. Voronin

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

THE SHIITE DOCTRINE OF THE SUPREME POWER

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам формирования политической культуры Ирана. В статье рассматриваются основные этапы зарождения и развития доктрины шиизма и её значение в Иране. Автор выясняет степень влияния процесса эволюции шиизма на историческую судьбу иранского общества. Акцентируется внимание на авторском видении проблемы, предпринимается попытка выяснить не столько идеологическое, сколько реальное влияние шиитской доктрины. Этот подход позволяет не только определить роль, выделить основные течения в шиизме, но и осмыслить нормы того исторического времени, на основании которых они получили свой статус. Дана оценка значения функций политических и религиозных ценностей в иранском социуме. Автор показал, что сохранение традиционного политического наследия является одним из направлений решения проблемы идентичности современного иранского общества.

Ключевые слова: моджтехид, воля Аллаха, мохаррам, мусульманское общество, верховная власть.

Abstract. The article deals with some aspects of political culture formation in Iran. The article considers the main stages of the origin and development of the Shiite doctrine, and its significance for the Iranian society. The author tries to elucidate the process of evolution of Shiite doctrine influenced historical fortunes of the Iran society. The author gives his personal point of view and makes an attempt to clear up rather the real influence of the Shiite doctrine than its ideological importance. This approach allows to comprehend not only the role and the types of the main trends in Shiism, but also the norms of the historical period, which gave them their status. The article assesses the functional role of political and religious values in the Iranian society. The analysis confirms that the conservation of the traditional political heritage is one of the main steps towards the solution of the problem of Iran's national identity.

Key words: mujahedin, the will of Allah, moharram, Muslim society, supreme power.

Для исламского средневекового мира вопрос о природе власти не был предметом для обсуждения. Не существовало и разделения на светское и духовное. Эпохальные события, бытовые случаи – всё носило религиозно окрашенный оттенок. В целом, такой подход был характерен для психологии населения средневековья и на Востоке, и на Западе. Однако специфика ислама заключается в том, что как религиозно-общественная политическая система он всегда выступал регулятором взаимодействия религии и власти. И это взаимодействие носило сложный и многофункциональный характер.

В соответствии с классической доктриной ислама власть даруется Абсолютом кому-либо на эксклюзивных правах, поскольку Аллах един, постольку и власть едина и неделима. Период «коранического ислама», когда источником земной власти выступал Пророк Мухаммад, стал олицетворением политического идеала. Мухаммад концентрировал в своих руках все функции и виды власти [10, с. 10-11]. Таким образом, именно в этот период в основу политического лидерства в исламе был заложен принцип сакральности. В соответствии с ним, личность лидера, стоящая во главе и над коллективом – общиной, государственным образованием не только является контрагентом божественного начала, но и исполняет функцию посредника между Абсолютом и людьми. Согласно этой установке в массовом сознании мусульман, по мнению В. Грэхэма, сформировалось отношение к Сунне (своду предписаний о поведении и высказываниях пророка) – как источнику, имеющему значение, равное Корану – как своду знаний о заветах Аллаха. Святость Сунны легитимизировалась связью Пророка Мухаммада с Аллахом, источником откровений в трансцендентном мире [14, с. 101].

После смерти Пророка Мухаммада исламская умма столкнулась с ситуацией разночтения и интерпретации характера власти, заложенного в Коране и освященного личностью Мухаммада.

Противоречия, заложенные в «коранический период», получили своё развитие в X-XI вв. Расширение ареала исламского мира, необходимость организовывать структуру управления на завоёванных территориях, оберегать изначальную чистоту ислама, наряду с развитием его аккумулялирующего характера, привело к рождению значительного количества «бида» (нововведений). Проблема политической власти стала одним из самых важных факторов сохранения самоидентичности исламского социума после периода завоеваний и рождения халифата. М.Б. Пиотровский отмечает: «В кораническую эпоху Конец света и Судный день представлялись достаточно близкими. Теперь же от религии стали требо-

вать ответа не только о том, как готовиться к близкому суду, но и том, как жить в долгом его ожидании» [9, с. 9-10].

Принцип сакральности власти был перенесён мусульманами на покоренное в ходе завоеваний население, и, как следствие, именно он приобрёл решающее значение в политических движениях, носящих религиозный характер по поиску наделённых благодатью людей, способных установить коммуникацию с Аллахом.

С одной стороны, эта тенденция способствовала формированию сакральной традиции – сохранению власти в одной семье. Носителями власти выступали члены семьи Пророка и его потомки. Так обосновывали свои права на обладание властью Аббасиды, опиравшиеся на особую благодать, исходящую от зятя и двоюродного брата Мухаммада – Али Абу Талиба. С другой стороны, эта тенденция породила махдистские (мессианские) движения. Махди (мессия) – посланник Аллаха должен был подготовить мир к Судному дню и установить вечное царство мира и справедливости. Во главе исламского государства стоял халиф, который в принципе являлся выборным лицом. Умма принимала решение о замене главы государства. Халиф нёс персональную ответственность за надлежащее исполнение ниспосланных Аллахом предписаний. Омейяды – первая династия – отступили от священной традиции и легитимизировали свои права на власть не связью с Богом, а договором с общиной. За что и поплатились утратой власти, носящей «безбожный» характер [1, с. 532-536]. Омейядский халифат заложил основу так называемых «общинных» представлений о политической власти и впервые поставил вопрос о возможности разделения сознания мусульман и их представлений об источнике власти на светское и религиозное. Абсолютизированной формой «общинных» представлений стал «хариджизм» – доктрина, обосновывающая право каждого стать халифом. Хариджизм по своей природе создал синтез общинных идеалов и духа Корана, т. е. «общинное представление, общинный по духу образ идеальной власти» [15, с. 453-463].

В этом смысле можно рассматривать хариджизм как предтечу идеологии национализма в исламском мире XX в.

И проект политической власти, предложенный Омейядами, и движение хариджитов показали исламскому миру потенцию к осуществлению раздела секулярного и религиозного.

Проблема трактовки природы политической власти привела мусульманскую общину, а позднее – весь исламский мир к расколу на суннитов и шиитов. Внешней стороной, разгоревшейся после кончины Мухаммада дискуссии, стал вопрос об избрании его преемника. Как отмечает иранский историк Мехди Санаи: «Поверхностно споры касались лиц и личностей, но внутренней причиной этих споров были все те же политические мотивы, привлекающие проницательные и деятельные умы во всех странах и во все времена [12, с. 9]. Глубинной причиной раскола в исламе, таким образом, стал вопрос о власти, претендентами на которую выступали феодальные кланы – Хашим (к которому принадлежал сам Пророк) и Омейя. Политические интересы феодальных группировок тесно переплетались с родовыми амбициями семейств из племени курайш [5, с.151-152].

Проблема выбора преемника осложнялась тем, что Пророк Мухаммад не оставил прямых наследников мужского пола. Исходя из родственных связей, притязания на власть мог выдвигать лишь Али – двоюродный брат и зять Пророка. Часть общины считала, что Пророк сам назначил Али своим преемником в ходе своего последнего паломничества в Мекку в 632 г. в местности под названием Гадире хом. Пророк изъявил свою волю в судьбоносной суре «Хутба»: «Все, для которых я являюсь господином, пусть считают своим господином Али». Эта группа сторонников со временем стала именоваться «шиа» (партия, группа Али) [12, с. 9]. Но община избрала Абу Бакра – самого старшего сподвижника Пророка. Будучи тяжело больным, Мухаммад именно Абу Бакру поручил руководство общей молитвой в мечети Медины, т. е. фактически, по их мнению, назначил его имамом (предстоящим на

молитве) вместо себя. Несмотря на объединение в руках Абу Бакра светской и духовной власти, его власть не приобрела теократический характер. В глазах уммы он не был осенён благодатью и не имел контакта с божеством. Он был функционером, исполняющим роль имама. Его личность не носила сакрального характера. Его функции могли, в случае его отсутствия, исполняться любым мусульманином, сведущим в процедуре проведения молитвы. По мнению крупного исламоведа О.Г. Большакова, «то обстоятельство, что в своих действиях он обязан был руководствоваться Кораном и примером Мухаммада, так же не превращало власть халифа в священническую, как известное положение «нести власти ещё не от Бога» не превращало светскую власть христианских государей в теократическую» [2, с. 190-191]. Правление Абу Бакра длилось с 632 г. по 634 г. После его смерти был также назначен преемник. В 656 г. очередной преемник Усман был убит. В этот период вновь оживилась идея о легитимности права Али на власть в халифате, поскольку с точки зрения кровнородственных связей его фигура была безальтернативной. В ходе междоусобицы в 661 г. Али был смертельно ранен. После его гибели его старший сын Хасан был провозглашён имамом – главой уммы. Однако вскоре он отрёкся от власти за крупное вознаграждение (по версии шиитов, был отравлен). За ним последовала череда родственников Али, сменявших друг друга. В 680 г. младший сын Али – Хусейн с небольшим отрядом попал в окружение войск халифата вблизи Кербелы. Враги полагали, что измученные жаждой шииты сдадутся без боя. Осада продолжалась десять дней, с 1 по 10 мохарамма, согласно мусульманскому летоисчислению. Хусейн отклонил предложение о капитуляции и выступил с 70 воинами против четырёхтысячного войска [2, с. 189-197]. Войска халифа замерли в ожидании, боясь взять на себя ответственность за пролитие крови родственника Пророка. Но вскоре начался неравный бой, исход которого был предreshён. Голова погибшего Хусейна была отправлена в Дамаск халифу [5, с. 155-157].

Одним из основополагающих принципов легитимизации власти в шиизме является учение об имамате – верховной духовной власти, верховным руководством мусульманской общиной – государством. Генезис термина восходит ещё к временам доисламской Аравии. В исследованиях С.М. Прозорова, одного из крупнейших учёных-исламоведов, отмечается, что имамом называли человека, «стоящего впереди», к примеру, исполняющего функции проводника каравана или руководящего каким-либо мероприятием [6, с. 24]. В исламской догматике это наименование приобретает конкретное наполнение – «предстоятель на молитве», «духовный руководитель» и в этом смысле употребляется в Коране (2:118) [7, с. 15-16]. В целом, интенсивное формирование доктрины об имамате начинается с появления сочинений, пытавшихся обосновать права Алидов на верховную власть. Интерпретация ряда аятов Корана в этой связи приобретала политическое звучание. Изначально доктрина об имамате сформировалась с целью легитимизации прав Али и его потомков на власть. Со временем она трансформировалась в один из основных догматов шиизма, согласно которому имамат является установлением Аллаха и не находится в сфере компетенции и воли людей. Исходя из этого, институт имамата, в отличие от халифата, не может быть выборным. Шиитская догматика, отвечая на критику апологетов выборности преемника Пророка, утверждает, что вопрос руководства уммой чрезвычайно важен и потому не может решаться с учётом мнения всех, зачастую некомпетентных, членов общины. Этот подход вступает в противоречие с божественным промыслом. Лишь Аллаху дано знать и указать на людей через своих пророков, которые обладают необходимыми качествами для руководства правоверными. Ставя вопрос о личностях, шииты дают ответ, обосновывая права на руководство Али и его потомков в силу их близости к Пророку. В контексте учения шиитов особое значение приобретает пророчество – божественное откровение. Сами имамы выступают как непорочные предводители для руководства («велят») правоверными в от-

сутствии пророков. Такое понимание Корана и хадисов должно продвигать исламское общество в единственно верном направлении. Но подобное понимание является компетенцией избранных и приближённых к Пророку лиц, которыми и являются Али и 11 его потомков мужского пола [12, с. 10].

Доктрина шиизма не признаёт термина «халиф» – «преемник» («заместитель») посланника Аллаха. Согласно учению, разработанному проалидскими богословами, власть как сакральная эманация (божественное установление) передаётся от одного имама к другому таинственным образом. В силу «божественного установления» верховная власть принадлежит роду Али. Таинственность передачи властных полномочий родилась в силу отсутствия механизма передачи власти внутри рода Али. В силу естественного дробления алидского рода, число потенциальных претендентов на имамат росло [11, с. 281]. Всего, согласно шиитской догматике, было 12 имамов. Последний из них – Мухаммад – сын Али от ханифитки, который якобы исчез в пещере под Самаррой в Ираке. После его смерти образовалось несколько группировок, считавшими его «Сокрытым махди» и «ожидаемым имамом», который незримо присутствует в мире и должен появиться с целью восстановления на Земле истинной веры и справедливости.

Вопрос о необходимости установления порядка, базирующегося на абсолютной и окончательной справедливости, выступает важнейшим компонентом шиитской политической теории. Опираясь на эту легитимистско-эманационную концепцию высшей власти, шииты дополнили суннитские основы религии догматом об имамате [5, с. 158]. Теоретико-практическое воплощение доктрина имамата получила во времена имама Джафара ас-Садики (700-765 гг.), который считался шестым имамом. После его смерти часть его сторонников признала имамат его сына Исмаила, назначенного преемником, но умершего при жизни отца. Это привело к расколу в шиизме и возникновению течения исмаилитов [11, с. 282].

Шииты признают легитимным правителем и главой уммы только Али, остальные, почитаемые суннитами (Абу Бакр, Омар, Осман), по их мнению, – узурпаторы. Согласно шиитской догматике в шахаде к традиционной формулировке «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха» добавляется указание на то, что «Али – наместник Аллаха».

Дополняющим принципом в теории шиитов об имамате является признание роли улемов или моджтехидов в обществе в период отсутствия имамов. Улемы (мн.ч. от «алимы» – учёные) – религиозные исследователи. Моджтехиды – авторитетные богословы, имеющие право выносить решения по вопросу фикха на основании подлинных источников. Имамы несут руководящую функцию после кончины Пророка, а улемы и моджтехиды должны направлять общество мусульман после «периода имамата», т. е. после сокрытия имама. Основное различие между этими группами лиц состоит в том, что улемы не обладают опытом непорочности и сакральными качествами, присущим имамам [12, с. 10].

В IX в. вопрос об имамате актуализировался в связи с возросшей практической потребностью в руководстве шиитской общиной. После «исчезновения» в 874 году последнего двенадцатого имама, шииты провозгласили его махди, который, согласно мессиянской традиции, должен вернуться для восстановления справедливости и поправленных прав потомков Пророка. По мнению С.М. Прозорова, «идея “сокрытого” существования имама, которую проповедовали различные шиитские общины, ... стала для шиитов связующим звеном между их представлениями о священном характере власти, о непрекращающемся «божественном руководстве и их повседневной практикой» [11, с. 284].

Шиизм как религиозно-политическое течение возник в Арабском мире, распространившись с территории современного Ирака на пространство всей уммы. В средние века шиизм нередко становился идеологией народных движений, знаменем борьбы против феодальных порядков. В XIV в. против власти халифа, используя шиитские лозунги, высту-

пили крестьяне Хорасана в Иране [5, с. 156]. Однако распространение идеологии шиизма в Иране заняло довольно продолжительное время. Лишь в начале XVI в. шиизм приобрёл статус государственной религии в державе Сефевидов, которые использовали это религиозное течение с целью формирования оппозиции суннитской Турции и узбекским правителям из династии Шейбанидов [5, с. 156].

Теория и практика организации института духовных лиц в исламе весьма противоречива. Согласно официальной точке зрения, ислам не имеет централизованной духовной организации, которая направляет и осуществляет религиозную политику, а также распределяет средства, поступающие в её распоряжение.

В исламе отсутствует церковная иерархия (клир), нет посвящения в духовный сан путём рукоположения. Все духовные лица в исламе формально независимы, равны и подчиняются только воле Аллаха. А шииты – ещё и сокрытому имаму.

Но практика и действительность свидетельствуют о том, что среди мусульманского духовенства существует своеобразная иерархия: духовные лица высших степеней (улемы и моджтехиды) и низших степеней (муллы). Для духовного роста и продвижения по иерархической лестнице необходимо признание морального и научного авторитета богослова всей уммой и другими теологами. После этого он приобретает право «иджтихада» – интерпретации, персональной трактовки догм и законов ислама. Обладая этим правом, богослов создаёт духовную школу, обрастая учениками и последователями. Моджтехиды имеют внутреннюю градацию: мардже ат-таклид (источник подражания), аятолла (знак божий), аятолла ал-узма (великий аятолла,) хужжат аль-ислам (доказательство ислама). Эти духовные степени присваиваются на основе мнения всех верующих мусульман [3, с. 151-152].

По мнению Е.А. Дорошенко, с XVI в. шиитское духовенство обладало «крепкой организационной структурой, которая развивалась как параллельная государственно-правовым

и политическим органам власти, приспособившись более умело и гибко, чем эта власть, к меняющимся условиям» [8, с. 152]. В 1826 г. шиитское духовенство объявило джихад Российской империи. В 1873 г. в сформировавшейся антибританской коалиции руководящие позиции занимали шиитские муллы. В 1827 г. во время посещения Европы шах Насир предоставил монопольную пятидесятилетнюю концессию на иранский табак крупному предпринимателю Джеральду Тальботу. В 1891-1892 гг. шиитское духовенство объявило бойкот британской компании «Тальбот» и шаху, позволившему ей создать табачную монополию. Аятоллы Ширази и Аштиани издали фетву о запрете курения табака иранскими мусульманами. В результате шах отменил концессию англичан [13, с. 213-217].

Во время Иранской революции 1905-1911 г. шиитское духовенство, консолидировавшись с представителями национальной буржуазии, активно выступало против вмешательства Великобритании и России в дела Ирана.

Шиитское духовенство на всём протяжении иранской истории способствует актуализации положения шиизма о преклонении перед жертвами борьбы за справедливость во имя веры, которым после физической смерти будет даровано место в раю. Именно с концепцией жертвенности тесно связана традиция «сокрытия» (такийя). В раннем шиизме сокрытие означало, прежде всего, сокрытие истинной веры в случае возникновения опасности. Первым сектантом, основавшим тайное общество, был имам Хусейн, погибший мученической смертью. В традиции «сокрытия» коренятся причины терроризма шиитских тайных обществ. Доктрина шахадат – мученической смерти за веру – оправдывала в глазах шиитов смерть в результате исполнения террористического акта в брэнном мире. Главой тайного общества был пир – старейший специалист по богословию, уважаемый всеми, наставник, обладавший тотальной властью над всеми членами секты. Несогласие с волей духовного лидера или предательство наказывались вынесением смертного приговора.

На базе доктрины «такийя» в 40-е г. XX в. была создана тайная организация «Федаяне ислам» («Поборники ислама»), включавшая в свой состав мулл, студентов медресе, низшие слои населения городов [4, с. 155].

В конце 40-х – начале 50-х гг. призыв к борьбе за чистоту веры ассоциировался с конкретными политическими инициативами – с борьбой против протекции шахского режима, оказываемой британским нефтяным корпорациям. Во главе тайной организации в этот период стоял мулла Наввабом Сафави, которого поддерживали крупные шиитские духовные авторитеты аятоллы Талегани и Кашани. В 1949 г. после неудачного покушения на шаха в Тегеранском университете организация подверглась разгрому, руководство было арестовано, три лидера бежали за границу [13, с. 317.].

В 60–70-е гг. XX в. были созданы тайные организации «Моджахидине халк» («Мученик»). Частично они финансировались на средства Хомейни, пребывавшего в ссылке в Неджефе [4, с. 121.]. За рубежом Хомейни готовил отряды боевиков, которые после событий 1979 г. стали основой «пасдаров», корпуса стражей Исламской революции.

Аграрная политика шаха М. Реза Пехлеви в 60-е гг. XX в. также рассматривалась духовенством как посягательство на их преференции. Катализатором подъема борьбы шиитского духовенства против режима шаха стала ссылка Хомейни в Неджеф. Причём, как отмечает Е.А. Дорошенко, «главным каналом расширения борьбы стала система мусульманских медресе» [4, с. 158-159] (богословско-правовых училищ, сохранившихся как институт с X века). Традиция набора в медресе не только набожных и благочестивых юношей, но и физически крепких, способных вести джихад, берёт истоки ещё в средневековье. Толлабы («талибы»), т. е. студенты медресе неоднократно в иранской истории демонстрировали умение с оружием в руках постоять за правое исламское дело.

Значительную роль в формировании массового сознания в Иране оказывали и продолжают оказывать религиозные праздники

и церемонии. Одной из значимых для шиитов традиций является ашура – декада траура. Начало нового года по лунному календарю (хиджре), первую половину мусульманского месяца – мохаррама открывает траурную церемонию горести по убиенному имаму Хусейну и других шахидов, павших за веру. Радио и телевидение, почти весь эфир посвящают религиозным программам. В дни ашуры пожилые запрещают молодым веселиться и улыбаться. Траурные процессии – мистерии сопровождаются самоистязанием [5, с. 162-164]. Одетые в белые халаты, с бритыми головами, участники процессии наносят себе удары тяжёлыми цепями, острыми кинжалами, колют тело гвоздями, выкрикивая: «Шах Хусайн, вах, Хусайн!» – «Государь Хусейн, ах, Хусейн!» [8, с. 332-334].

Развитие событий в Иране, начиная с 1978-1979 годов и по наши дни, убедительно показывает, что рассматриваемая проблема сколь актуальна, столь и традиционна. «Исламское правление» в современном Иране, по мнению С.М. Прозорова, это «обновлённая доктрина имамата, попытка реализовать идеальную модель теократического правления, стремление возродить единство духовного и светского в исламе» [11, с. 285].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бартольд В.В. Эпоха Омейядов по новейшим исследованиям // Сочинения. Т. 6. – М., 1972. – 741 с.
2. Большаков О.Г. История халифата. Т. 1. – М., 1989. – 309 с.
3. Дорошенко Е.А. Шиитская традиция и революция 1978-1979 гг. в Иране // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. – М., 1990. – С. 27-41.
4. Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране. – М., 1985. – 301 с.
5. Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. – М., 1990. – 286 с.
6. Ислам в современной политике стран Востока. – М., 1986. – 439 с.
7. Коран. – М., 1990. – 446 с.
8. Марр С.М. Мохаррам. Традиционная культура народов Персии и Средней Азии. – Л., 1970. – С. 150-337.
9. Пиотровский М.Б. Исторические судьбы мусульманского представления о власти // Социально-политические представления в исламе. – М., 1987. – С. 6-22.
10. Пиотровский М.Б. Мухаммад, пророки, лжепророки, хаины // Ислам в истории народов Востока. – М., 1981. – С. 10-18.
11. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. – М., 2004. – 470 с.
12. Санаи Мехди. Политическая мысль в исламском обществе // Иран: Ислам и власть. – М., 2001. – С. 6-13.
13. Шабани Риза. Краткая история Ирана. – М., 2008. – 382 с.
14. Graham W. Divine Word & Prophetic Word in Early Islam. – Paris, 1977. – 456 p.
15. Hawting G. The significance of the slogan La Hukma illa lillah & the Reference to Hudud in the traditions about the Fitna & The Murder of Uthman. – L., 1978. – 563 p.

УДК 782.1(470) "1930"

Курков Н.В.

Московский государственный областной университет

**ВЫСТУПЛЕНИЯ РУССКОЙ ГРАНД-ОПЕРЫ
М.П. ПАНТЕЛЕЕВА В АМЕРИКЕ: 1930-е гг.
(РУССКИЙ XX ВЕК В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ)**

N. Kurkov

Moscow State Regional University

**PERFORMANCES OF THE RUSSIAN ART GRAND OPERA COMPANY
UNDER THE LEADERSHIP OF M.P. PANTELEIEFF IN AMERICA: 1930^s
(THE RUSSIA'S TWENTIETH CENTURY IN CULTURAL
AND HISTORICAL CONTEXT)**

Аннотация. М.П. Пантелеев (1887–1958) – видный деятель русского музыкального зарубежья в США 1920–1930-х гг., талантливый оперный певец. В 1931 г. организовал в Нью-Йорке «Русскую гранд-оперу», которая ставила оперные спектакли на русском языке («Борис Годунов», «Хованщина» Мусоргского, «Золотой петушок» Римского-Корсакова). В них участвовали известные оперные певцы И.В. Иванцов, Т.И. Сабанеева и др. В репертуаре М.П. Пантелеева (баритон) центральное место занимала роль Бориса Годунова, которую он играл блестяще. Выступления Гранд-оперы проходили с большим успехом и получили высокую оценку американской музыкальной общественности.

Ключевые слова: русско-американские культурные связи, музыкальная эмиграция, опера, русская оперная классика, оперный репертуар, оперные спектакли.

Abstract. M.P. Panteleieff (1887–1958) was a gifted operatic singer and a prominent Russian musician who worked in the US in 1920–1930s. In 1931 he founded the Russian Grand Opera Company in New York City which staged the operas in Russian (Boris Godunov, Khovanchina by Moussorgsky, The Golden Cockerel by Rimsky-Korsakov). The cast included I.V. Ivantsoff, T.I. Sabaneeva and other famous operatic singers. The part Boris Godunov was the main in Panteleieff's repertoire (baritone) and he performed it brilliantly. The Russian Grand Opera performances had great success and won a high appraisal of the American musical community.

Key words: Russian-American cultural links, musical emigration, opera, Russian classical operas, operatic repertoire, operatic performances.

Максим Петрович Пантелеев – видный деятель русского музыкального зарубежья в США 1920 – 1930-х гг., талантливый оперный певец. В Сан-Франциско находится его архив, где содержатся рукописные и редкие печатные материалы, фотографии, обширная коллекция музыкальных рецензий (газетные вырезки из провинциальной и центральной американской прессы)¹. Они позволяют обозначить основные вехи творческой биографии М.П. Пантелеева, воссоздать неизвестные страницы истории русской эмиграции в Америке.

М.П. Пантелеев родился в 1887 г. По окончании Петербургской консерватории свою артистическую деятельность начал в театре Музыкальной драмы. Дебют состоялся 14 ноября 1914 г., когда он выступил в партии Валентина в опере Гуно «Фауст». В 1918 г. дал ряд концертов в Харбине (Китай), а затем, по приглашению японского принца Коноэ – в Токио, Иокогаме, Киото. Вернувшись в Харбин, зимой 1920 г. Пантелеев принял предложение Л.Ф. Федорова и поступил в оперную труппу «Русская национальная опера» (РНО), с которой совершил турне

© Курков Н.В., 2012.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 10143. Оп. 55: Коллекция микрофильмов Музея русской культуры в Сан-Франциско. Maxim Panteleieff Papers. Кадр 1-282.

по Филиппинам, Китаю, Японии, США, Мексике [2].

В США Пантелеев стал одним из премьеров РНО. Он обладал сильным голосом (баритон) красивого тембра и необычайно широкого диапазона. Его исполнительская манера отличалась легкостью, изяществом модуляции и ярким сценическим темпераментом. В те годы Пантелеев выступает в партиях Бориса и Пимена – «Борис Годунов», Демона – «Демон», Грязного – «Царская невеста», Томского – «Пиковая дама» [15, с. 153].

После продолжительных успешных гастролей в США в силу ряда обстоятельств РНО распалась [2, с. 122]. Пантелеев выступал с концертами в Сан-Франциско, а в июле 1929 г. пел на сцене амфитеатра «Голливуд-болл» (Лос-Анжелес) в сопровождении симфонического оркестра под управлением дирижера Б. Молинари. Перед многотысячной аудиторией артистом были исполнены ария из оперы Массне «Иродиада» (на французском языке), арии князя Игоря и Галицкого, а также – популярная «Блоха». Как писали газеты, «овациям не было конца» [3]¹.

В это же время Пантелеев предпринимает попытку реанимации РНО. За счет пожертвований американских меценатов удалось создать фонд (25 тыс. долл.), достаточный для возобновления оперных спектаклей. Основная организационная деятельность по реализации намеченной программы переместилась в Нью-Йорк. Однако в связи с начавшимся в 1929 г. экономическим кризисом оперные спектакли начались только в 1931 г.; они проводились в театре «Мекка Темпл» и были приурочены к пятидесятилетию кончины М.П. Мусоргского [15, с. 153]². 6 марта состоялась премьера «Бориса Годунова», 7 марта – «Хованщины» (всё – на русском языке). В состав оперной труппы, возглавленной М.П. Пантелеевым и получившей название «Русская Гранд-опера» (The Russian Art Grand Opera Company), входили 16 солистов; хор насчитывал 40 человек, оркестр – 55 музыкантов; балет во главе с Михаилом Мордкиным – 24

человека. Среди ведущих вокалистов-профессионалов были артисты из старого состава РНО: Г.М. Ардатов, В.И. Валентинова, А.Н. Грошев, В.М. Данилов, К.И. Иванова, Д.М. Тульчинов и сам М.П. Пантелеев. В качестве дирижера выступил М.М. Фивейский.

Представления Гранд-оперы, отмеченные положительными отзывами как русской эмигрантской, так и американской прессы, в материальном отношении оказались неудачными: из-за возникших финансовых затруднений спектакли были прерваны и возобновились только в марте 1932 г. В состав обновленной труппы вошли талантливые и широко известные исполнители-солисты Т.И. Сабанеева (артистка Метрополитен-опера), А.Н. Лисецкая, А.Д. Мейчик, И.В. Иванцов, М.Ф. Швец. Спектакли проходили при участии опытных и повсеместно признанных дирижеров А.П. Асланова (бывший дирижер Императорского Большого театра в Москве) и Е.Е. Плотникова (бывший дирижер Мариинской оперы в С.-Петербурге). М.П. Пантелеев был режиссером.

Обязанности импресарио Гранд-оперы фактически взяла на себя жена Пантелеева американка Консуэла Э. Клосс. Чуткий музыкант, отличная певица, обладательница меццо-сопрано, воспитанная на классиках западноевропейской музыки, К. Клосс после ознакомления с произведениями русских композиторов сразу же, по её словам, была ими очарована. Обладая кипучей и деятельной натурой, Консуэла решила во что бы то ни стало сделать явью мечту мужа о создании настоящего русского оперного театра. Исключительно широкий круг знакомств, в особенности среди американских меценатов, значительно облегчил её задачу. Успех премьер «Бориса Годунова» и «Хованщины», похвала музыкальной критики, ограниченность русского репертуара в Метрополитен-опера – всё это укрепляло в ней убеждение в возможности и необходимости создания постоянной Русской Оперы. Весь 1931 г. прошел в неустанной работе по привлечению американцев – почитателей русского искусства, ибо она понимала, что без их финансо-

¹ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55. Кадр 45.

² ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55. Кадр 197.

вой поддержки дело не может рассчитывать на успех.

Весной 1932 г. Гранд-опера поставила в театре «Мекка-Темпл» семь оперных спектаклей («Золотой петушок» Римского-Корсакова, «Борис Годунов», «Хованщина»). Американская музыкальная общественность и любители оперы проявили к ним живой интерес. Затем снова последовал длительный перерыв в деятельности труппы, и лишь в ноябре-декабре 1933 г. появилась возможность организовать гастрольную поездку в Детройт, Питтсбург, Техас (Даллас, Хьюстон и Сан-Антонио). По этому поводу поэт-пародист С.Ф. Сарматов написал: «Есть ещё благие души!.. / Дело доброе затеяв, / Тащит оперу за уши / На свет Божий – Пантелеев» [13].

В состав труппы, насчитывавшей 130 человек, были включены американские певицы, которые исполняли свои партии по-русски: Эдвина Юстис – партию Марины в «Борисе Годунове» и Дженис Давенпорт – Шемаханской царицы в «Золотом петушке». Их участие в спектаклях Гранд-оперы было с энтузиазмом воспринято американской аудиторией¹.

По завершении гастролей в одном из интервью М.П. Пантелеев отмечал: «Я вполне удовлетворен нашей поездкой, которая ещё раз доказала торжество нашего искусства. У меня совершенно рассеялись все сомнения, возникавшие при вопросе: „Можно ли давать американцам оперу на русском языке?“ Все три оперы – „Борис Годунов“, „Хованщина“ и „Золотой петушок“ шли на русском языке и тем не менее имели колоссальный успех... Нас везде встречали аплодисментами, а провожали овациями. Наш успех я всецело отношу к дружной и сплоченной работе всех артистов, хора и балета. Он объясняется яркими и красочными декорациями и костюмами, замечательной музыкой, творческой работой всего ансамбля. Американская критика отнеслась к нам чрезвычайно доброжелательно, газеты давали о нас прекрасные отзывы. Театры везде были переполнены... О публике и говорить нечего – для нас это был сплошной триумф. Я получил огромное количество писем из всех

¹ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55. Кадр 53, 55.

городов, в которых публика выражает свой восторг по поводу спектаклей» [2]. Гранд-опера стала самоокупаемой.

Содержащиеся в архиве Музея русской культуры Сан-Франциско материалы могут служить подтверждением высказанной М.П. Пантелеевым оценки².

Пресса обозначила успех М.П. Пантелеева и его оперного ансамбля как «одну из вех сближения великих народов на почве культуры» [5]³. В этом плане заслуживает внимания признание самого руководителя Гранд-оперы: «Я глубоко убежден, что никакая политическая пропаганда не сделает так много для пользы русского дела, как ознакомление американцев с великими образцами русского искусства. Особенную роль в этом отношении имеет опера, которая в одно и то же время дает представление о русской музыке, пении, танцах, живописи, костюмах, обычаях русской старины и об отдельных исторических моментах, пережитых Россией» [12].

Центральное место в творческой биографии М.П. Пантелеева безусловно занимает воплощение им на оперной сцене образа Бориса Годунова. «Роль Бориса Годунова остается лучшей в репертуаре Пантелеева, подходя вплотную к его вокальным возможностям и блестящим внешним данным, – отмечалось в прессе. – Роль эта приобрела четкий рисунок облика вполне сложившегося в душе артиста» [7; 12]⁴. Пантелеев не отходил от обычного представления о фигуре Бориса, облик которого на русской сцене впервые создал Шаляпин. От этого условного образа не отходит и Пантелеев. «Вокальное исполнение роли гном Пантелеевым превосходно, – писал один из рецензентов. – Голос его звучит прекрасно во всех регистрах, легко подчиняя чувство актера вокальному содержанию роли» [12]⁵.

В 1930-х гг. на оперной сцене в США в этой роли выступали многие известные русские оперные певцы – Г.А. Бакланов, Г.П. Дуб-

² ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55. Кадр 22-24, 28, 40, 45, 52-55, 65.

³ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55. Кадр 40.

⁴ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55. Кадр 30, 48, 67.

⁵ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55. Кадр 55.

ровский, Н.К. Карлаш, И.Н. Стешенко, Г.М. Юренев. В американской прессе приоритет отдается М.П. Пантелееву, которого называли «вторым после Шаляпина великим артистом»¹. В то же время музыкальные критики отмечали некоторую нарочитость, театральность, позу артиста, не всегда внутренне мотивированную [12].

В «Борисе Годунове» блестяще играли свои роли И. Иванцов (Самозванец) и А. Лисецкая (Марина) в сцене у фонтана. Здесь налицо и сила драматической экспрессии, и превосходное сценическое действие, и совершенное вокальное воплощение одного из лучших моментов оперы. «Это был подлинный триумф настоящего и большого искусства», – отмечали рецензенты [7; 17]. Обращали на себя внимание М. Швец в роли Варлаама и В. Данилов в роли Шуйского, своей игрой вызывавшие восхищение по редкому сочетанию музыкального содержания с драматическим².

Постановка М.П. Пантелеевым оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок» (премьера состоялась в театре «Мекка Темпл» 28 марта 1932 г.) примечательна прежде всего тем, что она впервые осуществлялась в США в соответствии с замыслом композитора, который «всегда и категорически точно обозначал свои требования в партитурах своих опер» [1]. Блестящая постановка «Золотого петушка» силами труппы С.П. Дягилева в Париже в 1914 г. в виде оперы-балета с певцами за сценой, по мнению семьи скончавшегося к тому времени Римского-Корсакова, не соответствовала авторскому замыслу и самой идее оперы. Опробованная Дягилевым схема была воспринята А.Р. Больмом, который в 1918 г. поставил «Золотого петушка» в Метрополитен-опера.

М.П. Пантелеев отказался от этого приема – в его спектакле все действие с участием солистов и хора разворачивается на сцене. Царя Додона играл Пантелеев, удачно совместивший прекрасное вокальное исполнение с тонкой трагикомической интерпретацией обра-

за³. Блестяще справилась со своей ролью Т. Сабанеева (Шемаханская царица). Обладавшая «серебристым» голосом (лирико-колоратурное сопрано), с обаятельной сценической внешностью, она неоднократно ранее исполняла эту партию в Метрополитен-опера.

Слабым местом постановки «Золотого петушка» было отсутствие балета.

В своеобразном музыкальном «триптихе» Гранд-оперы из «Бориса Годунова», «Золотого петушка» и «Хованщины» критика особенно выделяла «Хованщину», отмечая в её постановке высочайший уровень музыкально-хореографической интерпретации [4; 8]⁴. Вот содержание некоторых музыкальных рецензий: «Выступление балета Михаила Мордкина превратилось в триумф этого прекрасного артиста»; «Евгений Плотников – дирижер Божьей милостью! У него есть всё: и природный темперамент дирижера, и мастерство техники, и умение зажечь музыкантов в едином чувстве музыкального синтеза» [4; 8; 9; 18]⁵. С.Ф. Сарматов отреагировал эпиграммой: «Дирижировать охотников / Много есть из давних пор, / „Знай махай себе...“ / Но Плотников / Настоящий дирижер» [14]. Пресса отдавала должное великолепной игре М. Пантелеева в роли Досифея и В. Валентиновой (Марфа), давшей «выпуклый образ, сценически убедительный и в вокальном отношении превосходный» [4; 16; 18]⁶.

М.П. Пантелеев и его труппа стояли у истоков ренессанса русской оперы в США в середине 1930-х гг. В январе 1934 г. на базе Гранд-оперы создается новый оперный ансамбль «Музыкальная Россия» во главе с И.В. Иванцовым. В течение трех лет «Музыкальная Россия» поставила оперы «Борис Годунов», «Хованщина», «Иоланта», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Мазепа», «Князь Игорь», «Золотой петушок», «Царская невеста», «Сказание о невидимом граде Китеже», «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича (обе оперы шли в Метрополитен-опе-

¹ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55. Кадр 24, 45, 48, 50, 55, 63, 65, 225.

² ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55. Кадр 47.

³ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55. Кадр 28, 48.

⁴ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55. Кадр 196-197.

⁵ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55. Кадр. 53.

⁶ Там же.

ра). Ведущим солистами «Музыкальной России» являлись известные оперные певцы И.В. Иванцов, Г.А. Бакланов, М.М. Куренко, Т.И. Сабанеева, американские артисты Г. Гринвелл, Дж. Пальмер-Судейкина, Э. Юстис.

М.П. Пантелеев, формально не входивший в состав труппы, принял участие в десяти оперных спектаклях. Он выступает с концертами, совершает гастрольные поездки, поёт Сусанина и Годунова, Варлаама и князя Галицкого, Елецкого и Мефистофеля. Он обрел широкую популярность благодаря активному участию в музыкальных радиопрограммах. Главное место в выступлениях артиста (американцы называли его «Макс») занимала русская оперная классика. В феврале 1947 г. в Нью-Йорке в Таун-холл состоялся юбилейный концерт М.П. Пантелеева¹. Он скончался в 1958 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вейнберг Я. «Золотой петушок»: К спектаклям Русской Оперы // Новое русское слово. 1932, 2 апр. – С. 3.
2. Курков Н.В. Выступления русской оперной группы дирижера М.М. Фивейского в США и Канаде: 1920-е годы // Научные труды Московской Государственной консерватории имени П.И. Чайковского. Сб. 66. – М., 2010. – С. 118-123.
3. Новое русское слово. 1929. 29 сент.
4. Новое русское слово. 1931. 9 марта.
5. Новое русское слово. 1932. 23 марта.
6. Новое русское слово. 1932. 30 марта.
7. Новое русское слово. 1932. 31 марта .
8. Новое русское слово. 1932. 1 апр.
9. Новое русское слово. 1933. 15 февр.
10. Новое русское слово. 1933. 22 окт.
11. Новое русское слово. 1933. 25 дек.
12. Новое русское слово. 1934. 3 февр.
13. Новое русское слово. 1934. 8 февр.
14. Новое русское слово. 1934. 10 февр.
15. Almanac: Russian artists in America / Ed. and publ. by N.N. Martianoff a. M.A. Stern. – N.Y., 1932. – 249 p.
16. New York Times. 1931. March 8. – P. 29.
17. New York Times. 1932. March 30. – P. 32.
18. New York Times. 1932. March 31. – P. 24.

¹ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55: кадр 225.

УДК 93/94

Тен В.А.

Московский государственный областной университет

**БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ АВСТРАЛИИ ПО ВОПРОСУ
ВСТУПЛЕНИЯ СТРАНЫ В КОРЕЙСКУЮ ВОЙНУ 1950–1953 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ “THE CANBERRA TIMES”)**

V. Ten

Moscow State Regional University

**THE STRUGGLE OF POLITICAL PARTIES OF AUSTRALIA
ON THE COUNTRY'S ENTRY INTO KOREAN WAR 1950 - 1953
(BASED ON “THE CANBERRA TIMES”)**

Аннотация. Участие Австралии в корейской войне, как и во многих других международных конфликтах, – одна из малоизученных тем в отечественной историографии. На основе публикаций ведущей австралийской газеты “The Canberra Times” в статье показана политическая борьба основных партий страны по проблеме ее вступления в эту войну. Автор делает вывод, что быстрое согласие политической элиты Австралии на австралийское участие в войне в Корее было обусловлено боязнью распространения сил «международного коммунизма». В условиях обострения «холодной войны» Австралия стремилась быстрее перейти под защиту США и стать их верным союзником. В результате австралийские военные подразделения участвовали во всех военных конфликтах в Азии, проходивших под эгидой США во второй половине XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: Австралия, США, «холодная война», корейская война, Либеральная партия Австралии, Аграрная партия Австралии, Лейбористская партия Австралии, Коммунистическая партия Австралии.

Abstract. Australia's participation in both Korean War and other international military conflicts is one of insufficiently explored themes in Russian historiography. This article describes the struggle of main political parties of Australian on the question of the country's entry into the Korean War of 1950–1953. The article is based on the publications of “The Canberra Times”, one of the leading Australian newspapers in 1950-s. The author comes to the conclusion that the political elite of Australia quickly reached full agreement on the country's entry into Korean War. It was due to the fear of the “world communism” spread. The “cold war” escalation made Australia go under the US protection and become their ally. As a result, the Australian military units took part in all military conflicts in Asia, held under the U.S. auspices in the second half of the XX – early XXI centuries.

Key words: Australia, the USA, “cold war”, Korean War, Liberal party of Australia, Agrarian party of Australia, Australian Labor party, Communist party of Australia.

Участие австралийских подразделений в корейской войне 1950 – 1953 гг. стало первым проявлением военного сотрудничества Австралии и Республики Корея, происходившего тогда под флагом ООН, но под руководством США. В последующие полвека австралийские, а нередко и южнокорейские, солдаты участвовали во всех локальных конфликтах, в которых воевали США: от Вьетнама до Афганистана. Военное сотрудничество двух стран получило последнее продолжение в 2009 г., когда было подписано соглашение об усилении сотрудничества в области обороны [13]. Реалии международных отношений XXI в., особенно в АТР, побуждают к изучению не только современного военного сотрудничества Южной Кореи и Австралии, но и к истории его возникновения.

До окончания Второй мировой войны Австралия держалась в русле внешней и оборонной политики Великобритании. После 1946 г. австралийское правительство начало видеть свою

опору и стратегического союзника в лице США. Австралия опасалась экспансии коммунистов из Вьетнама, Филиппин и Малайи на территорию, непосредственно соседствующую с Австралией. Правое австралийское правительство полагало, что борьба против коммунистов в Корее под флагом ООН – это лучший способ «сдерживания коммунизма» в ЮВА и Океании. Отвечая на резолюцию № 82 Совета Безопасности ООН, Австралия приняла участие в корейской гражданской войне, действуя в составе «Объединенных вооруженных сил ООН» под американским командованием. Участие австралийских подразделений в корейской войне 1950 – 1953 гг. стало не только первым проявлением военного сотрудничества Австралийского Союза и Республики Корея, происходившего тогда в рамках «Объединенных вооруженных сил ООН». Произошел переход Австралии от Великобритании под военно-политическую защиту Соединенных Штатов Америки, который завершился подписанием договора АНЗЮС в 1951 г. Примечательно, что успехи австралийских солдат в одном из сражений в Корее стали одним из основных аргументов премьер-министра Австралии Р. Мензиса, побудивших Г. Трумэна заключить этот договор.

Несмотря на немногочисленность (17 тысяч человек) австралийских военнослужащих, участвовавших в корейской войне, в Австралии помнят о своей роли в этой войне. Правда, в 1955–1980-е гг. многие на Западе корейскую войну не без оснований называли «забытой войной» [21]. Но в 1990–2000-е гг. в большинстве западных стран-участниц корейской войны были выпущены книги об их роли в войне в Корее. В 2000 г. в историческом журнале Организации американских историков была опубликована небольшая – на 4 страницы – статья Стэнли Сандлера «Избранная библиография корейской войны» [27]. К этому времени вклад австралийских вооруженных сил в корейскую войну был описан минимум в 10-12 книгах, в которых эта война считалась в Австралии «забытой войной» [21; 23; 25; 26]. К 60-летию начала войны в Корее

число монографических публикаций на тему «Австралия и корейская война» увеличилось до многих десятков зарубежных и нескольких российских названий [14-19; 20; 22; 24].

Войне в Корее посвящен ряд объективных исследований отечественных авторов, особенно в последние 10-15 лет. Значительную историографическую новизну и ценность представляют работы А.В. Торкунова «Загадочная война: корейский конфликт 1950-1953 годов» [19], Ю.В. Ванина «Корейская война (1950–1953) и ООН» [14]; материалы научно-теоретической конференции «Война в Корее 1950–1953 гг.: взгляд через 50 лет» [15] и др. Но участие в ней Австралии не получило специального освещения в отечественной исторической литературе. Это вполне объяснимо как местом Австралии в истории внешней политики нашей страны, так и реальной ролью Австралии в ходе корейской войны. Но в ряде современных монографических работ уже встречаются суждения о вовлеченности Австралии в корейскую войну, хотя и в контексте действий основных участников войны в Корее. Это, например, книги Ю.В. Ванина «Корейская война (1950 -1953) и ООН» [14, с. 7, 36, 43, 100-101, 155], А.С Орлова и В.А. Гаврилова «Тайны корейской войны» [15, с. 75, 95, 102, 180].

В данной статье сделана попытка показать полемику в политической жизни Австралии о вступлении её в корейскую войну, её характер и результаты. Источниковую базу статьи составили публикации австралийской столичной газеты “The Canberra Times”, выпуски которой за 1950–1954 гг. имеются в Интернете. Они содержат материалы, охватывающие все время участия Австралии в корейской войне: от обсуждения начала военных действий в Корее в Совете Безопасности ООН и до вывода австралийских войск с территории Корейского полуострова.

В общей сложности, в 1950–1953 гг. прошли через корейскую войну 17 тысяч австралийских военнослужащих. Из них, по официальным австралийским данным, 339 человек погибли и 1200 человек были ранены. Эти цифры свидетельствуют о довольно скром-

ном участии Австралии в боевых действиях в Корее.

Поэтому неудивительно, что с конца июня 1950 г. и по август 1953 г. “The Canberra Times” дала всего 72 публикации об участии Австралии в корейской войне. Чаще и больше всего газета уделяла внимание внутривнутриполитическим и международным аспектам участия Австралии в корейской войне, а не боевым действиям австралийских военных подразделений.

Реакция австралийских политических партий на начало военных действий в Корее была различной. В политической жизни Австралии к началу 1950-х гг. преобладали Либеральная и Аграрная (Сельская) партии. Лейбористская партия Дж. Чифли находилась в оппозиции после поражения на парламентских выборах в декабре 1949 г. Коммунистическая партия Австралии находилась под угрозой запрета после ареста ее генерального секретаря Л.Л. Шарки в конце 1949 г.

С конца 1949 г. Либеральная и Аграрная партии входили в коалиционное правительство Австралии, возглавляемое лидером либералов Робертом Дж. Мензисом. После начала военных действий в Корее правительство Р. Мензиса тут же последовало примеру Соединенных Штатов Америки и поддержало резолюцию № 82 Совета Безопасности ООН от 27 июня 1950 г. Австралия немедленно предложила свою военную помощь для совместного с другими странами ООН выполнения этой резолюции. Газета “The Canberra Times” уже 4 июля напечатала, что известный (хотя и не всегда правдивый) американский журналист Дрю Пирсон назвал Молотова «руководителем корейской войны в интересах СССР». Кроме того, Пирсон объявил, что якобы Молотов уже «возглавил руководство коммунистическими делами на Дальнем Востоке и уже создал свою штаб-квартиру на острове Сахалин» [3].

Лейбористы задержались с определением своей политики в корейском вопросе. Так, лишь 1 июля лидер австралийских лейбористов Джозеф Б. Чифли объявил, что руководство его партии примет решение о позиции

лейбористов на заседании, назначенном на 5 июля [1]. Среди лидеров лейбористов шла острая борьба: многие называли Советский Союз «подстрекателем, зачинщиком корейской войны», а «так называемые Советы мира – инструментами советской агрессии». Лишь немногие члены руководства этой партии, например, председатель одного регионального отделения Лейбористской партии Дж. Фергюссон, держались противоположного мнения. Они же были против пересмотра резолюции лейбористов об их оппозиции правительственному Биллю о роспуске КПА [7].

Коммунистическая партия Австралии находилась в 1950–1951 гг. в крайне тяжелом положении. С весны 1950 г. правительство Р. Мензиса пыталось запретить КПА законодательным путем через парламент, но на референдуме осенью 1951 г. большинство населения выступило против этого запрета. Несмотря на препятствия, Компартия Австралии провела 3 июля 1950 г. «достаточно большой митинг» коммунистов и членов левых профсоюзов, в резолюции которого резко осудила премьер-министра Мензиса за втягивание страны в корейскую войну. Участники митинга «заклеймили вмешательство США как преступную агрессию». Резолюция, принятая на этом митинге, призвала «к выводу всех иностранных сил вторжения в Корею» и поддержала «политику невмешательства» в корейские дела. Один из руководителей компартии Диксон назвал правящий класс Америки «зачинщиком» событий в Корее, из-за действий которого «мы находимся на грани третьей мировой войны». Он обвинил правительство не только в поддержке «грязной войны» в Корее, но и в том, что Мензис «хочет отдать народ Австралии в залог [США] без каких-либо консультаций с ним, парламентом или своим собственным кабинетом». Назвав решение СБ ООН по Корее «незаконным» по причине «отсутствия единогласия между великими державами», Диксон призвал австралийцев «бороться против этой войны» [2].

В середине июля 1950 г. профсоюзы шахтеров и водников не поддержали призыв

коммунистов выступить против планов правительства в Корею. Тогда же Союз моряков Австралии, находившийся ранее под влиянием КПА, отказался от ранее принятого отказа перевозить военные грузы в корейские порты, а также от осуждения участия Австралии в корейской войне, которую Исполком профсоюза ранее объявил «агрессивной войной» в интересах США [8].

Но уже в сентябре 1950 г. влияние коммунистов резко упало. Когда популярный ранее политик, сторонник компартии, призвал австралийских военнослужащих не участвовать в корейской войне и «оставаться дома, чтобы бороться за улучшение условий» жизни, аудитория реагировала весьма негативно и даже враждебно [12].

Две правительственные партии и Лейбористская партия сначала продемонстрировали два различных подхода в своей реакции на вспышку военных действий в Корею. Правительство сразу же обязалось присоединиться к действиям вооруженных сил США против воинских частей КНДР, желая помочь «отбросить назад грозящую волну коммунистической агрессии». «The Canberra Times» одобряет действия правительства, выражая надежду, что «вмешательство в Корею, если оно окажется успешным, навсегда станет сдерживающим фактором для коммунистического движения в других странах». Премьер-министр Мензис активно пропагандировал необходимость Австралии вместе с другими странами противостоять советской и коммунистической угрозе. «История не забудет, что Корейская война послужила пробуждению свободных народов», которые вместе «должны разделить бремя» борьбы с коммунизмом», говорил он в радиообращении к нации [11]. По мнению газеты, с правительством «несомненно, полностью согласны большинство австралийцев».

А в это время Лейбористская партия «не может даже комментировать» возникшую в Корею ситуацию, а тем более «определить свою позицию в условиях, когда австралийские военнослужащие уже участвуют в активных действиях». Газета упрекает лейбористов,

что они опасаются оппозиции вмешательству в Корею некоторых левых членов партии, которые уже выступали против действий Австралии против коммунистов в Малайе. «The Canberra Times» заявляет, что лейбористская партия «обязана осудить коммунистическую точку зрения и одобрить действия правительства» Мензиса. В качестве примера для подражания приводится незамедлительное одобрение лидером британской оппозиции У. Черчиллем действий правительства К. Эттли, сразу поддержавшего президента США Г. Трумэна [2]. Эта редакционная статья «The Canberra Times» отразила не только преобладание антикоммунистических убеждений в австралийском политическом спектре, но и характерную для эпохи «холодной войны» боязнь распространения коммунистической экспансии на юго-западную часть Тихого океана.

В июле 1950 г. «The Canberra Times» часто информирует читателей о международных и внутривнутриполитических аспектах участия Австралии в начавшейся корейской войне, опубликовав около 20 сообщений и статей, не считая информации о ходе военных действий в Корею и не касающихся Австралии международных событий. Так, 5 июля она пишет об обсуждении планов австралийского участия в корейской войне на заседании Совета Обороны страны, сообщая при этом пособиях для участников войны и их иждивенцев. Тогда же опубликовано краткое сообщение об «одобрении, в принципе, лейбористской партией о передаче правительством Мензиса австралийских войск в распоряжение ООН для использования в Корею» [4]. Вместе с тем Совет Обороны не стал принимать решения о введении – из-за корейской войны – обязательной национальной военной службы, считая, что северокорейское вторжение на юг – это «попытка проверить реакцию США и ООН» и что «в скором времени война будет урегулирована».

В июле 1950 г. позиция лейбористов в корейском вопросе решительно изменяется, и партия выражает принципиальную поддержку «активному участию Австралии в

корейской войне». В частности, лидер парламентской оппозиции Чифли теперь призывает Мензиса твёрдо стоять вместе с ООН и использовать их мощь, чтобы заставить северокорейцев вернуться за 38 параллель и ввести демократическую форму правления для обеих частей Кореи. Резолюция конференции лейбористов штата Новый Южный Уэльс теперь клеймит Советскую Россию как «зачинщика корейской войны», а австралийские Советы Мира называет «инструментами советской агрессии».

Но на этой конференции правым лейбористам не удалось добиться пересмотра отношения партии к законопроекту о роспуске компартии Австралии. Некоторые влиятельные лейбористы указали на необходимость осторожного, взвешенного подхода к участию Австралии в корейской войне. Например, бывший министр иностранных дел Эват заявил, что «третья мировая война легко может возникнуть из корейской войны, если она будет продолжаться неопределенно долго, а интенсивность боёв будет нарастать». Поэтому Эват предлагал, чтобы Австралия «непосредственно участвовала в планировании всех военных действий» в Корее и чтобы «оппозиция и общественность были осведомлены о том, что происходит и что нас ожидает, правительство и министры не придерживали информацию, потому что народ достоин большей информированности и доверия». Он также призвал к «созданию из национальных контингентов на прочной и постоянной основе международных вооруженных сил, предоставленных в распоряжение Совета Безопасности» [4; 5; 7; 9; 10].

Начало войны в Корее было использовано Мензисом для нового призыва к Канаде и другим державам «объединиться в Тихоокеанском Оборонительном Пакте». Это предложение не нашло поддержки ни у Канады и Индии, ни даже у США и Англии, которые считали «преждевременным создание тихоокеанского Пакта» [6]. Как известно, создать такой пакт не удалось, но в 1951 г. Австралия, Новая Зеландия и США образовали блок АН-ЗЮС для совместных действий в ЮВА и юго-

западной части Тихого океана.

Итак, в сентябре 1950 г. в политической жизни Австралии фактически прекратились острые противоречия и дебаты по корейской проблеме, когда и оппозиционная лейбористская партия официально поддержала внешнеполитический курс правящей коалиции по борьбе с коммунистической угрозой в Корее. Основные политические силы Австралии стали верными союзниками США в борьбе против распространения коммунизма, антиамериканизма и национально-освободительного движения. О прекращении политической полемики по корейскому вопросу свидетельствует хронологическое распределение политических материалов. Так, «The Canberra Times» напечатала в 1950 г. 9 статей на эту тему, в 1951 г. – 2 публикации, в 1952 г. – ни одной, и в 1953 г. – 2 публикации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. «The Canberra Times». 1950. 1 July.
2. «The Canberra Times». 1950. 3 July.
3. «The Canberra Times». 1950. 4 July.
4. «The Canberra Times». 1950. 5 July.
5. «The Canberra Times». 1950. 6 July.
6. «The Canberra Times». 1950. 8 July.
7. «The Canberra Times». 1950. 17 July.
8. «The Canberra Times». 1950. 19 July.
9. «The Canberra Times». 1950. 24 July.
10. «The Canberra Times». 1950. 14 August.
11. «The Canberra Times». 1950. 15 August.
12. «The Canberra Times». 1950. 11 September.

Литература:

13. Австралия укрепит оборону на \$70 млрд. [Сайт]. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2009/05/02/637752.html> (дата обращения: 05.12.2011 г.).
14. Ванин Ю.В. Корейская война (1950–1953) и ООН. – М.: ИВ РАН, 2006. – 288 с.
15. Война в Корее 1950–1953 гг.: взгляд через 50 лет. Материалы междунар. теорет. конф. (Москва, 23 июня 2000 г.). – М.: Первое марта, 2001. – 347 с.
16. Война в Корее, 1950–1953. – СПб.: Полигон, 2003. – 923 с.
17. Орлов А.С., Гаврилов В.А. Тайны корейской

- войны. – М.: Вече, 2003. – 400 с.
18. Попов И.М., Лавренев С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. – 554 с.
19. Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. – 312 с.
20. Evans B. Out in the cold: Australia's involvement in the Korean War 1950-53. - Canberra: Australian War Memorial and Dept. of Veterans' Affairs, 2001. – 94 p.
21. Hooker J. Korea, the forgotten war. – Sydney: Time-Life Books, Australia in association with John Ferguson, 1989. – 168 p.
22. Lewis St. Korea: the undeclared war. – Linden Park, S. Aust. Royal Australian Regiment Association (SA Branch) Inc, 2008. – 172 p.
23. McCormack, G. Cold war, hot war: An Australian perspective on the Korean war. – Sydney: Hale & Iremonger, Cop. 1983. – 191 p.
24. National Library of Australia. [Сайт]. URL: <http://catalogue.nla.gov.au/Search/Home?lookfor=korean+war+and+australia&type=subject&limits=format%3ABook&submit=Find&page=3> (дата обращения: 10.11.2011 г.).
25. O'Neill R. J. Australia in the Korean War 1950-53. Vol. 1. Strategy and diplomacy. – Canberra: Australian War Memorial and the Australian Government Publishing Service, 1981. XXI. – 548 p.
26. O'Neill R.J. Australia in the Korean War 1950-53. Volume 2, Combat operations. – Canberra: Australian War Memorial and the Australian Govt. Pub. Service, 1985. XXIII. 782 p.
27. Sandler St. Select Bibliography of the Korean War// OAH Magazine of History. Vol. 14. No. 3. The Korean War (Spring, 2000). Pp. 6-9.

УДК 355:327 (1-622 НАТО)

Трофимов В.А.

Московский государственный областной университет

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА

V. Trofimov

Moscow State Regional University

THE EVOLUTION OF THE NORTH ATLANTIC TREATY ORGANIZATION'S STRATEGIC CONCEPTION

Аннотация. Статья посвящена характеристике стратегических концепций Организации Североатлантического договора с момента его создания до 2010 г. Основное внимание уделено анализу концепций 1999 и 2010 гг. Показан их экспансионистский характер, который противоречит основным статьям Вашингтонского договора о создании НАТО 1949 г. Содержащийся в статье анализ опирается на тексты документов.

Ключевые слова: НАТО, стратегическая концепция, статьи 5 и 6 договора, экспансионистский характер, НАТО и Россия.

Abstract. The article is devoted to the strategic conceptions of the North Atlantic Treaty Organization since it came into being till 2010. The article mainly presents the analysis of the concepts of 1999 and 2010. The author points out those concepts' expansionary character and states that it contradicts the fundamental articles of the Washington Treaty, establishing NATO 1949. The analysis given in the article is based on the texts of the documents.

Key words: NATO, the strategic concept, Articles 5 and 6 of the Treaty, expansionary character, NATO and Russia.

Созданная 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне Организация Североатлантического договора (НАТО) явилась одним из важнейших инструментов «холодной войны». Внешне документ, подписанный двенадцатью странами Западной Европы и Северной Америки, производит довольно благостное впечатление. В нем заявлено, что он направлен на решение международных споров мирными средствами, чтобы не подвергать угрозе мир, безопасность и справедливость. Провозглашены и другие благородные принципы, соответствующие целям ООН. Центральными статьями договора являлись две: пятая и шестая. В статье 5 говорилось о том, что в случае вооруженного нападения на одну или несколько стран-членов договора другие страны НАТО примут меры, направленные на оказание помощи жертвам. Об этих мерах будет сразу сообщено Совету Безопасности ООН, и они будут прекращены после соответствующих действий СБ. Статья 6 территориально ограничивала зону действий блока странами-членами НАТО [3, с. 82].

Фактически же эта организация явилась инструментом осуществления гегемонистских устремлений США первоначально в рамках созданного военно-политического блока, который постепенно расширялся. Вся военная структура и деятельность НАТО были направлены против СССР и его союзников, на подрыв социально-экономической и политической системы этих стран путем развертывания гонки вооружений, военного и политического давления, а также нажима на коммунистические и другие левые силы в странах Европы и Америки.

С самого начала НАТО разрабатывала стратегические концепции борьбы с агрессором, прикрываемые, как правило, мнимо оборонительными названиями. В апреле 1950 г. говорилось о «крупномасштабных операциях территориальной обороны», в середине 50-х гг. была

разработана стратегия «массированного ответного удара», предполагающая использование «всех имеющихся средств, включая и ядерное оружие»; во второй половине 60-х гг. утвердилась стратегия «гибкого реагирования», основанная на достижении преимуществ, связанных с гибкостью и созданием неопределенности у противника «относительно ответных мер» НАТО. Авторы официального издания блока «Путеводитель по материалам саммита НАТО в Вашингтоне 23-25 апреля 1999 г.» признают, что документы с изложением указанных стратегий «были засекречены и содержали директивы для правительств отдельных стран и ориентиры для составления военных планов» [2, с. 65-66].

Казалось, после развала СССР и самороспуска Организации Варшавского Договора военно-политический блок НАТО прекратит существование. Однако этого не случилось, он стал активно действовать с целью распространения сферы своего влияния. В ноябре 1991 г. НАТО принимает стратегическую концепцию, направленную на втягивание в сферу влияния блока прежних членов ОВД и бывших республик СССР. Создаются Совет Североатлантического (позднее Евратлантического) сотрудничества, система «Партнерство во имя мира» и развертывается подготовка к принятию в члены НАТО прежних членов ОВД, других стран юго-восточной Европы и прибалтийских республик СССР.

В апреле 1999 г. вошедшие во вкус правители США и их западные коллеги по НАТО приняли беспрецедентное в истории международных отношений решение – утвердили откровенно экспансионистскую стратегическую концепцию Североатлантического союза. Произошло это на юбилейной сессии, отмечавшей 50-летие организации. Было принято несколько документов, в которых сформулирована в числе прочего эта новая стратегия. В потоке слов об обороне, мире, безопасности, звучавших под аккомпанемент бомбардировок СРЮ, стремились утопить главное. А оно состоит в следующем. Во-первых, в Коммюнике саммита провозглашается решимость блока наращивать силы «с боль-

шой способностью к развертыванию, ведению *длительных действий, эффективных боевых действий*» [2, с. 15, 17] (здесь и далее выделено мною – В.Т.).

Во-вторых, и это главное, провозглашено намерение НАТО осуществлять будущие военные операции Североатлантического союза, включая операции кризисного реагирования «вне статьи 5» Вашингтонского договора 1949 г. Формула «вне статьи 5» повторена в этом документе не менее десяти раз. Что же скрывается за этой безобидной формулой? Намерение действовать с использованием вооруженных сил не только в случае агрессии против одного из членов блока и в «районе северной части Атлантического океана» (именно это предусмотрено статьей 5 договора 1949 г.), но и там, где сочтет необходимым руководство НАТО. Причем и в мирное время планируется «размещение и развертывание сил *за пределами своей территории и территориальных вод и передовое базирование сил по мере необходимости*» [2, с. 58]. Поводы для подобных действий многочисленны: не только угроза безопасности государств-членов блока, но и террористические акты, саботаж, организованная преступность, нарушение притока жизненно важных ресурсов, бесконтрольное перемещение значительных масс населения, возникновение и нарастание конфликтов по любой причине (этнической, религиозной, территориальной, при нарушении прав человека, при распаде государств, при малоэффективных или неудавшихся попытках реформ). В том числе, если «они (конфликты – В.Т.) могут также отрицательно сказаться на безопасности других государств, не являющихся членами НАТО» [2, с. 47-53, 63].

В-третьих, «для обеспечения надежного сдерживания и *широкого спектра вариантов реагирования*» могут использоваться все средства: как обычные вооруженные силы, так и ядерное оружие. Ведь «ядерное оружие обладает уникальным свойством превращать агрессию против Североатлантического союза в неприемлемый риск с непредсказуемыми последствиями. Поэтому ядерное оружие

продолжает оставаться необходимым инструментом сохранения мира» [2, с. 57].

В-четвертых, стратегическая концепция позволяла «обеспечивать на разовой основе (сколько таких «разовых основ» будет? – В.Т.) и в соответствии с *собственными процедурами* проведение миротворческих и иных операций по эгидой Совета безопасности ООН или под ответственность ОБСЕ...» [2, с. 53]. Но ведь этот постулат противоречит Уставу ООН, который разрешает осуществление санкций, в том числе военных, только против агрессии и *исключительно* с разрешения СБ ООН.

Еще одно наблюдение, представляющее интерес для граждан России. В качестве аргумента в пользу наращивания военно-технической мощи НАТО приводится следующее: «Присутствие мощных ядерных сил за пределами Североатлантического союза также представляет собой серьезный фактор, который следует принимать во внимание с тем чтобы сохранить безопасность и стабильность в Евroatлантическом регионе» [2, с. 51]. У кого же еще в Европе и в Евroatлантическом регионе имеются «мощные ядерные силы» за пределами НАТО? Только у России. Следовательно, наращивание военной мощи, включая ядерное оружие, было направлено против России.

Таким образом, стратегическая концепция НАТО 1999 г. была выражением глобалистских притязаний этой организации, в которой тон задают правящие круги США. Эти притязания отражают стремление к военно-политическому господству в Европе и за ее пределами.

Эта стратегическая концепция принималась и осуществлялась в ходе агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии. Страны блока поддерживали вторжение войск США в Ирак, альянс безуспешно «умиротворяет» Афганистан, осуществил операцию в Ливии.

В конце ноября 2010 г. главы государств и правительств стран НАТО утвердили стратегическую концепцию, скромно названную «Стратегическая концепция обороны и обес-

печения безопасности членов организации Североатлантического договора» [5].

Принятию и обнародованию этого документа предшествовала многомесячная деятельность экспертной группы во главе с М. Олбрайт. В состав группы входили полномочные представители десяти стран-членов НАТО, большинство в ранге послов. Группа привлекла к работе десятки гражданских и военных советников, провела 19 заседаний и представила руководству блока весьма объемный документ, озаглавленный «НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие» [1]. При всей важности этого документа, отражающего взгляды политической и военной элиты альянса, *официальным* является утвержденный 20-21 ноября текст Стратегической концепции.

При сравнении заголовков документов, формулирующих стратегию НАТО в 1999 и 2010 гг., может создаться впечатление, что документ 2010 г. по содержанию своему будет касаться исключительно обороны и безопасности членов НАТО, не давая их слишком расширительной, глобальной трактовки, как это было в документе 1999 г. В действительности стратегическая концепция 2010 г. не только не сужает проблему, но и придает ей поистине всемирный характер. Утверждается: «В нынешних условиях сфера безопасности охватывает *широкий и меняющийся* (здесь и далее курсив мой – В.Т.) спектр вызовов безопасности территории и населения стран НАТО» (п. 4). При этом называются «три ключевые задачи», которые решает и будет решать в дальнейшем этот военно-политический блок: «коллективная оборона», «кризисное регулирование», «безопасность на основе сотрудничества» (п. 4 а,б,с).

Обращает на себя внимание, что коллективная оборона предполагает не только «сдерживание и защиту от любой угрозы агрессии», но также от «*новых вызовов в сфере безопасности*». Объем таких вызовов чрезвычайно широк. В их числе «распространение баллистических ракет», «распространение ядерного оружия и других видов оружия

массового уничтожения, а также средств их доставки», «терроризм», «кибератаки», уязвимость энергоснабжения, «разработки лазерного оружия, методы радиоэлектронной борьбы и технологий...», которые окажут влияние на военное планирование и операции НАТО» (п. 7–14).

Кризисное урегулирование означает, что «НАТО будет активно использовать сочетание ... политических и военных средств, чтобы помочь регулировать возникающие кризисы, которые могут *потенциально* затрагивать безопасность Североатлантического союза, еще *до того*, как они перерастут в конфликты» (п. 4 b).

При рассмотрении третьей из вышеупомянутых задач подчеркивается, что НАТО «подвергается воздействию политических событий и событий в сфере безопасности *за пределами его границ*», поэтому блок также «может сам воздействовать на эти события» (п. 4 c).

Каковы же основные средства, с помощью которых НАТО планирует решать поставленные задачи? Ответ таков: «адекватное сочетание ядерных и обычных боевых средств остается ключевым элементом нашей принципиальной стратегии» (п. 17). А «высшая гарантия безопасности стран-членов НАТО обеспечивается стратегическими ядерными силами Североатлантического союза» (п. 18) при сочетании политических, гражданских и военных элементов» (п. 21).

В связи с приведенными положениями документа уже складывается впечатление, что он повторяет установку Концепции 1999 г. и что круг проблем, которые собирается решать НАТО сегодня, далеко выходит за пределы статьи 5 Вашингтонского договора 1949 г. Впрочем, положения новой стратегии НАТО противоречат и статье 6 Вашингтонского договора, где говорится о территориях стран-членов НАТО.

В документе 2010 г. одиозная формула-маска «вне статьи 5» не воспроизводится. Но «меняющийся спектр вызовов безопасности», «кризисы, которые могут *потенциально* затронуть безопасность Североатлантического

союза», события «за пределами его (НАТО) границ» с соответствующей расшифровкой «вызовов» и «событий» не оставляют сомнений в глобальности притязаний НАТО. Впрочем, в пункте 20 «Стратегической концепции» 2010 г. прямо говорится: «Кризисы и конфликты за пределами границ НАТО могут представлять прямую угрозу безопасности территории и населения Североатлантического союза. Поэтому НАТО будет действовать там, где это возможно и необходимо...» А в пункте 19 заявлено, что НАТО будет осуществлять «адекватное сочетание ядерных и обычных сил; поддерживать способность обеспечивать параллельные *крупные* объединенные операции и несколько операций меньшего масштаба по коллективной обороне и кризисному реагированию, в том числе *на стратегическом расстоянии*». Здесь же говорится об «экспедиционных операциях»; о возможности «обеспечивать мощные воинские силы в зоне боевых действий», «регулировать происходящие боевые действия» (п. 23).

Все это свидетельствует о весьма амбициозных притязаниях НАТО в современных условиях, хотя и прикрывается благостными рассуждениями об обороне и безопасности стран-членов блока и их населения. Документ с гордостью провозглашает: «Операции под руководством НАТО продемонстрировали незаменимый вклад, который может внести Североатлантический союз в международные усилия по регулированию конфликтов» (п. 23). При этом в качестве примеров «эффективного кризисного регулирования» приводятся «уроки операций НАТО, в особенности в Афганистане и на Западных Балканах» (п. 21).

Об эффективности кризисного урегулирования в Афганистане вряд ли можно говорить всерьез. Там войска НАТО и их союзников в течение 10 лет «умиротворяют» и внедряют свои идеалы и ценности с помощью широкого арсенала методов и средств, включая действия мощных вооруженных сил, достигших в 2010 г. более 150 тысяч. В процессе этого «урегулирования» погибли тысячи человек, вклю-

чая мирное афганское население и натовских военных. Провозглашена дата окончания активных действий НАТО – 2014 г., но и после этого на территории Афганистана планируют оставить иностранные военные базы и часть войск.

Говоря же о Западных Балканах, не следует забывать, что началось это «эффективное» кризисное урегулирование с варварских бомбардировок войсками НАТО территории Союзной Республики Югославии (именно Сербии). В связи с этим событием возникает несколько констатаций.

Первая. Вооруженные силы НАТО осуществляли эти бомбардировки в течение двух с половиной месяцев без санкции Совета Безопасности ООН (упомянутом вскользь, для отвода глаз, в начале натовского документа), который в соответствии с Уставом ООН несет «главную ответственность за поддержание мира и безопасности» (Гл. 5, ст. 24)[6], а также «определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии» (Гл. 7, ст. 39)[6] и решает вопрос о необходимых мерах-санкциях» (Гл. 7, ст. 41-42)[6]. Обратилось же руководство НАТО в СБ ООН лишь после завершения агрессии против СРЮ.

Вторая. Это так называемое «эффективное урегулирование» привело к грубому нарушению территориальной целостности, нерушимости границ и суверенитета СРЮ (Сербии). А ведь это противоречит принципам, зафиксированным Заключительным актом Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это событие имело и другие отрицательные последствия, связанные с Косово.

Третья. Она связана с неясностью вопроса о том, кто же в соответствии с новой стратегией будет определять средства решения «трех ключевых задач», особенно с применением вооруженной силы «за пределами границ» НАТО, в «экспедиционных операциях», «на стратегическом расстоянии». Содержащийся в п. 31 тезис о «сотрудничестве между НАТО и ООН», а также о намерении углубить «политический диалог и практичес-

кое сотрудничество с ООН» звучат слишком общо и неопределенно. В этом месте требовалась четкая и недвусмысленная констатация приоритетного и исключительного права Совета безопасности ООН на вышеупомянутые действия.

Особый интерес у граждан Российской Федерации вызывают положения Стратегической концепции 2010 г., относящиеся к России.

В «Стратегической концепции» 1999 г. содержалось довольно общее положение о важности сотрудничества НАТО с Россией в обеспечении евратлантической безопасности на основе основополагающего акта 1997 г. (часть положений которого руководство НАТО нарушила, начав бомбардировки СРЮ).

В документе 2010 г. отношениям НАТО с Россией уделено гораздо большее внимание. При этом выдвигается ряд конкретных предложений. Еще более обстоятельно рассматривалась эта проблема в ходе работы группы экспертов во главе с М. Олбрайт, что нашло отражение в упоминавшемся выше итоговом документе («Анализ и рекомендации...»).

В официальном документе (Стратегической концепции) утверждается: «Сотрудничество НАТО и России имеет стратегическое значение, поскольку оно содействует созданию единого пространства мира, стабильности и безопасности. НАТО не представляет угрозы для России. Наоборот, мы хотим видеть подлинно стратегическое партнерство между НАТО и Россией, и мы будем действовать соответственно, ожидая от России взаимности» (п. 33). Подчеркивается, что взаимоотношения НАТО и России основываются на таких принципах и обязательствах, как уважение демократических принципов и суверенитета, независимости и территориальной целостности всех государств евратлантического региона» (п. 34).

Характерно, что авторы «случайно» забыли упомянуть о «равноправном партнерстве», «отказе от применения силы или угрозы силой друг против друга или против любого другого государства» – принципах, зафиксиро-

рованных в «Основополагающем Акте» 1997 г.

Далее в документе указано, что НАТО, «несмотря на расхождения по отдельным вопросам», хочет расширять политические консультации и практическое сотрудничество с Россией в ряде сфер «общих интересов, включая противоракетную оборону» (п. 34), которой документ уделяет особое внимание (п. 19). А в рекомендациях группы экспертов утверждается, что «американские комплексы, которые предстоит развернуть, будут намного более эффективным средством обороны от баллистических ракет, угрожающих Европе со стороны Персидского залива, чем ранее планировавшиеся комплексы. Они не направлены против России и не представляют угрозы для российской системы ядерного сдерживания»[1].

При знакомстве с этим утверждением сразу возникают две неясности. Во-первых, в зоне Персидского залива (а имеется в виду Иран, преодоление угрозы со стороны которого якобы стало «для НАТО основной военной задачей») нет баллистических ракет, способных угрожать Европе. Во-вторых, нет гарантий, что новые американские комплексы не направлены против России и не представляют угрозы для российской системы ядерного сдерживания. Тем более, что документ Олбрайт предлагает договориться (внутри НАТО или в СРН?) о «расширении активной эшелонированной системы ПРО на ТВД» (неясно при этом, о каком именно театре военных действий идет речь).

Значительное внимание уделяет «Стратегическая концепция» 2010 г. проблеме ядерного оружия (п. 26). Можно только приветствовать заявление о решимости НАТО создать условия, которые «позволят освободить мир от ядерного оружия». Но пока что в качестве первоочередной ставится задача «заручиться согласием России на увеличение прозрачности в отношении ее ядерного оружия в Европе и на перемещение этого оружия далее от территории стран-членов НАТО» (п. 26). Здесь отчетливо видно, что стратеги НАТО, руководители стран-членов стремятся добиться

для себя выгоды, продолжая политику создания новых военных баз ближе к территории России в странах Центральной Европы (Польша, Чехия), не говоря уже о созданных базах в Румынии и Болгарии.

Беспокойство граждан России тем более обоснованно, что аналитический документ группы Олбрайт призывает руководство НАТО «принимать меры предосторожности на тот случай, если Россия выберет более враждебное направление». Но такое «направление» возможно, на наш взгляд, только в том случае, если НАТО будет добиваться от России мер, ущемляющих российские национальные интересы.

Пока же руководство России шло на активное сотрудничество с НАТО, полагаясь на лояльность и миролюбивые заверения руководства этой организации. Свидетельством этого является «Совместное заявление Совета Россия – НАТО» (СРН), принятое на заседании Совета на уровне глав государств и правительств 20 ноября 2010 г. в Лиссабоне с участием президента России Д.А. Медведева [4].

В документе констатировано, что государства – члены СРН:

1. будут работать в качестве 29 равных партнеров, начав «новый этап сотрудничества, ведущий к подлинному стратегическому партнерству» на основе принципов международного права;

2. договорились обсуждать продолжение сотрудничества в области ПРО, а также определили конкретные мероприятия практического сотрудничества в области ПРО-ТВД, поручили разработать «совместный анализ будущих рамочных условий сотрудничества в области противоракетной обороны», ход работы над которым будет рассмотрен на встрече министров обороны стран-членов СРН в июне 2011 г. (по данным на начало 2012 г. позитивного результата не достигнуто);

3. подчеркнули важность международных усилий в поддержку правительства Афганистана, в связи с чем договорились о дальнейшем облегчении «железнодорожного транзита нелетальных грузов МССБ через

российскую территорию», а для более эффективного использования вертолетного парка (вертолеты поставляются в первую очередь Россией) ВВС Афганистана «дали поручение о создании в 2011 г. целевого фонда для обеспечения технического обслуживания вертолетов».

Создается впечатление, что основная причина возросшего внимания альянса к сотрудничеству с Россией состоит во-первых, именно в том, что НАТО, увязнув в так называемом миротворчестве в Афганистане, стремится глубже втянуть в афганские дела Россию, а во-вторых навязать свои планы ПРО.

Как бы то ни было, НАТО – это военно-политическая реальность в современном мире. Поэтому поддержание нормальных отношений с этой организацией неизбежно. Важно только, чтобы российское руководство при этом твердо стояло на почве защиты и утверждения национальных интересов Российской Федерации. А если идти на компромисс, то только по принципу *do ut des*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие. Анализ и рекомендации группы экспертов по новой стратегической концепции НАТО [электронный ресурс] // URL: http://www.nato.int/csp/ru/natolive/official_texts_63654.htm (дата обращения 01.01.2011).
2. Путеводитель по материалам саммита НАТО в Вашингтоне 23-25 апреля 1999. NATO Office of Information and Press. – Brussels.
3. Системная история международных отношений. 1918–2033: В 4-х тт. – Т. 4. Документы. – М., 2004.
4. Совместное заявление Совета Россия – НАТО. Заседание Совета Россия – НАТО на уровне глав государств и правительств в Лиссабоне 20 ноября 2010 [электронный ресурс] // URL: <http://www.natomission.ru/cooperation/document/21> (дата обращения 28.05.2011).
5. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов организации Североатлантического договора [электронный ресурс] // URL: http://www.nato.int/csp/ru/natolive/official_texts_68580.htm (дата обращения 01.01.2011).
6. Устав Организации Объединенных наций и Статут Международного суда. Б.м., б.г.

УДК 327(091)“20”

Бирюков А.М.

*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт (г. Коломна)*

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ВОЕННОГО ФАКТОРА
В БОРЬБЕ США И СССР ЗА КОНТРОЛЬ НАД НЕФТЬЮ
СРЕДНЕГО ВОСТОКА (1940-е – 1980-е гг.)**

A. Biryukov

Moscow State Regional Social-humanitarian Institute, Kolomna

**TO THE QUESTION OF THE ROLE OF THE MILITARY FACTOR
IN THE US-USSR STRUGGLE FOR CONTROLLING
THE MIDDLE EAST OIL SOURCES**

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме воздействия военного фактора на мировую торговлю нефтью на примере ситуации в регионе Среднего Востока во второй половине XX в. Выявляется специфика участия в этом процессе как США, так и СССР, а также позиция стран Персидского залива (Саудовская Аравия, Иран, Ирак). Рассмотрены три уровня поставленной проблемы – глобальное противоборство США и СССР, военно-политическая поддержка ими своих союзников, роль торговли оружием. Особый упор сделан на рассмотрение торговли оружием как способа комплексного воздействия на ситуацию в регионе Среднего Востока.

Ключевые слова: США, СССР, Иран, Саудовская Аравия, страны Персидского залива, военный фактор, торговля оружием.

Abstract. The article covers the problem of the influence of the military factor on the world oil trade. The situation in the Middle East region in second half of XX century is chosen as an example. The author investigates the peculiarities of the USA-USSR's participation in this process. The participation of the Gulf States (Saudi Arabia, Iran, and Iraq) is also considered. The article describes three levels of the problem: the USA – USSR global antagonisms; their allies' military and political support; and the role of the arms traffic. The main attention is given to the arms traffic factor as a main factor having influenced on the situation in the Middle East.

Key words: the USA, the USSR, Iran, Saudi Arabia, the Gulf States, the military factor, arms traffic.

Во второй половине XX в. основным содержанием мировой политики было противостояние двух сверхдержав – США и СССР, причём не было страны, региона мира или сферы международных отношений, которые не оказывались бы так или иначе втянуты в течение «холодной войны». Политические, военные, экономические и иные факторы переплетались воедино, и подчас становилось невозможно отделить одно от другого. Примером такого рода переплетения можно считать противостояние США и СССР в борьбе за контроль над мировой нефтью.

Особое место в данном противостоянии играл военный фактор (как элемент мировой политики), в рамках которого, как представляется, следует выделить три основных составляющих: а) использование рынка углеводородов в качестве политического орудия в борьбе сверхдержав, б) военно-политическая поддержка своих союзников, в) торговля оружием. Обе сверхдержавы активно доказывали своё право воздействовать на нефтяную проблему сходными методами (например, силовой поддержкой своих стратегических партнёров или продажей оружия реальным или потенциальным союзникам), но применявшимися в различных условиях. Наиболее ярко связь поставок нефти и продажи оружия, масштаба нефтеторговли

и судебных политических режимов в богатых нефтью странах проявилась в регионе Персидского залива, причём сразу после окончания Второй мировой войны.

На протяжении всего рассматриваемого периода США и СССР активно действовали на Среднем Востоке, стараясь достичь свои целей и сорвать планы противника. США, как страна с экономикой нефtezависимого типа, нуждались в обеспечении стабильности поставок нефти путём усиления политических и военных связей со странами Персидского залива, принятием особых мер по обеспечению удержания власти (или прихода к ней) дружественными Вашингтону политическими силами, и продажей оружия.

СССР, как страна нефтепроизводящая, не имел прямого нефтяного интереса в странах региона, но предполагал использовать их углеводородные экспортные запасы для того, чтобы иметь возможность воздействовать и на США, и на мировую экономику. Например, внезапное сокращение добычи нефти могло в очередной раз привести к вспышке мирового топливно-энергетического кризиса (как это было в первой половине 1970-х гг.), что привело бы к росту мировых цен на нефть. Это вынудило бы экономику США пойти на чрезвычайные затраты и одновременно насытило бы экономику СССР нефтедолларами (за счёт поступлений от продажи советской нефти в странах Западной Европы).

Интересно отметить, что инициатива использовать нефть как оружие, способное сотрясти экономики могущественных держав, принадлежала королю Саудовской Аравии Фейсалу – поддерживая основных противников Израиля на Ближнем Востоке (Египет и Сирию), Фейсал нанёс удар по далёким союзникам Тель-Авива, введя эмбарго на продажу западным странам [11, с. 104]. Выводы из этого прецедента сделали и Вашингтон, и Москва, причём есть точка зрения, что американские политики нашли способ применить данный эффект в ином направлении – так, американский исследователь Петер Швейцер в своём исследовании «Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде

Советского Союза и социалистического лагеря» [14] утверждает, что именно применением «нефтяного оружия» США (и та же Саудовская Аравия) смогли в 1985 г. спровоцировать падение мировых цен на нефть, чтобы лишить СССР стабильного притока нефтедолларов и вызвать крах советской экономики. Утверждения Швейцера, конечно, являются достаточно спорными, но сам факт появления подобных теорий есть показатель большого интереса исследователей к возможностям тех или иных стран экономическими методами эффективно воздействовать на весь мир и добиваться больших политических результатов.

Вторым рычагом борьбы за контроль над нефтью Среднего Востока была поддержка дружественных режимов или политических сил в странах региона. Классическим примером применения «военно-политического оружия» стали многие страницы истории Ирана.

Стремление СССР сохранить в 1945-1946 гг. своё военное присутствие в Северном Иране стало одной из первых острых международных проблем в отношениях между вчерашними союзниками. В Вашингтоне не верили заявлениям Москвы о том, что советские войска остаются лишь для защиты Ирана от возможной турецкой агрессии, и, видя в присутствии СССР в Иране угрозу своим нефтяным интересам, в свою очередь угрожали СССР применением атомной бомбы. Через 7 лет США уже самостоятельно решили судьбу Ирана, обеспечив действиями ЦРУ возвращение к власти свергнутого шаха (1953 г., операция «Аякс»). Советский исследователь комментировал: «Государственный переворот в Тегеране, организованный ЦРУ, принес нефтяным монополиям США огромные политические и экономические выгоды. США получили возможность влиять на выработку внутреннего и внешнего политического курса Ирана с учётом американских стратегических интересов в этом регионе мира» [13, с. 40].

Москва, в свою очередь, начала предпринимать меры, направленные на ослабление

американского присутствия на Среднем Востоке вообще и в Иране в частности путём поддержки противников шахского режима, ставшего главным союзником США в регионе. В сознании иранцев, недовольных жёстким режимом шаха, именно США несли ответственность как за массовые репрессии, так и за вызывавшие недовольство социально-экономические реформы. Социальная напряжённость в стране росла, однако ни администрация США, ни ЦРУ этого не заметили – как выяснилось, развитие революционной ситуации в Иране не рассматривалось даже как вариант [3, с. 97-98]. В СССР же к ситуации в этой стране отнеслись противоположным образом – Первое главное управление (внешняя разведка) КГБ провело анализ открытых и секретных источников о положении в этой стране, и в результате «в августе-сентябре 1978 г. ПГУ пришло к выводу, что дни монархии в Иране сочтены. Прогноз подтвердился, произошла исламская революция» [15, с. 100]. СССР в Иране поддерживал деятельность Народной партии (Туде), зарекомендовавшую себя с патриотических позиций ещё в период «борьбы за национализацию нефтяной промышленности» начала 1950-х гг. Есть основания считать, что Москва прорабатывала варианты ввода войск в охваченный революцией Иран [15, с. 127] или по приглашению верхушки Туде, или по инициативе СССР для защиты «братского народа» иранского Азербайджана от угрозы гражданской войны (интересно отметить, что о подобных планах Москвы ещё рубежа 1950-1960-х гг. сообщал на Запад информатор ЦРУ, полковник ГРУ О. Пеньковский) [16, кн. 2, с. 13-14].

Подобные процессы протекали и в других странах как Среднего, так и Ближнего Востока. Не менее ожесточённо, чем в случае с Ираном, шла борьба между СССР и США за контроль над Египтом; не случайным стал раскол на два государства территории Йемена; советские интересы прослеживаются и в истории создания такого – казалось бы – традиционного союзника США в регионе, как Израиль. Одной из малоизвестных стра-

ниц военного противостояния США и СССР в регионе стала ситуация в Ливане в конце 1950-х гг.

Маршрут танкеров с сырой нефтью шёл через Суэцкий канал и восточное Средиземноморье, где с послевоенных лет возникло советское военно-политическое присутствие. Противостояние сверхдержав проявилось здесь летом 1958 г., когда ввод американских войск в Ливан (операция «Голубая летучая мышь», 15 июля – 20 октября 1958 г.) [2, с. 34] с целью оказать давление на события в Ираке (приход к власти левых республиканцев) вызвал остро негативную реакцию Москвы. По некоторым данным, было решено готовиться к силовому развитию событий – войска Закавказского военного округа под командованием К.К. Рокоссовского должны были нанести удар по Турции (член НАТО) [16, кн. 1, с. 209]. США предполагали оказать давление как на иракских революционеров, так и на правительство Насера в Египте, однако СССР смог комплексом военных и политических действий поддержать своих союзников. США в свою очередь усилили свои позиции в Саудовской Аравии, традиционном и стабильном лидере стран Персидского залива; ещё в 1945 г. король Абд аль-Азиз во время встречи с Рузвельтом выступил выразителем интересов исламского мира при решении назревшего палестинского вопроса [11, с. 174].

Таким образом, и США, и СССР в рассматриваемый период мерами военно-политического характера активно воздействовали на общую ситуацию в странах как Персидского залива, так и всего региона Ближнего и Среднего Востока, причём главным содержанием этих действий было стремление каждого из соперников усилиться в вопросе контроля за нефтью Залива (и путями её транспортировки), которая приобрела во второй половине XX в. общемировой экономический и политический характер.

Третьей составляющей военного фактора в рамках борьбы за контроль над «большой нефтью» Среднего Востока была торговля оружием. И США, и СССР старались активно присутствовать на оружейных рынках реги-

она, причём в данном вопросе можно выделить целый ряд факторов.

Во-первых, торговля оружием имела прямой политический смысл – обеспечивая средствами обороны своего явного или потенциального союзника, каждая из сверхдержав в итоге обеспечивала защиту своих собственных интересов. Союзник становился своего рода «передовым рубежом» в постоянном противостоянии мировых лидеров. Каждая из сторон (одна – покупкой, а другая – продажей оружия) подчёркивала наличие особых связей между ними, причём в случае изменения политического режима в стране-потребителе могла произойти кардинальная переориентация на нового поставщика вооружений (так произошло в начале 1970-х гг. с Египтом, перешедшим из советского в американский лагерь). В период «холодной войны» вопрос о том, где закупается оружие тем или иным государством региона Ближнего и Среднего Востока, мог быть надёжным индикатором его внутри- и внешнеполитического курса. Впрочем, с начала 1990-х гг. страны региона Залива стараются активно проводить диверсификацию рынка вооружений – на ежегодных международных выставках вооружений (IDEX) [8; 10] в столице ОАЭ Абу-Даби устойчивым спросом пользуется оружие российского производства – та же Саудовская Аравия закупала его (в 1992-1998 гг., в среднем) на \$10 млрд. [9, с. 508]; конкурентами США также выступают Великобритания, Франция и – особенно в последние годы – Китай [1].

Во-вторых, торговля оружием играет важную роль в деле исправления перекоса во внешнеторговом балансе, вызванном большими расходами при покупке нефти, что было особенно важно для США. Это своеобразная форма возвращения долларовых активов стран Персидского залива в экономику США, причем в форме «реинвестирования» в стратегически важные и наукоёмкие отрасли. В первую очередь и наиболее эффективно этим пользовались (и пользуются) власти Саудовской Аравии, охотно закупающие с 1970-х гг. американское оружие на значительные сум-

мы – но обязательно на своих условиях. Король Фейсал запретил использование услуг посредников [11, с. 84], обязав военно-технических специалистов королевства работать напрямую с американскими фирмами-поставщиками. Это позволяло и более глубоко знакомиться с высокотехнологичными образцами, и добиваться значительных скидок. Официальный Вашингтон не возражал против такого «близкого знакомства», и результатом этого стала постепенная интеграция созданной при американской помощи системы противовоздушной обороны королевства в единое целое с ПВО США. Ключевым элементом в этом процессе стала продажа американской администрацией Саудовской Аравии 5-ти самолётов дальнего радиолокационного обнаружения (АВАКС), что было особенно актуально в период шедшей в регионе ирано-иракской войны. Интересно, что посредником в этой сделке был американский полковник Оливер Норт [12, с. 19], который затем применил свои навыки в подготовке скандальной операции «Иран-контрас», едва не стоившей президентского кресла Рональду Рейгану.

В-третьих, устойчивые поставки оружия формировали зависимость армии страны-потребителя от военно-технических стандартов страны-производителя. Постепенно возникали длительные и устойчивые потребности в обслуживании, ремонте и модернизации вооружений, справиться с которыми местные специалисты могли только частично. Упомянутая выше система ПВО Саудовской Аравии строилась на технологических стандартах США, и потому не удивительно, что она в значительной степени остаётся под американским контролем. А вот многолетние дружеские отношения Ирака и СССР определялись активной закупкой Саддамом Хусейном именно советских вооружений (особенно в период войны с Ираком). Значительная часть объёма торговли между стратегическими союзниками, оценивавшейся в \$8 млрд., приходилась на поставки вооружений – от стрелкового оружия до ракетных комплексов «земля-земля» Р-17 («Скад»). На СССР приходилось не меньше половины всех закупок

вооружения Республики Ирак [6]. Интересно отметить, что советские поставки предполагали учёт специфики местных условий – и тяжелый климат, и условия эксплуатации, и невысокий уровень технической подготовленности персонала. Отсутствие жесткой централизации (её долго добивался для своей ПВО Эр-Рияд) и самостоятельность действий иракских зенитчиков позволили им даже во многом устаревшими средствами добиться заметных успехов в начальный период «Бури в пустыне». Американское оборудование, и ныне стоящее на вооружении Саудовской Аравии, высокоэффективно в мирное время, но при этом уязвимо в случае массированного удара. Страны региона Залива, даже традиционно придерживавшиеся проамериканской ориентации, в силу этих обстоятельств подчас охотно закупали вооружения в СССР – так, Кувейт только в 1977-1978 гг. заплатил за советское оружие \$400 млн. [6] при том, что это государство – один из главных поставщиков нефти на американский рынок, и зависимость США от поставок нефти оттуда была подтверждена в ходе Первой войны в Заливе (она официально велась ради освобождения Кувейта, оккупированного Ираком).

В целом можно сказать, что зависимость армии того или иного государства от поставок вооружения извне обеспечивала высокую степень сотрудничества с государством-производителем, что, впрочем, постепенно порождало и зависимость обратного типа. В этом мировая торговля оружием во многом сходна с мировой торговлей нефтью. Данная ситуация продолжает оставаться острой и сейчас – так, современная Россия, политически поддерживая Тегеран, готова продавать главному противнику Ирана в регионе Залива – Саудовской Аравии новейшие танки, специально доработанные для условий Аравии [7]. Принимая во внимание специфику региона Персидского залива как «порохового погреба», некоторые исследователи формулируют следующее видение ситуации с торговлей оружием в регионе Среднего Востока: одни страны продают туда оружие с тем, что бы усилить своё присутствие ради обеспече-

ния стабильности поставок нефти (США), а другие, усиливая военное противостояние между региональными соперниками, готовы «подлить бензина», ибо нарастание угрозы войны приведёт к росту мировых цен на нефть (понятно, что речь идёт о России) [4; 5]. Предполагается, что уменьшение запасов углеводородного сырья в обозримой перспективе несомненно приведёт к новому витку гонки вооружений как в мире, так и в регионе Среднего Востока.

Таким образом, в вопросе продажи оружия в указанном регионе в 1950-1980-х гг. сложилась во многом уникальная ситуация – страны Залива, закупая оружие у США и СССР, расплачивались с Вашингтоном нефтью, а с Москвой – американскими долларами, которые уже не возвращались в экономику Америки. В военной политике СССР на Среднем Востоке можно выявить следующую тенденцию – Москва, предлагая своё оружие и добиваясь контрактов на поставки вооружения, могла: а) повлиять на планы «главного противника», столь зависимого от нефти Залива; б) уменьшить зависимость нефтепроизводящих стран от Вашингтона и этим же усилить их зависимость от СССР; в) по мере возможности сохранить дисбаланс в торговых отношениях США и нефтепроизводящих стран региона Персидского залива.

В целом военный фактор в борьбе сверхдержав за контроль над нефтью Среднего Востока играл исключительно важную роль, объединяя политические, экономические и военные меры воедино. В ходе «холодной войны» и торговля нефтью, и торговля оружием становились инструментами «большой игры» сверхдержав в борьбе за будущее мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бонет Пилар и Реиносо Хосе. Россия и Китай расчищают себе дорогу на рынке вооружений. [Электронный ресурс]. Inopressa.ru [сайт]. URL: <http://www.inopressa.ru/elpais/2007/08/03/14:32:08/kitay> (дата обращения: 15.01.2010).
2. Видал Гор. Почему нас ненавидят. Вечная война ради вечного мира. – М.: АСТ, 2003. – 155 с.
3. Вудворд Боб. Признание шефа разведки. – М.: Политиздат, 1990. – 480 с.

4. Кофлин Кон. Тайные поставки российского оружия. [Электронный ресурс]. Inopressa.ru [сайт]. URL: <http://www.inopressa.ru/telegraph/2007/03/20/14:05:08/abroad> (дата обращения: 11.10.2010).
5. Коэн Ариэль. Российская торговля оружием вызывает тревогу. – [Электронный ресурс]. Newsru.co.il [сайт]. URL: <http://www.newsru.co.il/press/20mar2007/twt8008.html> (дата обращения - 10.02.2012).
6. Окорочков Александр. Секретные войны Советского Союза. [Электронный ресурс]. URL: <http://libhistory.ru/book.php?book=248554&page=68> (дата обращения: 15.02.2012).
7. Основной боевой танк России Т-90. [Электронный ресурс]. URL: http://otvaga2004.narod.ru/publ_w7_2010/0045_t90.htm (дата обращения: 30.01.2012).
8. Птичкин Сергей. «Тигры» пустынь. [Электронный ресурс]. NG.ru [сайт]. URL: <http://www.ng.ru/2009/02/26/oruzhie.html> (дата обращения: 22.12.2012).
9. Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. – М.: «Кучково поле», «Полиграфресурсы», 2000. – 576 с.
10. Соловьёв Вадим. Российский залп в Абу-Даби попал в цель. [Электронный ресурс]. NVO.NG.ru [сайт]. URL: http://nvo.ng.ru/armament/2009-03-06/8_abudabi.html (дата обращения: 02.07.2012).
11. Султан Халед ибн. Воин пустыни. Личный взгляд на войну в Заливе командующего Объединёнными вооружёнными силами. – М.: «Дар аль-Каман», 1996. – 478 с.
12. Уткин А.И., Хвостов В.В. Дипломатия и оружие. – М.: «Наука», 1987. – 192 с.
13. ЦРУ США: государственный терроризм. – М.: «Планета», 1987. – 240 с.
14. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. – Мн.: СП «Авест», 1995. 464 с.
15. Шебаршин Л.В. Рука Москвы. – М.: «Центр-100», 1992. – 472 с.
16. Шектер Дж., Дерябин П. Шпион, который спас мир. Как советский полковник изменил курс «холодной войны». Кн. 1, 2. – М.: «Международные отношения», 1993. Кн. 1. – 288 с.; кн. 2. – 280 с.

УДК 94(47).084.9

Дементьев С.С.

Московский педагогический государственный университет

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»: РОЛЬ ХОККЕЙНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ СССР, КАНАДЫ И США

S. Dementiev

Moscow State Pedagogical University

“COLD WAR”: THE ROLE OF HOCKEY CONFRONTATION IN THE USSR-CANADA-USA RELATIONS

Аннотация. В статье в виде научного обзора представлены ход, тенденции развития, значение и последствия советско-североамериканского хоккейного противостояния для нашей страны в условиях «холодной войны». Автор на основе ранее не использовавшихся источников обосновывает научное значение изучения спорта высших достижений (в данном случае – хоккея с шайбой) как социального института. В материале представлены основные выводы автора по теме диссертационного исследования, а также поставлена проблема взаимосвязи международной политики и спорта как социального института.

Ключевые слова: хоккей, идеология, «холодная война», «разрядка», переговорный процесс, социальная политика.

Abstract. The article presents in the form of a scientific review the progress and trends, significance and consequences of the Soviet-North American Hockey confrontation to Russia during the “cold war”. The author proves the scientific value of studying the elite sport (in this case, ice-hockey) as a social institution. The article presents both the author's basic conclusions on his theme of dissertational research and the problem of interdependence of the world policy and sports as a social institution.

Key words: hockey, ideology, “cold war”, “detente”, negotiating process, social policy.

Растущий в последние годы интерес к социальной истории делает актуальным изучение такого важного социального института, как спорт высших достижений. Кроме того, в годы «холодной войны» спорт высших достижений¹ являлся ареной идеологического соперничества. Отчасти это положение сохраняется и в современном мире, что показывает общественную значимость темы диссертации.

Советско-североамериканское хоккейное противостояние 1972–1991 гг. – одно из ярчайших спортивных зрелищ и социальных явлений новейшей мировой истории. Оно отличалось большим накалом спортивного соперничества двух хоккейных школ (с разной методикой – направленной на индивидуальную и коллективную игру), нагнетанием острой враждебной обстановки вокруг матчей советских любителей и канадских профессионалов со стороны средств массовой информации (СМИ) всего мира.

Ему посвящены десятки документальных фильмов, сотни интервью с участниками тех событий, специалистами хоккея и историками хоккея, множество самых противоречивых

© Дементьев С.С., 2012.

¹ Спорт высших достижений (или т. н. большой спорт) – одна из трех основных организационных форм спорта, наряду с массовым спортом и спортом в качестве учебного предмета. Основой спорта высших достижений является условие физического совершенствования человека, он относительно лимитируется возрастом, состоянием здоровья, уровнем физического развития людей. Спорт высших достижений позволяет на основе развития индивидуальных способностей человека в конкретной сфере спортивной деятельности добиваться максимальных спортивных результатов, служит эталонным ориентиром физических возможностей людей, способствует внедрению в массовую практику высокоэффективных средств и методов физической подготовки. Успехи спортсменов в международных и национальных соревнованиях стимулируют развитие массового спорта и занятия физической культурой.

оценок специалистов и любителей хоккея с шайбой на льду.

Главной сложностью при исследовании стало отсутствие не только сложившейся историографии, но и наличие минимального количества специальных работ по данной теме. В связи с этим ограничен и выбор библиографии по теме.

Источниковая база исследования включает в себя широкий круг выявленных на сегодня документов, достаточно полно и объективно отразивших тенденции и закономерности советско-североамериканского хоккейного противостояния, его место в системе отношений между СССР, Канадой и США в 1972-1991 гг.

Среди опубликованных источников представляют интерес работы непосредственных участников событий мемуарного плана [26].

Важным источником является пресса [6; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 24; 25; 27; 28; 29]. Были проанализированы самые разнообразные периодические издания от столичных газет и журналов до популярных американских и канадских газет.

Основу источниковой базы диссертации представляют архивные материалы фонда Спорткомитета при Совете Министров СССР¹ в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), фонда Аппарата ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ)².

Видеосвидетельства интереса высших руководителей СССР к советско-североамериканскому хоккейному противостоянию хранятся в Российском государственном архиве кино- и фотодокументов (РГАКФД)³.

Особое место среди источников, впервые вводимых в научный оборот, занимают видеоматериалы [30; 31; 32].

Очень представительным по своему количеству является еще один вид источников

– публицистика [1; 2; 3; 5; 7; 12; 20; 21; 22; 23].

Картина переговоров и подготовки в первой Суперсерии (1972 г.) была очень сложной, поскольку, с одной стороны, спортивные руководители СССР были заинтересованы в хоккейных контактах с профессионалами НХЛ и ВХА, а с другой, геополитическое и силовое противостояние двух полюсов мирового сообщества долгое время не позволяло найти точки соприкосновения для начала переговоров. Отношение ведущих представителей советского хоккея к возможным контактам с профессионалами НХЛ излагается в связи с описанием подготовки переговоров [4].

Но была в этих встречах и чисто политическая опасность. После окончания II Мировой войны шла «холодная война» между СССР и США. И именно к периоду разрядки, когда СССР и США удалось достичь военно-стратегического паритета, относится развитие конфронтации в информационной, психологической, экономической и технологической сферах. Канада в «холодной войне» выступала в роли «младшего брата» США. В то же время, именно в период разрядки международной напряженности удалось начать переговоры о товарищеских матчах советских хоккеистов, которые были сильнейшими в любительском хоккее, и профессионалов НХЛ.

Во время хоккейного турнира зимних Олимпийских игр в Саппоро (февраль 1972 г.) один из тренеров нашей сборной А.И. Чернышев попытался попробовать начать переговоры, выступив через прессу. Но его попытка оказалась неудачной. А после смены тренеров сборной Советского Союза удалось провести переговоры с руководством НХЛ, которые завершились успехом: договорились о проведении серии матчей. На основе свидетельств очевидцев событий вокруг первой Суперсерии становится понятным, что соперничество предстояло не только спортивное.

Для подведения итогов Суперсерии 1972 г. достаточно упомянуть о четырех фактах: 1) все последующие годы вплоть до наших дней отечественные хоккеисты воспитываются на

¹ См.: ГАРФ. Ф. 7576 (Комитет физической культуры и спорта СССР (Госспорт СССР)). О. 31. Д. 2417, 2716, 2864, 4047; О. 32. Д. 340, 501.

² См.: РГАНИ. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). О. 63. Д. 102; О. 64. Д. 90; О. 66. Д. 157; О. 67. Д. 129; О. 68. Д. 449; О. 69. Д. 420; О. 84. Д. 114; О. 88. Д. 139.

³ См.: РГАКФД. Кинокаталог. №№ 26222, 26649, 27753.

этой Суперсерии, ветераны-участники Суперсерии 1972 г. являются у нас на Родине истинными спортивными героями и легендами отечественного хоккея; 2) в 2000 г. в Канаде был проведен еще один опрос: «Назовите самое великое спортивное событие мира в XX в.?», в котором на первое место канадцы поставили Суперсерию 1972 г. между канадскими профессионалами НХЛ и советскими любителями; 3) снятие «железного занавеса» в хоккее, встречи европейских команд с профессионалами Северной Америки стали регулярными, в НХЛ и ВХА стали появляться легионеры из Европы.

Переговорный процесс между представителями СССР, Канады и США зачастую не ограничивался только устройством хоккейных баталий. Переговорный процесс о проведении хоккейных соревнований разного статуса и формата в советско-североамериканском хоккейном противостоянии играл важнейшую роль. Кроме непосредственно спортивной составляющей, на этих переговорах поднимались (а иногда и решались) самые разные вопросы взаимодействия различных национальных и международных организаций и ведомств, ведь зачастую к переговорам спортивных функционеров подключались дипломатические работники. Нередко на успешность переговоров влияли самые разные факторы. В частности, идеологические вопросы с каждым новыми переговорами уходили на задний план, а финансовые вопросы, наоборот, приобретали все большее и большее значение. Существенно замедляла ход переговоров о новых хоккейных контактах неповоротливость советской вертикальной системы управления спортом. Еще одной очень важной стороной советско-североамериканского хоккейного противостояния было влияние спортивных связей и результатов на взаимоотношения СССР и Канады в разных сферах деятельности и хозяйствования.

Большое количество контактов с представителями НХЛ и ВХА вскрыло различные, не имеющие большого значения в начале противостояния, стороны финансового аспекта советско-североамериканского хоккейного

противостояния: распределение доходов от проведения хоккейных матчей; возможность выступления в заокеанских лигах советских легионеров; заработки советских и канадских хоккеистов в ходе противостояния; влияние международных и национальных спортивных организаций на ход самих переговоров. Советско-североамериканское хоккейное противостояние проходило на фоне действия Хельсинского акта, который оказал положительное влияние на гуманитарную политику СССР. Были улучшены условия работы иностранных корреспондентов, облегчен порядок выдачи виз, упрощена процедура въезда и выезда советских и иностранных граждан. Расширились международные контакты общественных организаций, обмены в области образования, культурные связи, туристический обмен.

Во время Суперсерии 1975/1976 гг. из-за падения интереса к регулярному чемпионату НХЛ американская пресса была вынуждена выступить против самой Суперсерии и значения побед советских клубов. С другой стороны, привлечение «символа Америки» певицы К. Смит к «околохоккею» во время Суперсерии говорит о серьезном настрое клубов НХЛ в отношении советских клубов. Это подтвердится и во время последующих клубных Серий.

Основным турниром на уровне сборных команд во время советско-североамериканского хоккейного противостояния стал Кубок Канады. Если первый турнир (1976 г.) получился экспериментальным, то последующие выделялись как по качеству показанного командами хоккея, так и крупными околохоккейными событиями. В 1981 г. произошел громкий скандал с попыткой вывоза трофея победителями турнира – советскими хоккеистами к себе на Родину. В 1984 г. в связи с давлением на организаторов турнира телевизионными канадскими компаниями произошел судейский скандал: полуфинальный матч между сборными Канады (полностью составленной из игроков НХЛ) и СССР судил арбитр из НХЛ, который сумел «обеспечить» организаторам турнира необходимый ре-

зультат. Схожий скандал произошел во время финальной серии (Канада против СССР) розыгрыша 1987 г., когда канадцам удалось выиграть турнир при явных симпатиях к ним арбитров из НХЛ.

Турниры на уровне сборных команд позволяли хотя бы на время выявить сильнейшего в мировом хоккее. Но именно нехватка одного безоговорочного турнира, где бы всегда и объективно выяснялась сильнейшая команда планеты, побудила руководство НХЛ и Федерации хоккея СССР искать и организовывать как традиционные турниры с участием всех сильнейших сборных мира (Кубок Канады), так и единичные турниры с «плавающими» (т. е. формирование команды производится не по национальному признаку, а по уровню профессионального мастерства) командами (Кубок Вызова и Кубок Рандеву). И это привело к размыванию понятия о турнире сильнейших.

Конфликтная ситуация, спровоцированная ведущими советскими хоккеистами (И. Ларионовым и В. Фетисовым), в конце 1980-х гг. в итоге привела к разрушению советской хоккейной системы, а также вертикали большого спорта в нашей стране. Главным выводом всей конфликтной ситуации конца 1980-х гг. необходимо признать отрицательную роль советско-североамериканского хоккейного противостояния для отечественного спорта (хоккея). Система советского хоккея в частности и советского спорта в целом рухнула из-за финансового стимула, предложенного Национальной Хоккейной Лигой. Произошло смещение социальных и жизненных ориентиров у советских спортсменов в сторону западных ценностей, вызвавшее массовый отток советских атлетов (хоккеистов) за рубеж (в НХЛ). Борьба отдельных хоккеистов с государственными спортивными структурами СССР имела разрушительные последствия для системы подготовки юных хоккеистов.

С помощью результатов спортивного соперничества с североамериканскими командами удавалось в некоторой степени ослаблять социальное напряжение среди населения СССР. Одновременно с этим советские

хоккеисты служили хорошим примером рядового советского человека в глазах населения Канады и США.

В целом происходившие процессы, означавшие развал системы подготовки отечественных спортсменов, имеющие общие с государством и населением причины, были вполне ожидаемы.

В заключение необходимо сделать выводы и подвести основные итоги исследования.

В исследовании показано, что к началу 1970-х гг. в связи с достижением военно-стратегического паритета между СССР и США, а также в связи с начавшейся в эти годы «разрядкой» в отношениях между этими странами, активной внешней политикой премьер-министра Канады П.Э. Трюдо, а также начавшимся в 1972 г. советско-североамериканским хоккейным противостоянием влияние Канады в событиях «холодной войны» увеличилось. В последующие годы в связи с политической «окраской» советско-североамериканского хоккейного противостояния, где главные и видные роли исполняли прежде всего представители Канады и СССР, Канада была вынуждена находиться на видном месте во время «холодной войны».

Начиная с 90-х гг., канадцы делают всевозможные попытки для нивелирования реальных результатов советско-североамериканского хоккейного противостояния. Это еще началось по ходу Суперсерии 1975/1976 гг., когда канадская и американская пресса пыталась придать последнему матчу Суперсерии («Филадельфия Флайерз» – ЦСКА) статус финала серии. В последующие годы канадцы, и в меньшей степени американцы, в прессе всегда пытались не упоминать о своих горьких разочарованиях противостояния с русскими. В то же время о «своих» победах канадская пресса писала много и подробно. Это формировало определенные представления у молодых канадских болельщиков, которые имеют односторонние сведения о советско-североамериканском хоккейном противостоянии. В последние годы в Канаде проецируется политическое поражение СССР на итоговые результаты хоккейного противостояния.

Улучшение взаимоотношений между Советским Союзом и Канадой позволило в начале 1970-х гг. воплотить в жизнь соперничество советских хоккеистов и профессионалов из НХЛ. А на протяжении 70-х гг. прошлого века успешные переговоры и плодотворное сотрудничество в области хоккея и спортивных объектов позволили облегчить противоречия между руководством обеих стран.

Переговорный процесс на протяжении всего советско-североамериканского хоккейного противостояния никогда не проходил легко. Здесь не помогали даже проверенные схемы и взаимные ожидания. Кроме часто вмешивающейся политики, очень часто на ход переговоров влиял финансовый аспект. Ситуация вокруг Афганистана в конце 1970-х гг. вовсе заставила прекратить спортивные связи между Канадой и СССР. Но именно благодаря хоккейному противостоянию на высшем уровне летом 1981 г. удалось восстановить спортивные отношения между странами, а также сблизить позиции по вопросу мирного урегулирования афганского конфликта.

В 1980-е гг. акцент переговоров смещается в сторону непосредственных участников спортивного соперничества – Спорткомитета / Госкомспорта СССР и руководства НХЛ. В связи с увеличением доли американских клубов и американских спонсоров НХЛ в это время все большее влияние на переговоры оказывает финансовая выгода американских партнеров НХЛ.

Последствиями поведения ведущих советских хоккеистов (В. Фетисова, А. Могильного и др.) в конце 80-х – начале 90-х гг. стали полный развал системы подготовки советских хоккеистов и переориентация позиций отечественных хоккеистов. Какое-то время разваливающаяся система отечественного хоккея по инерции продолжала давать результат. Но все же главными причинами упадка и дальнейшего уничтожения достижений советского хоккея являются последствия реформ, изменений, пережитых страной в период «перестройки». С этим очень сильно контрастирует сам итог советско-северо-

американского хоккейного противостояния. Победа в нем Советского Союза показала, что морально-волевые качества советского хоккея доказали свое превосходство над финансовым стимулом НХЛ. Современные публицисты умалчивают об этом.

Финансовый вопрос в советско-североамериканском хоккейном противостоянии на всем его протяжении менял свои формы и значение. Причем противоборствующие стороны всегда оставались на разных постулатах. Для Канады это был вопрос национальной гордости, ради которого канадские спонсоры готовы были идти на определенные финансовые риски. Для США главными вопросами в советско-североамериканском хоккейном противостоянии были спортивное соперничество, как хорошо продаваемый продукт в Северной Америке и финансовая выгода от проведения хоккейных соревнований. Для СССР финансовый аспект не имел решающего значения, поскольку вся система развития спорта, в том числе и хоккея, была подчинена увлечению населения здоровым образом жизни и пропаганде советских идеалов во всем мире. Для этого руководство страны не жалело средств.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агаянц Н.И. На льду профессионалы. Заметки публициста. – М.: Физкультура и спорт, 1974. – 128 с.
2. Белаковский О.М. Эти настоящие парни... (Лит. запись М. Ямпольского). – М.: Молодая гвардия, 1981. – 207 с.
3. Брель А.Г. SUPER SERIES'76. – СПб.: Любавич, 2007. – 184 с.
4. Дементьев С.С. Из истории советско-североамериканских спортивных связей (противостояние в хоккее в 70-е – начале 80-х годов XX века) // Новая и Новейшая история. 2010. – № 2. – С. 205-215.
5. Дворцов В.А., Юрьев З.Ю. Форвард № 17: Повесть о Валерии Харламове. – М.: Советская Россия, 1984. – 160 с.
6. Известия. 1976. 6-14 янв.
7. Карандин Ю.П. Хоккейные параллели. – М.: Вече, 2010. – 208 с.
8. Коммерсантъ. 1998. 30 июля.
9. Ларионов И.Н. «В долгу перед хоккеем...» // Огонек. 1988. – № 42. – С. 18-19.

10. Московская правда. 1974. 24 авг.
 11. Московский комсомолец. 1968. 16 апр.; 1989. 17 янв.
 12. Петров А. Такова хоккейная жизнь. – М.: Эксмо, 2008. – 288 с.
 13. Правда. 1972. 20 апр.-30 сент.
 14. Прессбол. 2004. 22 апр.
 15. Рабочая независимая газета Украины. 1991. 6 нояб.
 16. Свободный курс. 2004. 6 дек.
 17. Советская Россия. 1972. 19 апр.-21 сент.
 18. Советский спорт. 1972. 2-30 сент.; 2001. 11 янв.; 2004. 22 апр.; 2008. 10 дек.; 2010. 15 февр.; 2011. 9 февр.
 19. Спорт-Экспресс. 2005. 20 сент.; 2006. 25 апр.-29 дек.; 2009. 13 февр.-5 мая; 2010. 12 февр.-30 дек.
 20. Сысоев В.Д. Играет ЦСКА. – М.: Воениздат, 1975. – 205 с.
 21. Тарасов А.В. Совершеннолетие. Хоккей и хоккеисты. Лит. запись О. Спасского. 3-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 352 с.
 22. Третьяк В.А. Верность. – М.: Физкультура и спорт, 1986. – 176 с.
 23. Третьяк В.А. Когда льду жарко... – М.: Советская Россия, 1979. – 160 с.
 24. Факты и комментарии. 2004. 26 февр.
 25. Футбол-хоккей. 1972. 27 авг.-1 окт.
 26. Эпохальные события в истории отечественного хоккея // Российский хоккей +. 2007. – № 1. – С. 20-21.
 27. Chicago Tribune. 1987. Sep. 17.
 28. The Globe and Mail. 1972. Feb. 1- Oct. 31; 1974. Jul. 1- Oct. 31.
 29. The New York Times. 1989. Mar. 30- May 7.
- ВИДЕОИЗДАНИЯ:**
30. Красный октябрь. 8:1 [Видеозапись] / реж. А. Кавецкий; Телеканал Спорт – 2006. – Фильм вышел на экраны в 2006 г.
 31. Особенности национального хоккея [Видеозапись] / реж. А. Макарова; Первый канал – 2007. – Ч. 1; Ч. 2. – Фильм вышел на экраны в 2007 г.
 32. Суперсерия-1972. Матч № 4. Канада – СССР – 3:5. 8 сентября 1972 г. [Видеозапись] / Телеканал ТВ6 – 1996. – Запись вышла на экраны в 1996 г.

УДК 323.28

Базаркина Д.Ю.

Московский городской педагогический университет

КООРДИНАЦИЯ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕС: КРАТКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

D. Bazarkina

Moscow City Pedagogical University

THE COORDINATION OF THE COUNTER-TERRORIST ACTIVITY IN EU: A BRIEF REVIEW OF THE MAIN ORGANIZATIONS

Аннотация. В статье анализируется опыт таких структур, как Комитет экспертов по борьбе с терроризмом Совета Европы, Евроюст, Антитеррористическое подразделение ОБСЕ в координации антитеррористической деятельности в масштабах Европейского Союза. Рассматриваются проблемы распределения информации, в том числе разведанных, а также консультирования национальных силовых структур, выработки общих механизмов противодействия террористической угрозе в новых условиях.

Статья подготовлена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы» Министерства образования Российской Федерации.

Ключевые слова: терроризм, безопасность, Европейский Союз, Комитет экспертов по борьбе с терроризмом Совета Европы, Евроюст, Антитеррористическое подразделение ОБСЕ.

Abstract. The article analyzes the experience of such structures, as The Committee of Experts on Terrorism (CODEXTER), Eurojust, OSCE Counter-Terrorist Unit, which coordinate their anti-terrorist activities in the European Union. The author studies the problems of information distribution, including the intelligence data. The article covers the questions of security, defence and law enforcement agencies' consulting as well as the process of development of mutual anti-terrorist counteraction mechanisms under the new conditions. The article is prepared within the Federal Special-Purpose Program "Scientific & Pedagogic Personnel of Innovative Russia", developed for the period of 2009–2013 by the Russian Federation Ministry of Education and Science.

Key words: terrorism, safety, European Union, the Committee of Experts on Terrorism (CODEXTER), Eurojust, OSCE Counter-Terrorist Unit.

В настоящее время в Европейском Союзе за антитеррористическую деятельность отвечает целый ряд ведомств. Однако институционализацию процессов антитеррористической борьбы в ЕС все еще нельзя считать завершенной: по свидетельствам как российских, так и западных специалистов, существуют многочисленные пересечения полномочий различных силовых структур и консультационных органов. Попытки преодоления этих противоречий предпринимались с момента формирования самой единой Европы, однако свои коррективы в этот процесс внесло 11 сентября 2001 г. После атак на Всемирный торговый центр пересмотра потребовала сама концепция терроризма, в частности, он стал восприниматься как угроза, сравнимая с военной, тогда как ранее оценивался только как разновидность преступности. Одним из приоритетных направлений стала разработка информационного и коммуникационного обеспечения контртеррористической деятельности, которое формируется во многом на основе анализа коммуникационной составляющей самого терроризма. В то же время назрела необходимость в учреждении новых структур, способных более качественно координировать усилия всех государств Евросоюза в борьбе с терроризмом, организовывать обмен необходимой в антитеррористических операциях информацией, в том числе засек-

реченными разведданными. В то же время вырабатываются новые и совершенствуются прежние методы работы со средствами массовой информации. Так, Европейский Союз выработал собственную Стратегию СМИ и коммуникации. Одобренный ЕС в июле 2006 г. документ призван устранить «неточности в описании политики ЕС и террористическую пропаганду, которая искажает суть конфликтов во всем мире, преподнося их как ложное доказательство столкновения Запада и Ислама», в нем утверждается, что «усовершенствованная коммуникация должна внести свой вклад в противостояние ... радикализации и вербовке» [8].

Обмен разведданными и результатами исследований, совместная выработка рекомендаций имеют в Европе довольно долгую историю. По свидетельству П. Тодда, Дж. Блоха и П. Фицджеральда, эта практика является преемственной по отношению к деятельности ЦРУ: «С 1970-х гг. несколько «клубов» проводили регулярные встречи, чтобы обмениваться информацией, предназначенной для высшего руководства спецслужб. Некоторые из них уделяли внимание борьбе с терроризмом, как группа TREVI и Бернский клуб. Сформированный в 1971 г. Бернский клуб проводил дважды в год встречи на высшем уровне директоров и высших должностных лиц избранных европейских разведывательных служб. Группа TREVI (Terrorism, Radicalism, Extremism, and International Violence group), образованная пять лет спустя, имела более формализованную структуру: в ней выделялись рабочие группы, комитеты из высших должностных лиц, собрания министров, которые проводились незадолго до встреч глав правительства ЕС каждые полгода. Функции TREVI постепенно расширялись, охватывали все более широкие области работы полиции и разведки. Затем структура была поглощена Европолом» [8, с. 133-134]. Преемником группы TREVI в 1992 г., по сути, и стала европейская полиция.

Также исследователи упоминают группу «Киловатт», созданную в 1970-е гг. израиль-

ской разведкой для борьбы с палестинским и арабским терроризмом, и малоизвестную группу «Мегатонна», созданную, вероятно, по инициативе Франции, боровшейся в середине 1990-х гг. с алжирскими радикалами («Киловатт» был затем расформирован, но специалисты утверждают, что его структуры продолжают работу на различных направлениях). Более свежие примеры – группа «Эгмонт», которая была сформирована в 1995 г. и осуществляет разведку в области финансов: первоначально призванная бороться с отмыванием денег, группа переключилась на борьбу с финансированием терроризма [6]. Затем в ЕС эти группы были дополнены и в некоторой степени заменены системой официальных и неофициальных разведывательных и антитеррористических структур, начиная с 1990-х гг.

Быстрое расширение национальных и общеевропейских баз данных велось в условиях строгой секретности. Эти относительно новые системы предназначены для обмена информацией, которая часто содержит важную личную информацию (персональные данные и данные о транспортном средстве, сведения о судимостях и иммигрантском статусе, счетах в банках и операциях с кредитной картой, деталях передвижений и данных о контактах лица). Наконец, разведка через открытые источники призвана фильтровать данные доступных источников информации в Интернете.

В практическом противодействии терроризму, техническом обеспечении этого процесса приоритетная роль принадлежит сегодня Европейской полиции – Европолу. Разработку же правовых основ противодействия терроризму, поддержание работы экспертных сетей, консультирующих европейские властные структуры по проблемам терроризма, осуществляют Координатор по борьбе с терроризмом, Комитет экспертов по борьбе с терроризмом Совета Европы, Евроюст и Антитеррористическое подразделение ОБСЕ. Рассмотрим более подробно полномочия данных структур.

Координатор по борьбе с терроризмом

Координатор по борьбе с терроризмом Совета Европы ответствен за координацию в рамках Генерального секретариата совместных действий Комитета Министров и Совета Европы с различными национальными и международными организациями в области противодействия террористической угрозе. Специалисты полагают, что его функции сводятся только к поддержанию связи между различными антитеррористическими структурами. В настоящее время эту должность занимает Жиль де Кершов.

Комитет экспертов по борьбе с терроризмом Совета Европы (Committee of experts on terrorism – CODEXTER)

С 2003 г. по запросу Комитета Министров Комитет Экспертов по борьбе с терроризмом (CODEXTER) координирует действия в приоритетных областях, предварительно определяемых Междисциплинарной группой по международной борьбе с терроризмом (Multidisciplinary Group on International Action against Terrorism – GMT). CODEXTER также занимается выявлением пробелов в нормах международного права и деятельности по борьбе с терроризмом. В комитет входят представители государств ЕС как можно более высокого ранга, владеющие вопросами финансирования террористической и контртеррористической деятельности, а также эксперты в области права.

CODEXTER осуществляет мониторинг подписаний и ратификаций соглашений Совета Европы, имеющих отношение к противодействию терроризму (ETS № 90 – европейского соглашения 1977 г. о подавлении терроризма и протокола внесения в него поправок, ETS № 190), отмыванию денег и финансированию терроризма (CETS № 198), контролирует их раннее вступление в силу. CODEXTER в особенности заботится об эффективном использовании и реализации со-

глашения Совета Европы по предотвращению терроризма (CETS № 196).

Кроме того, CODEXTER координирует участие Совета Европы в выполнении международных антитеррористических мероприятий в соответствии с Глобальной контртеррористической стратегией Организации Объединенных Наций (ООН).

В рамках программ технической помощи в сотрудничестве с другими международными организациями, Совет Европы распространяет свои стандарты и осуществляет экспертизу через CODEXTER [4].

CODEXTER развернул, а в некоторых случаях завершил, мероприятия в следующих областях:

- исследование понятий «апология терроризма» и «подстрекательство к терроризму»;
- разработка специальных методов исследования;
- защита свидетелей и сотрудников органов юстиции;
- международное сотрудничество в области правового принуждения;
- мероприятия, направленные на перекрытие доступа террористов к источникам финансирования;
- вопросы идентификационных документов, которые возникают в связи с проблемой терроризма;
- оказание защиты, поддержки, выплаты компенсаций пострадавшим от террористических актов;
- оценка эффективности национальных судебных систем в противодействии терроризму;
- поддержка модернизации законодательных органов и пенитенциарной системы в государствах ЕС.

Текущие приоритеты CODEXTER:

- разработка и обновление аналитических отчетов по странам ЕС, в которых оцениваются текущие возможности государства в борьбе с терроризмом; проект был запущен в 2004 г., с тех пор отчеты по странам ЕС выставляются на интернет-сайте Совета Европы;
- обмен информацией и лучшим практическим опытом оказания государственных и

частных компенсаций пострадавшим от терроризма, схемами страхования;

– контроль подписей и ратификаций вышеупомянутых соглашений и обеспечение их эффективного выполнения [5, с. 7].

Евроюст

Евроюст был сформирован по решению, принятому Советом Европы в Тампере в октябре 1999 г. Совет Европы провел специальную встречу, посвященную созданию «области свободы, безопасности и правосудия в Европейском союзе». Путь к достижению этой цели виделся в унификации политики в области иммиграции и предоставления политического убежища, «основанной на солидарном укреплении борьбы с международной преступностью, объединяющем национальные власти» [7].

Чтобы консолидироваться в борьбе с особо тяжкими преступлениями организованных групп, Совет Европы в своем Заключении № 46 согласился с необходимостью создания Евроюста, состоящего из прокуроров, судей или офицеров полиции соответствующего положения и компетенции, командированных от каждого государства – члена ЕС в соответствии с их собственными системами права.

14 декабря 2000 г. был открыт временный орган сотрудничества под названием Про-Евроюст, работающий в здании Совета Европы в Брюсселе. Структура была предшественницей Евроюста, целью ее было – стать «своего рода круглым столом обвинителей от всех государств – членов ЕС», где предстоит проверить и опробовать концепции Евроюста. Про-Евроюст начал работу 1 марта 2001 г. под шведским президентством в Европейском Союзе.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. показали, что явление терроризма не ограничено национальной или региональной сферой и что борьба против терроризма должна быть скоординирована в самом широком международном масштабе. Эта мысль послужила катализатором к координации судебной практики, и Евроюст был основан в 2002 г. решением Совета Европы 2002/187/JHA.

В первой половине 2002 г., в течение испанского президентства в ЕС, было предпринято много важных шагов: Решение о Евроюсте было опубликовано 28 февраля, бюджет был принят в мае, процессуальные нормы были согласованы в июне.

29 апреля 2003 г. Евроюст переместился на место своего постоянного пребывания, в Гаагу. Вскоре после учреждения Евроюст подвергся влиянию расширения Европейского Союза: в мае 2004 г. десять новых членов присоединились к коллегии, в январе 2007 г. добавились еще два, сейчас представительство в Евроюсте имеют все 27 стран ЕС.

С периода расширения ЕС Евроюст показал высокую активность при подписании соглашений сотрудничества, позволяющих обмениваться судебной информацией и анкетными данными. Соглашения были заключены с Европолем, Европейским ведомством по борьбе с мошенничеством (**European Anti-Fraud Office – OLAF**¹), Колледжем европейской полиции (European Police College – CEPOL), Европейской сетью по обучению сотрудников юстиции (European Judicial Training Network), Управлением ООН по наркотикам и преступности (United Nations Office on Drugs and Crime – UNODC), Иbero-американской сетью сотрудничества органов юстиции (La Red Iberoamericana de Cooperación Jurídica Internacional – Iber-RED), ведомствами Исландии, Румынии, Норвегии, США, Хорватии, Швейцарии и Македонии. «Служащие по связям» – представители Норвегии, США и Хорватии – постоянно присутствуют в Евроюсте.

В дополнение к соглашениям сотрудничества, Евроюст также поддерживает сеть контактных пунктов во всем мире.

С 2000 г. Евроюст постоянно расширялся, росли и его связи по всей Европе. Поэтому расширение полномочий и пересмотр правил стали необходимыми.

В июле 2008 г. под французским президентством было одобрено новое решение Совета Европы об укреплении Евроюста,

¹ Аббревиатуры образованы от французских переводов названий ведомств.

которое было утверждено в декабре 2008 г. и опубликовано 4 июня 2009 г.

Цель нового решения состоит в том, чтобы увеличить оперативные способности Евроюста, усилить обмен информацией между заинтересованными сторонами, сотрудничество между национальными властями и Евроюстом, установить и упрочить отношения с партнерами и третьими государствами [7].

Антитеррористическое подразделение ОБСЕ

«ОБСЕ является «региональным соглашением» по смыслу Главы VIII Устава Организации Объединенных Наций, и правовой основой для контртеррористической деятельности ОБСЕ являются универсальные контртеррористические конвенции и протоколы, а также соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН» [1]. В частности, в резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности ООН содержится среди прочего призыв ко всем государствам «сотрудничать, особенно в рамках двусторонних и многосторонних механизмов и соглашений, в целях предотвращения и пресечения террористических нападения и принимать меры против виновных в совершении таких актов». «Опираясь на эти всеобъемлющие документы, страны-участницы приняли ряд обязательств ОБСЕ, сформировав тем самым специфический контртеррористический мандат Организации. Такие документы, как *Бухарестский План действий* 2001 г., заложивший основы для создания АТП, и *Хартия ОБСЕ о предупреждении терроризма и борьбе с ним*, принятая в Порту в 2002 г., которая кодифицировала принципы ОБСЕ в борьбе с терроризмом, представляют собой программный план полномасштабных усилий по борьбе с терроризмом. В дальнейшем каждая встреча Совета Министров иностранных дел развивала и укрепляла контртеррористический мандат ОБСЕ» [1].

Действующее с 2002 г. Антитеррористическое подразделение ОБСЕ и созданная на его базе Контртеррористическая экспертная сеть осуществляют обмен информацией

между экспертными группами и отдельными специалистами по борьбе с терроризмом. «Главной задачей Контртеррористической сети (КТС) ОБСЕ является содействие улучшению координации контртеррористических мер и передачи информации между государствами – участниками ОБСЕ. В частности, она призвана укрепить связь между делегациями государств-участников, должностными лицами, ответственными за контртеррористическую деятельность в столицах государств, и Антитеррористической группой (АТГ) ОБСЕ. Сеть облегчает своевременный обмен информацией о программах борьбы с терроризмом, подготовке кадров и изменениях в правовой сфере, осуществляемых по инициативе ОБСЕ и государств-участников, а также анализ полученной из открытых источников информации о тенденциях в области терроризма» [3].

Антитеррористическое подразделение ОБСЕ тесно сотрудничает с Интерполом в области информационного обеспечения контртеррористических операций. Так, «важным результатом в работе Подразделения» было названо «завершение проекта АТП/Интерпола в Молдове, благодаря которому было произведено подключение 16 пограничных контрольно-пропускных пунктов и 10 региональных и местных полицейских отделений к базам данных Интерпола с доступом в режиме реального времени» [2, с. 114].

* * *

Проанализировав опыт наднациональных европейских антитеррористических структур, можно заключить, что в пределах ЕС эффективность наднациональной системы определяется характером двусторонних отношений между национальными спецслужбами, особенно из стран «Большой шестерки». Эта группа, в которую входят Великобритания, Франция, Германия, Италия, Польша и Испания, в значительной степени осуществляет руководство ЕС во всех областях политики. Остается проблема пересечения функций отдельных структур, которая часто ведет к про-

тиворечиям в антитеррористической политике ЕС. Однако следует признать, что все более важную роль в политике в целом и в противодействии терроризму в частности играет система распределения информации, развивающаяся область «управления знаниями», как и управлениями коммуникацией. Подходя к этим явлениям с должной критичностью, можно, однако, заметить, что изучение механизмов информационного и коммуникационного обеспечения контртеррористической деятельности важно и актуально сегодня.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Антитеррористическое подразделение // Официальный сайт ОБСЕ. URL: www.osce.org; дата обращения 16.02.2012.
2. Ежегодный доклад ОБСЕ 2010.
3. Положение о контртеррористической сети ОБСЕ. Совет Министров ОБСЕ, Маастрихт, 2003.
4. 1090 Meeting, 7 July 2010. 10.1 Committee of Experts on Terrorism (CODEXTER). // Council of Europe. URL: www.coe.int/document-library/default.asp?urlwcd=https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1631017 (дата обращения 16.02.2012).
5. Action against Terrorism. European Council Activities. Strasbourg, 2011.
6. The Egmont Group of Financial Intelligence Units. URL: www.egmontgroup.org (дата обращения 16.02.2012).
7. The history of Eurojust // Официальный сайт Евроюста. URL: www.eurojust.europa.eu/about.htm (дата обращения 16.02.2012).
8. Todd P., Bloch J., Fitzgerald P. Spies, Lies and the War on Terror. – London-New York, 2009. – 212 pp.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(470) "1812"

Травникова Е.Г.

*Академия переподготовки работников искусства,
культуры и туризма (г. Москва)*

ПОНЯТИЕ «ОТЕЧЕСТВО» И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

E. Travnikova

Academy of Retraining in Arts Culture and Tourism, Moscow

THE CONCEPT OF "MOTHERLAND" AND THE RUSSIAN SOCIETY IN THE PATRIOTIC WAR OF 1812

Аннотация. Цель, которую ставит перед собой автор статьи, заключается в рассмотрении одного из основных понятий в мировоззрении русского общества первой трети XIX в. – понятия Отечество. Хронологические рамки статьи связаны с одним из главных потрясений первой трети XIX в. – Отечественной войной 1812 г. В этот момент окончательно складывается современное нам смысловое наполнение категории Отечество и наиболее ярко проявляется любовь к Отечеству – патриотизм.

Ключевые слова: мировоззрение, понятие «Отечество», Отечественная война 1812 г., патриотизм, русское общество.

Abstract. The author reviews the concept of "Motherland", one of the main concepts in the outlook of the Russian society of the first third of 19th century. The period described in the article is connected with The Patriotic War of 1812, one of the greatest shocks in the first third of 19th century. By that time the concept of "Motherland" had gained the same meaning we see in it now. The author states that love for Motherland and patriotism were most evident in that period.

Key words: worldview, concept of «Motherland», the Patriotic War of 1812, patriotism, Russian society.

Мировоззрение любого общества, которое, по сути своей, является кодексом повседневного поведения, регламентацией бытовой жизни, базируется на соединении основополагающих понятий. Каждая историческая эпоха предлагает свои условия для формирования кодекса, выдвигая те или иные его составляющие на приоритетные позиции. Медиевист А.Я. Гуревич в своей работе «Категории средневековой культуры» подчёркивал, что «поступки людей мотивировались ценностями и идеалами их эпохи и среды. Не учитывая в полной мере ценностные ориентации и критерии, которыми вольно или невольно руководствовались люди

в обществе, мы не можем претендовать на понимание их поведения и, следовательно, на научное объяснение исторического процесса» [6, с. 17].

Изучение таких краеугольных понятий культуры, как *Отечество*, *Патриотизм*, *Долг*, *Честь*, дают нам наиболее полную картину при изучении той или иной эпохи, а также ключ к пониманию истоков происходящих современных социальных процессов. С другой стороны, изучение этих явлений не может быть обособленным как друг от друга, так и от эпохи бытования.

Для людей XIX в. кодекс был не менее важен, чем для средневекового общества. Безусловно, это объясняется теми нравственными идеалами, которые были продиктованы и воспитаны историческими и культурными настроениями эпохи. Человек XIX в. мыслил кодами, стереотипами, которые были заложены на подсознательном уровне. И тут, безусловно, нельзя обойти вниманием преобладание бинарного мышления в оценке событий. Так, русское дворянство волей или неволей мыслило категориями «правда – неправда», «честь – бесчестье». Таким образом, под эти категории подпадало и понимание начавшейся войны с Наполеоном. Война со стороны нападавших была «неправедной», а потому противной Богу. Один из участников Отечественной войны Д.В. Душкевич писал: «Итак, сбылись великие слова: «На начинающего Бог!». Французы начали войну неправды и не осталось врага ни единого на земле русской – погибель пошла по рядам их! Благодарение вечное Всемогущему Богу, умудрившему Россию на защиту, и вечная слава русскому Царю Благословенному и отечеству» [8, с. 120].

К началу XIX в. идеологическая основа российской жизни базировалась на фундаменте союза монархической власти и православия. Что отнюдь не шло в разрез с процессами десакрализации культуры и повседневной жизни, которые активизировались ещё при Петре I. В общественном сознании православие являлось единственно правильной и истинной религией, той, которая связывала настоящее с прошлым, а монархическая власть оказыва-

лась земным воплощением высшей воли. И то, и другое требовало от подданных, народа подчинения и соблюдения правил жизни, унаследованных от предков. Постепенный процесс десакрализации расставил приоритеты между светской властью и властью церковной, но при этом отнюдь не исключил духовную составляющую жизни русских людей. Граф Е.Ф. Комаровский в своих «Записках» приводит диалог Наполеона с посланником Александра I, в котором, кроме всего прочего, вопрос зашел и о религиозной стороне жизни:

«– Вы знаете Москву? Большая деревня, где видно множество церквей, к чему они? В теперешнем веке перестали быть набожными».

На сие Балашов отвечал:

– Я не знаю, ваше величество, набожных во Франции, но в Гишпании и в России много ещё есть набожных» [11, с. 383].

Монархия и православная вера, соединившись в сознании, стали основой для развития краеугольного понятия для русской культуры – *Отечество*. Собственно формирование современного нам смысла произошло к концу XVIII в., когда понимание географического *Отечества* совпадало с Государством, а понятие *Родина* ещё не стало синонимом *Отечества* и оставалось лишь обозначением родного дома, дома предков, места, откуда человек вышел [17, с. 170]. В «Записках» С.Н. Глинки мы читаем: «После 1812 года в первый раз в половине 1834 года посетил я свою родину... Родина моя теперь в постороннем владении; но я видел следы праотцов моих; я видел липы, вязы и дубы, насажденные рукой моего прадеда...» [5, с. 7]. На это же указывает и В.В. Виноградов, отмечая: «Слово родина в языке Пушкина не имело того острого общественно-политического и притом революционного смысла, который был связан со словом отечество (и, отчасти, со словом отчизна). Достаточно сослаться на употребление слова родина в стихотворениях: (...) «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году (Александрю)», «К Овидию», в поэмах «Руслан и Людмила»,... «Кавказский пленник» (...) и

«Истории Пугачёва». Значение слова «родина» ярко выступает в связи с тем циклом образов, который предназначался к «Повестям Белкина», а затем нашёл себе место в «Истории села Горюхина» и позднее в «Дубровском». Отрывок из «Дубровского»: «Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видел он своей родины. Берёзки, которые при нём только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями» [1, с. 999].

Такие категориальные понятия, как *Отечество* и *Патриотизм* имеют необходимую функциональную нагрузку, которая проявляется в моменты наибольшего исторического напряжения. Таким моментом для русской культуры XIX в. стала Отечественная война 1812 г. Спустя столетие оценка Отечественной войны не сильно отличалась от оценок, которые давали современники: «Война Двенадцатого года стала великим национальным событием. Упорство и единодушие борьбы свидетельствовали о сильном народном чувстве; война должна была подействовать на современников, как общее дело, в котором приняли участие все слои народа, и осталась историческим воспоминанием, которое поддерживало веру в силы народа и в его будущее» [14, с. 273].

По свидетельствам государственных деятелей, начало войны не было неожиданным, но вполне ожидаемым, ведь Россия, как и Франция, жила в предчувствие войны с того момента, как был подписан Тильзитский мир (1807 г.). Государственный секретарь М.М. Сперанский писал: «Самый мир заключал в себе почти все элементы войны. Ни России с точностью его сохранить, ни Франции верить его сохранению не возможно» [16, с. 57]. Но даже, несмотря на всю неизбежность военного столкновения, русское общество оказалось совершенно к нему не готово. Общество, хотя и прислушивалось к слухам о возможно скорой войне, но отнюдь не верило в то, что война придёт к ним в дом.

В многочисленных документах того времени, будь то официальные законодательные

акты, доклады, рескрипты или же личные воспоминания современников, письма, везде мы встречаем не только атмосферу напряжённости, страха перед идущей угрозой, но и решимости, нежелания подчиниться иноземцам. «Не одна я, – писала современница, – ощущала все ужасы 1812 года, но я и вся Россия была настолько удручена горестью, что не только моё перо, но и перо лучших писателей, не в состоянии выразить всего того, что всякий русский ощущал в душе своей, когда враги вторглись в пределы наши» [7, с. 257].

С первых дней войны произошла необычайная консолидация русского общества, которая была обусловлена тем, что оно оказалось перед перспективой потерять не только свои материальные блага (дворянство, купечество), собственную жизнь, но и в общенациональном масштабе потерять свободу, утратить национальную самоидентификацию. Недаром в документах 1812 г. мы встречаем обращение к героям прошлых веков Пожарскому, Минину: «Да найдёт он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не вникая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина» [12, с. 388]. Такое проведение параллелей оказывается абсолютным показателем времени, ввиду того, что такой масштабной угрозы собственной независимости Россия не видела более века. Большинство войн, в которых Российская империя участвовала, преимущественно проходили за пределами её территории, не угрожали обыденной жизни, а иностранные войска не были столь близки к столице. В поэтических произведениях того времени, как и в письмах, мы встречаем не только сравнение с временами иностранной интервенции начала XVII в., но и с нашествием войск Тамерлана.

Желание противостоять врагу, оказать собственное посильное участие в защите Отечества приобрело различные формы. Известно, что первый рескрипт Александра I к графу Н.И. Салтыкову, его речь перед

московским дворянством и купечеством и «воззвание...» произвели в обществе необычайное движение [10, с. 353-354; 2, с. 46]. Е.Ф. Комаровский в своих «Записках» приводит речь императора: «Вам известна, знаменитое дворянство, причина моего приезда. Император французов вероломным образом, без объявления войны, с многочисленною армиею, составленною из порабощённых им народов, вторгнулся в нашу границу. Все средства истощены были, – сохраняя однако же достоинство империи, – к отвращению сего бедствия; но властолюбивый дух Наполеона, не имеющий пределов, не внимал никаким предложениям. Настало время для России показать свету её могущество и силу. Я в полной уверенности взываю к вам: вы, подобно предкам вашим, не потерпите ига чуждого, и неприятель да не восторжествует в своих дерзких замыслах; сего ожидает от вас ваше отечество и государь» [11, с. 386].

Война велась не только на фронтах, но и на идеологическом поле, когда русское общество сознательно подготавливалось к необходимости противостоять наполеоновской Франции. Так, ещё до вторжения войск Наполеона государственный секретарь Александра I – А.С. Шишков опубликовал своё «Рассуждение о любви к Отечеству...», в котором вполне концептуально была высказана патриотическая позиция по вопросу определения Отечества, методов служения ему. Среди прочего, автор высказывался за отказ от иностранного воспитания и за приоритет родного языка, который по его выражению «есть душа народная, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел» [18, с. 44]. Во многом благодаря этому «рассуждению» в период войны сформировалась формула триединства «За Веру! Царя! Отечество!». Фигура императора позиционировалась как гарантия единства и силы Отечества перед лицом любых неприятностей, к тому же за верность монархии говорило и прошлое империи. На протяжении всей войны мы наблюдаем проявления патриотических настроений, которые выражались не только в выполнении служебного

долга. Так, например адмирал А.В. Ушаков, который к началу Отечественной войны уже был в весьма почтенном возрасте, на предложение возглавить дворянское ополчение дал следующий ответ: «С отличным усердием и ревностью желал бы я принять на себя сию должность и служить Отечеству, но с крайним сожалением за болезнью и великою старостью здоровья принять её на себя и исполнять никак не в состоянии и не могу. Посему и прошу почтеннейшее дворянское собрание меня от оной уволить и избрать другого» [9, с. 133-134]. Самая распространённая помощь выражалась в сборе пожертвований на созов Земских ополчений, об этом сохранилась масса свидетельств, начиная от императорских манифестов [4, с. 386-387; 12, с. 388] и заканчивая частными заметками. Генерал Волконский писал: «Граф Мамонов не токмо формирует полк, но и целым имением жертвует. Демидов так же даёт полк, и все набирают офицеров. Народ весь в волнении, старается узнать о сём наборе. Формировать полки хотят пешие и конные, принимать людей без меры и старее положенного...» [3, с. 138]. Интересным событием стала организация, под покровительством императрицы Елизаветы Алексеевны, Женского Патриотического общества, которое имело своей целью помощь пострадавшим от французского нашествия. Общество занималось сбором не только денежных средств, но вещей для нуждающихся. С.Н. Глинка, писал: «Под непосредственным покровительством императрицы Елизаветы Алексеевны составилось в Петербурге женское Патриотическое Общество. Многие из матерей, жён и дочерей наших героев вступили в оное. Тут во всей силе явилось торжество милосердия! Тысячи семейств, скитавшихся без пристанища, немедленно были разысканы, привезены и оживлены на поприще скорбного их бытия» [5, с. 309].

Начало войны с Наполеоном привело дворянское общество России в необычайно взволнованное состояние, дало новую возможность послужить на благо Отечества. Следует отметить, что ранее отправленные в отставку Павлом I офицеры и генералы

получили шанс проявить себя и вернуться к привычной военной жизни, а молодёжь александровской эпохи рвалась выказать собственную верность Отечеству, послужить на благо Отечества.

Первые месяцы войны оказались тяжёлым испытанием для русского дворянства, прежде всего в материальном отношении, о чём мы читаем в мемуарах Н.Н. Муравьёва: «Служба наша не была видная, но трудовая; ибо не проходило почти ни одной ночи, в которую бы нас куда-нибудь не посылали. Мы обносились платьем и обувью и не имели достаточно денег, чтобы заново обшиться. Завелись вши. Лошади наши истощали от беспрерывной езды и от недостатка в корме.... Я жил в кавалергардском полку у Лунина в шалаше. Хотя он был рад принять меня, но я совестился продовольствоваться на его счёт... Положение моё всё хуже становилось: слуги у меня не было, лошадь заболела мытом, а на покупку другой денег не было» [13, с. 94-95]. Одновременно с таким сложным материальным положением, в котором оказывались часто защитники Отечества существовало и иное восприятие происходящего: всеобщее воодушевление, вера в то, что они, граждане, исполняют свой долг и служат на благо *Отечества*.

Для воодушевления общества, поднятия патриотических настроений служили многочисленные рескрипты императора, воззвания церкви, листовки походных типографий, листовки московского генерал-губернатора. Безусловно, все эти документы выражали официальную позицию и демонстрировали единство правительства и народа, а необходимый результат достигался как за счёт апелляции к славному прошлому русского оружия, так и «Божьей милости»: «Православные, будьте спокойны! Кровь наших проливается за спасение отечества. Наша готова; если придёт время, то мы подкрепим войска. Бог укрепит силы наши, и злодей положит кости свои в земле Русской» [15, с. 217].

Значимыми являются и слова первого военного документа – рескрипта графу Н.И. Салтыкову, в котором Александр декларирует

и свою решимость противостоять «непобедимой армии» и упование на верность народа и покровительство Всевышнего: «...не остаётся Мне иного, как поднять оружие, и употребить все врученные Мне Провидением способы к отражению силы силою. Я надеюсь на усердие Моего народа и храбрость войск Моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их со свойственной им твёрдостью и мужеством. Провидение благословит праведное Наше дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести принудили Нас перепоясаться на брань. Я не положу оружия доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царствии Моём» [10, с. 353-354]. Стилль и настроение этого рескрипта превращают начавшуюся войну в *Священную*, такую, что сродни былинному противостоянию *Добра и Зла*. Отсюда возникает понимание праведности, освящённой Богом, поддержка и милость которого подчёркивается во всех последующих документах. Упование на Божью помощь читается и во всех документальных свидетельствах войны.

Отечественная война 1812 г., как никакое иное событие, вызвала к жизни всплеск патриотических чувств, стремление встать на защиту дорогого Отечества. *Отечество* понималось современниками как квинтэссенция православной веры, монархической власти, сумевших объединить народные стремления к созданию блага Отечества.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Виноградов В.В. История слов. – М.: Институт русского языка РАН, 1999. – 1138 с.
2. Воззвание к императору Александра I к первопрестольной столице от 6 июля 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. – М., 1962. – С. 46.
3. Волконский Д.М. Дневник 1812 // 1812... Военные дневники. – М., 1990. – С. 132-184.
4. Высочайше утверждённое предложение Великой Княгини Екатерины Павловны, изъяснённое в отношении к Министру Уделов, Гурьеву, – О сборе на временное ополчение воинов с имения, удел Её Высочества составляющего от 3 июля 1812 г. // ПСЗ РИ, Собр. 1, Т. XXXII. – СПб., 1830. – С. 386-387.
5. Глинка С.Н. Записки. – М.: Захаров, 2004. – 464 с.

6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
7. Двенадцатый год в записках Анны Ильинишны Золотухиной // Русская старина. 1889. Ноябрь. – С. 257-288.
8. Душкевич Д.В. Из воспоминаний // 1812 год в воспоминаниях современников. – М., 1995. – С. 110-130.
9. Известия Тамбовской губернии учёной архивной комиссии. – 1882. – № 56. – С. 133-134.
10. Именной рескрипт графу Салтыкову О необходимости поднять оружие к отражению Французских войск от Российских пределов. от 13 июня 1812 г. // ПСЗ РИ, Собр. 1, Т. XXXII. – СПб., 1830. – С. 353-354.
11. Комаровский Е.Ф. Записки // Комаровская Е.Л., Комаровский Е.Ф. Воспоминания. – М.: Захаров, 2003. – С. 227-439.
12. Манифест. – О сборе внутри Государства земского ополчения. от 6 июля 1812 г. // ПСЗ РИ, Собр. 1, Т. XXXII. – СПб., 1830. – С. 388.
13. Муравьев Н.Н. Записки. // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825. – М.: Правда, 1989. – С. 57-158.
14. Пыпин А.Н. Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I. – СПб., 1908. – С. 587.
15. Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года, или дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям её // Ф.В. Ростопчин. Ох, французы! – М.: Русская книга, 1992. – 336 с.
16. Сперанский М.М. Записки М.М. Сперанского о вероятности войны с Францией // Русская старина. – 1900. – № 101. – С. 57-65.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, в 4 т. – Т. 3. – М., 1987. – 491 с.
18. Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в Беседе любителей русского слова // А.С. Шишков. Огонь любви к Отечеству. – М.: Институт Русской Цивилизации, 2011. – С. 23-47.

УДК 929.7.035

Цветков В.С.

Московский государственный областной университет

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДВОРЯНСКОЙ ОПЕКИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.
(НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

V. Tsvetkov

Moscow State Regional University

**THE ORGANIZATION OF THE NOBILITY TRUSTEESHIP
IN THE SECOND HALF OF 19TH–EARLY OF 20TH CENTURIES
(ON THE EXAMPLE OF MOSCOW PROVINCE)**

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность дворянской сословной опеки во второй половине XIX – начале XX вв. Исследование функционирования института опеки ведётся на примере наиболее крупной из всех опеки России – московской уездной опеки, а также других уездных опеки Московской губернии. Основной задачей этой работы было описание проблем, с которыми сталкивалась дворянская опека в процессе своей деятельности. Несмотря на многочисленные проблемы, институт дворянской опеки продолжал успешно функционировать вплоть до 1917 г. Хотя уже проводились исследования дворянских опеки различных губерний России, данная работа является первой, которая затрагивает деятельность этого сословного института в Московской губернии.

Ключевые слова: дворянство, дворянское самоуправление, дворянская опека, предводитель дворянства, опекуновство, опека.

Abstract. The article explores the organization of the nobility trusteeship in the second half of the 19th – early 20th centuries. The author studies the nobility trusteeship functioning basing his research on the example of the nobility trusteeship of Moscow Uyezd and other trusteeships of Moscow Province. The main objective of this research is the description of the nobility trusteeship problems. The author states that the institution of nobility trusteeship was successfully functioning up to 1917 in spite of numerous problems. There have already been some researches made studying nobility trusteeships of various provinces of Russia, but this very article is the first research of Moscow Province nobility trusteeship.

Key words: nobility, nobility self-government, nobility trusteeship, marshal of the nobility, tutorship, trusteeship.

Одним из важнейших корпоративных институтов дворянского сословия в дореволюционной России была Дворянская опека. Началу существования Дворянской сословной опеки положило в 1775 г. «Учреждение о губерниях» [1, с. 23], по которому основным ее назначением было опекуновство над вдовами, сиротами, престарелыми, расточителями своего имущества [3, 166], душевнобольными, глухонемыми, спорщиками по наследству, должниками [7, с. 178].

Дворянские опеки существовали исключительно в рамках уездов, общегубернских органов не существовало. В уездах они находились в ведении уездных предводителей дворянства [3, с. 166], подчинялись окружным судам и губернским правлениям [2, с. 679].

В ведении московского дворянства находилось тринадцать опеки, по числу уездных дворянств. В качестве примера можно привести деятельность Московской дворянской опеки как наиболее крупной из всех уездных, если в последних насчитывалось не более нескольких десятков дел, то в Московской их число измерялось сотнями и превышало общее число опекуновств в остальных уездах. Так, в 1886 г. в ведении Московской опеки находилось 676

опекунств, а в остальных двенадцати уездных - было 117 дел¹.

Трудности, с которыми сталкивалась в своей работе Московская опека, были характерны и для других уездов с той разницей, что в силу её размеров они имели более значительный характер. О трудностях в ее деятельности можно судить по докладам московских уездных предводителей дворянства, бывших её председателями. Основными проблемами были: малое количество служащих канцелярии при большом объёме делопроизводства, малое финансирование, обилие неимущих опекунов, небольшое число желающих принять на себя обязанности опекунов, недостатки в законодательстве, приводящие к несогласованности действий с надзорными органами, отсутствие подходящего помещения для размещения канцелярии.

В рамках каждой дворянской опеки существовала канцелярия, штат которой зависел от величины уезда и количества дел. Назначались и увольнялись канцелярские служащие, как и в других сословных учреждениях дворянства, лишь с разрешения губернского правления [4, с. 69]. Оплата жалования осуществлялась по большей части из средств дворянства, и в меньшей степени из государственной казны.

Существовавшего штата опеки было недостаточно для её полноценного функционирования. Как отмечал в 1890 г. в отчёте московский предводитель дворянства князь П.П. Трубецкой: «ни одно из учреждений Москвы, старых и новых, не находится в таком неопределённом положении относительно состава служащих в ней чинов». Штат опеки был утверждён в 1775 г. при ее учреждении и составлял 9 человек: председатель (уездный предводитель), уездный судья и 2 заседателя прикомандированных от Московского уездного суда, секретарь и 4 чиновника. Тогда всего на опеку вместе с суммой на канцелярские расходы шло 149 руб. 61 коп.² По закону расходы эти покрывались из сбора на част-

ные дворянские повинности [3, с. 154]: «сбор на содержание канцелярий дворянских опекунов потребляемые на сей предмет расходы установленным порядком в смету частных земских повинностей» [6, с. 455].

На ранних этапах существования опеки, этого числа служащих было достаточно, но к середине XIX в. число дел значительно увеличилось, что вело к нехватке служащих. Дворянству было трудно найти чиновника, который согласился бы работать сверх штата за неопределённый оклад и в случае отсутствия средств остаться без жалования³. Стало не хватать не только служащих канцелярии, но и отпускаемых на её содержание средств. Председателям пришлось встать перед выбором: или закрывать опеку, или тратить на её содержание собственные средства. Они избрали последнее. «С тех пор вошло в обычай вместе со званием московского уездного предводителя дворянства принимать и все расходы по дворянской опеке», – говорил П.П. Трубецкой.

На 1881 г. в московской опеке состояло уже 11 служащих: председательствующий уездный предводитель, 2 члена присутствия, секретарь, один приходорасходчик, столоначальник, 2 его помощника, канцелярский чиновник, регистратор и архивариус. Члены присутствия опеки избирались собранием, в их задачу входила ревизия отчётов, надзор над канцелярией и денежными суммами. Секретарь был ответственным лицом по опеке и делопроизводству⁴.

В 1881 г. на содержание служащих Московской опеки требовалось 4120 руб. в год⁵. Сумма ассигнований была повышена, но и ее не хватало на содержание опеки и её канцелярии, притом, что общая стоимость имуществ, ей заведомых, составляла 15 миллионов рублей.

Предпринимались многочисленные попытки различными способами увеличить финансирование опеки. Ещё в 1861 г. уездный предводитель, говоря об улучшении ее материального положения генерал-губернатору

¹ Центральный исторический архив Москвы (далее: ЦИАМ). Ф. 380. Оп. 4. Д. 183. Л. 46.

² ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1-10.

³ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 183. Л. 46.

⁴ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1-10.

⁵ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1-10.

Тучкову, просил разрешение на получение канцелярией, в качестве дополнительного содержания, процента с опекунских доходов. Ходатайство было отклонено, генерал-губернатор предложил опекунам добровольно внести средства на увеличение содержания канцелярии. Первые годы собиралось до 4000 руб. в год, что и позволяло иметь достаточное число канцелярских чиновников¹. Несмотря на хорошие сборы, добровольные взносы были неудобны из-за неопределенности взносов, необязательности их выполнения и необходимости делать напоминания о взносах, к тому же такой практики не было ни в одной губернии.

К концу 1880-х гг. многие опекуны отказались от взноса, т. к. он не был установлен законом, сумма сборов уменьшалась с каждым годом и снизилась наполовину. К тому же увеличилось число неимущих опеков, ничего не вносивших. Бюджет опеки стал дефицитным, была потеряна возможность нанимать квалифицированных служащих. Вновь уездным предводителям пришлось тратить собственные средства [8, с. 7-8].

17 января 1887 г. Московское дворянское собрание решило ходатайствовать перед предводителем о разрешении взимать ½% сбора со всех имуществ, находящихся в ведении опеки для увеличения средств её содержания. В год предполагалось собирать 4000 руб. Но правительство отклонило ходатайство на том основании, что невозможно было ввести сбор только на территории одного уезда. Для этого было необходимо, чтобы все опеки губернии были сосредоточены в ведении Московского уезда.

Помимо введения сбора, объединение опеков должно было увеличить средства Московской опеки на 4950 руб. в результате соединения бюджета всех опеков. Однако большинство уездных дворянств отказались присоединить свои опеки к Московской. К ней отошли только малочисленные Волоколамская опека (в 1881 г.) и Богородская (в 1914 г.).

Собрание предводителей и депутатов дворянства 1890 г. решило, что единственным

источником для увеличения содержания Московской уездной опеки было увеличение ассигнований из частных дворянских повинностей, в результате чего содержание было увеличено с 4100 руб. до 7500 руб. в год, что было больше, чем ассигнования на все другие уездные опеки. На каждую из них (кроме Московской) в год выделялось 550 руб., что составляло в общей сложности 4950 руб.² К 1890 г. содержание всех уездных опеков обходилось дворянству Московской губернии в 17700 руб. [5, с. 47].

Органы дворянской опеки могли вступать в конфликты с государственными учреждениями, которым они были подотчетны. Это происходило из-за ошибок в законодательстве, не учитывавших несогласованность в работе сословных и государственных учреждений. Например, в 1869 г. в докладе комиссии по составлению московским дворянством проекта устава дворянской опеки говорилось, что Гражданская палата, которой принадлежал контроль над опекой и ревизия опекунских отчетов, не рассматривала при контроле качество управлений имениями, а акцентировала внимание на оформлении отчетной документации³.

В докладе московского уездного предводителя дворянства князя П.П. Трубецкого в 1881 г. указывалось, что «выше стоящие инстанции плохо представляют себе особенности функционирования опеки, часто спуская распоряжения, которые при их исполнении приносят ущерб интересам опекаемых», в частности примером подобных решений были определения в опекуны людей, не вызывающих доверия. К тому же вышестоящие учреждения следовали букве закона и не обращали внимания «на нравственные и экономические потери от их исполнения». Подчас отклонённые кандидаты в опекуны обращались в окружной суд, доказывая в нем, что опека не способна в полной мере обеспечивать интересы опекаемых. Суды вставали на стороны истцов и предписывали назначить их опекунами, хотя те могли сами находиться под опекой. В качестве

¹ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 183. Л. 42-46.

² ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 183. Л. 42-46.

³ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 183. Л. 1-7.

примера некомпетентности в вопросах опеки окружного суда Трубецкой приводил опекунов над 13-летней сиротой, чьё имя Трубецкой не указал. Девочка была дочерью дворянина и крестьянки. После смерти отца она воспитывалась семьёй матери. Через некоторое время сирота получила наследство, состоящее из двух домов в Москве, доставшихся ей после смерти бабушки (матери отца). Девочка была взята под опеку дворянства и помещена в образовательное учреждение, подобающее её статусу (Александровский институт). Опекой было назначено два, с точки зрения опеки, благонадёжных опекуна над личностью и имуществом сироты (мужчина и женщина). Дальний родственник сироты, которому самому было 24 года, заявил права на опеку. Несмотря на его неблагонадёжность, окружной суд сделал его соопекуном вместе с двумя другими, назначенными дворянством. Желая стать единственным опекуном, дальний родственник всячески оскорблял других опекунов и распускал про них нелепые слухи, якобы о злоупотреблении ими своим статусом. Несколько раз опека отстраняла его, но окружной суд каждый раз восстанавливал родственника сироты в правах. Но при плановой ревизии нашлась недостача со стороны родственника, опека отказалась исполнять решение суда, и жалоб со стороны бывшего опекуна больше не было. Дальний родственник сироты не оставил попыток стать единоличным опекуном над богатым наследством. Он нашёл мать девочки – женщину, выросшую в бедной крестьянской семье, живущую в дальней губернии и находящуюся под опекой по причине недееспособности. При поддержке семьи матери, желавшей получить свою выгоду, бывший опекун засвидетельствовал её как полностью здорового человека и потребовал от её имени полную опеку над собственностью дочери. В случае успеха, прикрываясь именем матери девочки, фактическим управляющим всей собственностью сироты становился бывший опекун, но представители дворянства не позволили матери девочки стать опекуном. На этот раз суд встал на сторону опеки.

Дворянская опека испытывала трудности с назначением опекунов. Это было связано не только с ограничениями для опекунов, основным из которых должна была быть благонадёжность. По сведениям московского уездного предводителя дворянства князя П.П. Трубецкого, изложенным в его докладе, за 1881 г. только в небольшом количестве опеки из всех 509 дел по Москве можно было назначить опекунами наиболее логичных кандидатов – родителей или родственников. В большей части случаев опекунов приходилось приглашать самой дворянской опеке, что было сложно сделать из-за непривлекательности большинства опекунов, т. к. в Московском уезде не было крупных капиталов. К 1881 г. в ведении Московской опеки было 509 дел, из них: 135 (26,5%) имели капиталы, дома в Москве и недвижимые имущества в других губерниях, а 333 (65%) были неимущими.

Из-за многочисленности бедных опекунов и небольшого числа желающих возглавить их у одного опекуна в ведении было вплоть до 25 дел. Мало кто соглашался опекать непродуктивные производства, эта работа была сложной и не прибыльной¹. Так, в 1859 г. при назначении опекуна в имение графа И. В. Зотова, обременённого долгами, богородский предводитель дворянства предложил принять эту должность двум дворянам своего уезда, которые полностью подходили под требования, но оба под различными предлогами отказались от предложения².

Подчас опекунам приходилось тратить собственные средства, например, на оплату обучения сирот, не имеющих наследства, доходы с которого могли бы покрыть эти расходы. Дворянская опека не имела прав принудительно назначать дворян опекунами, хотя известно четыре случая, когда по особой просьбе некоторые из дворян принимали на себя звание опекунов с благотворительной целью. Чаще всего приходилось назначать опекунами к неимущим сиротам их собственных бедных матерей или нуждающихся родственников, которые не могли позволить себе оп-

¹ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1-18.

² ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 140. Л. 1-6.

лату пребывания ребёнка в воспитательном учреждении.

Для решения данной проблемы по инициативе П.П. Трубецкого и при поддержке всех уездных дворянств в 1881 г. была учреждена Сиротская касса, откуда выплачивались пособия в размере от 60 до 120 руб. в год на одного сироту¹. В 1891 г. сумма, выделенная из капитала на помощь неимущим опекунам, составила 10332 руб. в год².

Помимо финансовых и других проблем, Московская опека испытывала сложности с размещением канцелярии. Изначально она располагалась в бесплатном помещении в Казённой палате (здании присутственных мест). К очередному губернскому собранию дворянства в январе 1884 г. было подано предложение в собрание предводителей и депутатов дворянства, в котором объяснялась невозможность дальнейшего пребывания её в помещении по причине его ветхости. Опека предупреждала о возможной полной остановке делопроизводства. В предложении говорилось о необходимости немедленно озаботиться поисками нового помещения для опеки. Было принято решение, по которому для того, чтобы опека смогла снять для себя более удобное помещение, нужно увеличить её финансирование за счёт присоединения к московской трёх малочисленных уездных опекам, в результате чего бюджет увеличился бы на 1650 руб. Но решение так и не исполнили. Затем здание присутственных мест было отобрано у опеки губернской администрацией с указанием, что она, как сословное учреждение, не имеет права занимать помещение дома, принадлежащего ведомству Министерства внутренних дел и находящегося во владение городского общества. С 1 марта 1885 г. опека переехала на временное место в здании Сенатской типографии, принадлежащее Министерству юстиции, располагавшееся на углу Театральной площади и Охотного ряда. Помещение было не приспособлено не только для канцелярской работы, но и для приёма посетителей, т. к. чтобы попасть в

канцелярию, было необходимо подняться по крутой лестнице, строившейся для подсобных нужд, а не для обслуживания общественных мест. Под предлогом крайне неудобного входа в помещение некоторые опекуны пожелали отказаться от этого звания, говоря, что не имеют сил постоянно подниматься по этой крутой лестнице [8, с. 2-4].

По подсчётам московского предводителя дворянства П.П. Трубецкого, московской опеке требовалось пять комнат. Предполагалось разместить её в доме Российского благородного собрания, но, как оказалось, такого количества помещений в нём не было, а имеющиеся нельзя было приспособить. В результате проблема размещения так и не была решена³.

Московская опека имела постоянные затруднения в работе из-за несоответствия установленного в конце XVIII в. штата и финансирования с реалиями XIX в., охарактеризовавшегося увеличением числа опекунов. Проблемы с нехваткой служащих, помещений и опекунов, в конечном счете, сводились к проблеме недостаточного финансирования опеки. Решение проблем требовало значительных денежных средств, но даже если удавалось увеличить финансирование, то большая часть полученных денег уходила на решение новых проблем. Деятельность московской опеки является примером функционирования всех аналогичных учреждений Московской губернии, ее проблемы были характерны и для других уездных опекам. Несмотря на многочисленные трудности, дворянская опека не прекращала работы и продолжала функционировать до 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бобровников В.Г. Благотворительность в дворянских обществах (1775–1917 гг.). // Клио: Журнал для ученых. – № 4 (39). – 2007. – С. 23–26.
2. Корелин А.П. Дворянская опека // Отечественная история: энциклопедия в 5 т. – Т. 1: А–Д. – М., 1994. – 736 с.
3. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг. – М.: Наука, 1979. – 420 с.

¹ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1–36.

² ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 309. Л. 23.

³ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 183. Л. 42–43.

4. Литвинова Т.Н. Дворянская опека Воронежской губернии в первой половине XIX в. // Из истории Воронежского края: сборник статей. Вып. 13. – Воронеж, 2005. – С. 69-81.
5. Московское губернское очередное дворянское собрание, (18) 26 февраля 1890 г. – М.: Унив. Тип., 1890. – 106 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – Т. XI. Отд. 2-е. – СПб., 1836. – 893 с.
7. Рянский Л. Источниковедческая характеристика дел об опеке дворянских имений (первая половина XIX в.) // Источниковедение отечественной истории. – М., 1981. – С. 178-189.
8. Трубецкой П. П. Докладная записка членам собрания господ предводителей и депутатов Московского дворянства, составленное Московским уездным предводителем дворянства, по вопросу о материальном обеспечении Московской дворянской опеки. – М., 1885. – 12 с.

УДК 94(47).083:37.01

Ватник Н.С.

*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт (г. Коломна)*

«ШКОЛЬНЫЙ ФАКТОР» В САМОУБИЙСТВАХ УЧАЩИХСЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

N. Vatnik

Moscow State Regional Social-humanitarian Institute, Kolomna

«THE SCHOOL FACTOR» IN STUDENTS' SUICIDES IN CENTRAL RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Аннотация. Рассмотрены в качестве социального явления самоубийства учащихся средних учебных заведений в начале XX в. С привлечением архивных документов проанализированы их причины, связанные с событиями учебной жизни: страхи перед получением плохих оценок, конфликты с преподавателями, упреки родителей в связи с низкой успеваемостью, переживания из-за обучения и проживания вне семьи. Изучены и типизированы конкретные обстоятельства, подтолкнувшие молодых людей к роковому шагу. Приведены оценки родителей, педагогов и учеников фактов самоубийств школьников.

Ключевые слова: позднеимперская Россия; средняя школа; самоубийства учащихся.

Abstract. The article presents secondary school students' suicides at the beginning of the 20th century as a social phenomenon. Using the documents from the archives the author analyses the reasons of suicides connected with the school life factors. They are: fear of getting bad marks, conflicts with teachers, and parents' disapproval of poor studying, living without family. The author estimates and typifies some specific circumstances, making young students commit suicides. The article gives examples of teachers', parents' and students' attitude to such suicides.

Key words: late imperial Russia, secondary school, students' suicides.

На рубеже XIX–XX вв. требовало серьезного реформирования центральное звено российской системы образования – средние учебные заведения. Постоянными стали критика прессой, педагогами и родителями «толстовско-дедяновской» школы. Со своей стороны, полиция и учебное начальство фиксировали в губернских и уездных городах деятельность нелегальных ученических кружков, групп и союзов (академических, политических). В гимназиях и реальных училищах происходили волнения, бунты, забастовки и демонстрации [7, с. 84-111]. Невиданную организованность и массовость «беспорядки» приобрели в годы Первой

русской революции, получив название «школьная смута».

Однако самый громкий резонанс в обществе и ученической среде вызывали случаи самоубийств учащихся. По большей части они отмечались среди воспитанников V–VIII классов, т. е. в возрастной группе примерно с 15 до 19 лет. На рубеже XIX – XX вв. ежегодные показатели юношеских суицидов демонстрировали тревожную положительную динамику. Министерство просвещения в 1898 г. учло 19 таких фактов, в 1899 г. – 12, в 1900 г. – 14, 1902 г. – 31, в 1903 г. – 27, в 1905 г. – 25, в 1906 г. – 44, в 1907 г. – 74, в 1908 г. – 83, в 1909 г. – 143, в 1911 – 242, в 1912 – 251 [2; 8, с. 36–37]. Причем рост числа самоубийств в школах превосходил темпы увеличения ученического контингента. Закономерное беспокойство общества отразилось во многих статьях в газетной периодике («Слово», «Речь» и др.), в педагогических («Русская школа», «Вестник воспитания» и др.) и медицинских («Практический врач») изданиях; проблема самоубийств как неотложная рассматривалась на Всероссийском съезде по народному образованию в 1913 г. [3, с. 88].

Юношеский суицид изучен психологами и педагогами, которые оценивают его как неадекватную реакцию неустойчивой психики взрослеющего молодого человека на непонимание со стороны близких ему людей, а в более широком плане – на несовершенство окружающего мира. Однако не только возрастные комплексы подталкивали подростков в начале XX в. к роковой черте. И современники, и исследователи в настоящее время [наиболее значимые работы: 4; 5] увязывают такое нарастание числа самоубийств, в значительной степени, с состоянием социума, находящегося в стадии перелома и отрицания традиционных ценностей, неясности общественных перспектив, кризиса семьи и школы, духовной катастрофы в целом [1, с. 116–120; 2, с. 117; 3, с. 87–88; 4; 7, с. 151; 8, с. 36]. В контексте личных переживаний это отражается в ощущении подростком собственной никчемности, одиночества и отсутствия смысла жизни, в обостренной реакции на не-

удачи в значимых сферах деятельности (учебе), в нетерпимости к замечаниям взрослых и пр. А ситуация в империи кануна и событий 1905–1907 гг. характерна концентрацией неблагоприятных факторов для психического здоровья и взрослых, и юношества. В после-революционное время учащаяся молодежь, разочаровавшись в практике и результатах «освободительного движения», «погрузилась в бездну» пьянства и «упадничества», что привело к нарастанию числа юношеских самоубийств.

Локальные рамки исследования ограничены учебными заведениями центрально-русских губерний, т. е. территорией Московского учебного округа (самого крупного в России), на долю которого в 1905 г. пришлось более трети всех суицидов, а в 1906 г. «лидировавшего» в империи по приросту числа самоубийств [5, с. 179–181]. Укажем, что как самостоятельный суицидальный компонент в истории образования в регионе специально ранее не рассматривался.

Обращение к документам Врачебно-санитарной части Министерства народного просвещения¹, Департамента полиции² Канцелярии попечителя Московского учебного округа³ и периодике позволяет выявить причины, по которым учащиеся начала XX столетия пытались уйти из жизни. Это: конфликты с родителями, обстоятельства школьной жизни, несчастная любовь, потеря близких, болезнь, психическое нездоровье, алкоголизм; имели место неосторожное обращение с оружием, немотивированные акты, а также сочетания причин. Предметом рассмотрения являются суицидальные факты, связанные с учебной деятельностью школьников. А они, как следует из анализа донесений директоров школ и учетных документов за 1901–1916 гг., составляли большинство: не менее 50–70% случаев⁴.

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733.

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102 ОО

³ Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 459.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 1228, 1434; Оп. 166. Д. 119,

Систематизируя «школьные причины» самоубийств, можно выделить четыре группы: 1) не успешность в учебе и страх перед получением плохих оценок; 2) конфликты с преподавателями; 3) упреки родителей (родственников) в связи с низкой успеваемостью; 4) страдания из-за обучения и проживания вне семьи. Вместе с тем, учитывая условность группировки, нами выделялась в каждом случае доминирующая причина.

Среди мотивов, подтолкнувших ученика к роковому поступку, основное место занимали трудности в усвоении учебного материала и страхи по поводу неудовлетворительной оценки (текущей или за контрольную работу). Приведем типичное. 30 октября 1906 г. ученик 3-й Московской гимназии Тихомиров повесился, узнав, что инспектор пригласил его мать в гимназию в связи с жалобами учительницы французского языка Степановой на успеваемость сына. По словам одноклассников, Тихомиров просил педагога дать возможность исправить двойку, но получил отказ (двойка за четверть грозила ему, второгоднику, «выходом из гимназии»). 7 марта 1911 г. бросился под поезд четвероклассник Смоленской губернской гимназии 15-летний Самуил Караулов. Комментируя факт, директор гимназии указал в донесении попечителю учебного округа, что Караулов был «слаб по успехам, ... во 2-й четверти имел «двойки» по шести предметам». В 1-й Нижегородской гимназии 16 декабря 1911 г. отравился раствором карболки Павел Русейкин. Он повторно обучался в IV классе и не успевал по нескольким предметам. По наблюдению преподавателей, ученик «представлял собой натуру замкнутую», к занятиям относился апатично и часто отказывался от ответа на уроках», «скрывал от матери настоящее положение дела, видимо, боясь строгого с её стороны к себе отношения»¹.

Но особо велика была тревожность школьников в связи с переводными (выпускными)

экзаменами. Они провоцировали нервное напряжение, которое могло сформировать настроение безысходности, особенно, если неудача грозила увольнением или повторным обучением. Поэтому на апрель – июль приходится множество ученических суицидов. В 1905 г., 3 мая, из-за неперехода в следующий класс отравился 19-летний учащийся Лазаревского института И. Мангосаров, а 11 июня в Нижнем Новгороде застрелился ученик 2-го класса А. Тер-Захорянц, оставленный на второй год. 8 мая 1906 г. застрелилась воспитанница гимназии Л.Ф. Ржевской в Москве 17-летняя Д. Вишневская, не допущенная к устным испытаниям за VII класс². 11 мая 1910 г. учащийся III класса Костромского реального училища Михаил Плешаков, получив двойку по черчению, выпил денатурированной спирт (врачебная помощь спасла ему жизнь). При разбирательстве происшествия выяснилось, что реалист боялся не выдержать испытаний после каникул и «сидеть второй год в III классе». К тому же родители обещали взять сына из училища, и мысль о прекращении учебы, «не окончивши курсу», очень «удручала его»³. 26 мая 1910 г. бросился в воду с баркаса ученик V класса Нижегородского дворянского института 17-летний С. Персенин; спасенный, он объяснил полицейским, что «хотел лишиться своей жизни вследствие неудачных экзаменов»⁴.

Ограничившись этими примерами (в рамках первой группы суицидальных причин), приведем случай, иллюстрирующий влияние эпохи на мотивы роковых поступков. Речь идет о покушении на самоубийство Михаила Григорова – выпускника Рязанской гимназии Н.Н. Зелятрова: в ночь на 28 января 1916 г. он выстрелил себе в грудь из револьвера (ранение было нетяжелым, и через 17 дней ученика выписали из больницы с перспективой операции по удалению пули). Здесь показательны предшествующие обстоятельства. В декабре 1915 г. Григоров, со-

350; Оп. 199. Д. 33, 93, 96, и др.; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4241, 4242, 4246, 4557, 4560, 5149, 5151, и др.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 93. Л. 194-194 об, 208, 221-226, 239; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 6002. Л. 43; оп. 3. Д. 6296. Л. 2.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 33. Л. 65 об; Д. 93. Л. 194-221; Д. 96. Л. 71-71 об, 89.

³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 5732. Л. 86, 86 об.

⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 5732. Л. 98-100.

гласно прошению, был допущен к январским «испытаниям зрелости» для досрочного получения аттестата и поступления в военное училище. К такому решению его подталкивал не только патриотизм, но и желание заменить на фронте брата, оказавшегося в германском плену. Учителя выразили сомнение в подготовленности воспитанника к экзаменам, но педагогический совет «не счел себя вправе отказывать ученику». С 11 января начались экзамены для Григорова и его товарища – В. Ильина. И если у Ильина были «отличные успехи», то Григорову преподаватели не только «оказывали снисхождение», но и помогали «особливо при исполнении письменных работ», считая «непатриотичным задерживать в гимназии ученика», желавшего «по окончании курса поступить в ряды войск». Однако «легкомысленно проведенные святочные каникулы» дали предсказуемые результаты: по отдельным предметам знания выпускника были оценены «баллом ниже 2-х». И узнав о принятом 27 января неблагоприятном постановлении педагогического совета, Григоров совершил ужасный поступок.

Показательна реакция педагогов, местного общества и товарищей Григорова. Собравшийся утром 28 января педагогический совет (с участием представителей от родительского комитета и «общества») признал, что гимназия не допустила ничего, чтобы подтолкнуть ученика «на столь неблагоприятный шаг». Председатель губернской земской управы Л.И. Кученев «выразил солидарность с действиями педагогического персонала»; со своей стороны, рязанское общество, осудив покушение, посчитало, что «действия педагогического совета были совершенно правильными»; «неодобрительно» отнеслись к поступку Григорова и одноклассники. Происшествие завершилось благополучно – ученику разрешили пересдать экзамены в апреле-мае. Однако семья предпочла иное: 16 марта матерью было подано прошение об увольнении сына из гимназии, и позднее он был «прикомандирован вне очереди в качестве юнкера к Алексеевскому военному училищу»¹.

¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7901. Л. 88-95, 106-108.

Случаи суицидов на почве только неприязненных отношений с педагогами редки – чаще конфликты осложнялись как проблемами в учебе и поведении учеников, так и бестактностью взрослых; влиять могли нервозность и неадекватная реакция молодых людей на несправедливую оценку или несоразмерное наказание. 1 февраля 1905 г. В. Сизов – ученик Московского Александровского коммерческого училища застрелил преподавателя английского языка Мак-Киланда и застрелился сам (педагог был известен придирками и объяснялся с начальством по поводу нетактичного отношения к ученикам)². В апреле 1914 г. выстрелил в себя тульский гимназист VII класса Алексей Гумилевский. По словам директора, покушавшийся окончил третью четверть с «двойками» по русскому языку и математике, отличался психической неуравновешенностью и нервозностью, «оскорблялся» на замечания преподавателей³. Неожиданное развитие имело отравление Б. Петрова – ученика VI класса Московской 7-й гимназии. 19 марта 1916 г., после получения по латыни отметки «2», Петров, хлопнул крышкой своего ученического стола и с шумом бросил книгу, а когда преподаватель попросил его оставить класс, он, выходя, с силой захлопнул дверь. Через несколько минут ученик принял в коридоре яд (26 марта скончался в Старо-Екатерининской больнице). Мать погибшего, в письмах в инстанции, обвинила в случившемся учителей: они «прижимают своих учеников двойками по учебным предметам, двойками по поведению, выключают... живых и способных из гимназии»; отставной латинист Е. Браун назван ею беспощадным, «формалистом до мозга костей», «молотом, не разбирающим, по чему ударить». И хотя директор опроверг эти обвинения (учителя-латинисты – знатоки языка и гуманны, а Петров – учился неровно и «при объяснении со старшими допускал ничем необъяснимый тон»), информация о происшествии была затребована для доклада

² РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 33. Л. 64 об; Русские ведомости. 1905. 2 февраля.

³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7117. Л. 86.

министру просвещения¹.

Среди причин суицидов – сложные отношения с родителями из-за трудностей в учебе. Здесь речь идет о гипертрофии чувства стыда по поводу плохих оценок, страхе перед наказанием и упреками в нерадивости. К примеру, 20 апреля 1906 г. выстрелом из револьвера покончила с собой 18-летняя ученица VI класса Тульской женской гимназии О. Аристова – она скрывала от родителей неудачи в учебе и второгодничество². 13 мая 1910 г. попытка отравиться В. Быстров – учащийся VI класса Московской 4-й гимназии, не допущенный к переводным испытаниям по четырем предметам (два года обучался в V классе). Спасенный врачами, он пояснил, что «чувствовал неловкость своего положения перед родными, в особенности, если бы его уволили из гимназии». Согласно архивным материалам, Быстров принадлежал к бедной мещанской семье и (вместе с больной матерью) находился на содержании старших братьев и сестер. Последние неоднократно ругали его за небрежное отношение к занятиям³.

При анализе документов о суицидах обнаружилось примечательное явление – родители погибших, занимая низкие ступени социальной лестницы, связывали с получением детьми образования надежды на изменение статуса семьи. Как следствие, они, нетерпимые к учебным неудачам своих отпрысков, укорами подталкивали их к смертельному шагу. Так, 25 января 1914 г. совершил попытку самоубийства ученик VII класса Московской 7-й гимназии двадцатилетний Владимир Круковский – сын крестьянина, служившего на Александровской железной дороге. При рассмотрении обстоятельств, выяснилось: у Круковского были «холодные» отношения с отцом, который требовал, чтобы тот хорошо учился. Родитель же заявил, «что сын его должен понимать, что отец ничего не жалеет и тратит последние трудовые деньги на то,

чтобы он вышел в люди, и он, со своей стороны, должен не лентяйничать...»⁴. «Суровое обращение с детьми» сельского диакона П. Некрасова послужило поводом к отравлению (8 февраля 1914 г.) его сына Константина – воспитанника Егорьевской гимназии (был спасен)⁵.

Неразвитость сети учебных заведений обусловили проживание части учеников вне дома – у родственников, на съемных квартирах, в общежитиях. Для детской психики это серьезное испытание, поэтому одиночество, тоска по семейному теплу вкупе с неудачами в учебе могли ввергнуть подростка в состояние глубокой депрессии. В архивах сохранились последние записки покушавшихся, которые вопиют о таких страданиях. Приведем типичное. 23 октября 1913 г. выстрелил в себя (не смертельно) Антоний Тарновский – учащийся VI класса Нижегородского частного реального училища, чья семья проживала в Туле. В прощальном письме 18-летний юноша написал: «...Тяжело в 6 лет уехать в закрытое учебное заведение, и теперь с издерганными нервами вспоминаю детство неутешительное». И откровенно: «...Хочется ласки – страстно хочется положить голову на колени к маме, а она гладила бы по голове рукою и плакала бы вместе со мною»⁶. 14 февраля 1911 г., на ученической квартире, выстрелил себе в висок семиклассник Шуйской гимназии Николай Миненков (остался жив). По мнению педагогов и врача, «причина несчастья кроется в оторванности его от семьи. Мать, братья и сестры относились к Миненкову равнодушно, человеческого достоинства в нем не уважали». В Шуге у него родных не было – мать жила на станции Мга (под Петербургом), а брат служил на Восточно-Китайской железной дороге⁷.

Приведенная выше группировка причин суицидов не охватывает нюансов ситуаций, и реалии характерны сочетанием причин. Так, 7 марта 1914 г. покончил с собой 16-летний уче-

¹ Русские ведомости. 1905, 2 февраля; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7901. Л. 28, 28 об, 35-38, 40-41.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 33. Л. 65 об; Д. 93. Л. 194-221.

³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 5732. Л. 75-76, 79.

⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7117. Л. 42, 44.

⁵ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7117. Л. 33.

⁶ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7117. Л. 1, 2, 14-15.

⁷ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 6002. Л. 12-13.

ник III класса Сычевской гимназии Николай Коновальцев – сирота, проживавший у дяди, сельского священника. Он тяжело переживал положение «нахлебника в доме»; впечатлительный, с натурой «болезненно-поэтической и художественной», учился плохо – в каждом классе оставался на повторный курс, скрывая от опекунов неудачи. Его предсмертная записка содержит стихотворную «молитву к матери» и карандашный рисунок с изображением детской фигуры, стоящей на коленях и воздевающей руку к небу. Другой пример. 2 июня 1912 г. выпил нашатырного спирта Георгий Бобров пятиклассник Тверского частного реального училища (спасен). Объясняя в записке свой поступок, он ссылается на «упреки домашних» и предчувствие, что его «провалят» на осенней переэкзаменовке по математике: «Меня не хотят оставлять сразу, хотят мучить сомнениями и неизвестностью целое лето, чтобы потом все равно оставить на второй год. Конец. Упреки без конца, я их не вынесу»¹. Известен факт самоубийства в марте 1905 г. ярославского гимназиста Н. Панова, по мнению товарищей, затравленного учителями по политическим мотивам – но это скорее исключение, чем правило.

Ненормальность происходящего была очевидна. Однако первоначально сообщенные директорами школ тревожные случаи не становились предметом серьезного обсуждения в Министерстве народного просвещения. В этом отношении показательна резолюция министра В.М. Глазова на донесении попечителя Московского учебного округа (19 марта 1905 г.) о самоубийстве Н. Панова: «Надо подогнать итог самоубийств за последнее время; полагал бы потребовать участия пастырей, словом, каких-нибудь мер, чтобы не обратилось в эпидемию»². Ведомство просвещения оказалось способным переложить заботы о душевном состоянии юношества на священников и поручить Врачебно-санитарной части вести учет самоубийств [6].

Между тем суициды будоражили ученическую среду и в условиях социальной неста-

бильности, особенно в 1905-1907 гг., могли провоцировать протестные акции учащихся. Так, на похоронах вышеупомянутого Тихомирова (ноябрь 1906 г.) участники процессии, вопреки требованию полиции, несли венки с красными лентами и надписью «Жертве произвола». На кладбище к собравшимся обратился студент С. Тихомиров (брат погибшего): «Кто виноват в этой смерти? Я скажу, что никто и все. Кому мстить? Никому и всем. Были тысячи жертв – будут миллионы. Поклянемся же, товарищи, бороться до конца!»³. Окружавшая могилу толпа ответила «Клянемся!». Непокойная ситуация сохранялась в гимназии около месяца – старшеклассники настаивали на удалении инспектора, виновного, по их мнению, в гибели товарища⁴. Антиправительственный характер носили в Ярославле (март 1905 г.) похороны гимназиста Н. Панова. По данным полиции, участники процессии (около 2000 чел.) – гимназисты, лицеисты-демидовцы, воспитанники духовной семинарии – несли венки с надписями «От младших товарищей жертве борьбы роковой» и «Долой самодержавие»; шествие сопровождалось пением «Марсельезы». Выступавшие на кладбище ораторы называли самодержавие главным виновником ухода из жизни молодого человека. Лозунги «Да здравствует свобода! Долой самодержавие!» толпа встретила криками «Да здравствует революция! Да здравствует свобода! Долой царя-убийцу! Долой шпионов!»⁵

В более спокойные времена протест не выходил за стены учебных заведений, но формы его проявления зависели от организованности школьников. Так, в Смоленске в начале 1914 г. произошли две трагедии – повесилась ученица Мариинской гимназии Курнатовская и застрелился воспитанник частной гимназии Воронина Кушинский. И если первый случай их товарищи объясняли «общечеловеческой подкладкой» (скука жизни, нежелание быть обыденной и отсутствие сил вырваться из

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 93. Л. 224-226.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 166. Д. 799. Л. 150-151об, 177 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 102 ОО. 1905. Д. 3. Ч. 122. Л. 14-15, 17 об. 19 об. 21.

¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3 Д. 6296. Л. 114, 116, 118.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 33. Л. 9.

среды «серых людей»), то второй – связывали с несправедливым исключением из гимназии. По данным полиции¹, возмущенные учащиеся организовали несколько сходок, выпустили листовки с призывами к забастовке и образовали «Лигу борьбы с самоубийствами учащихся». Однако попытки провести забастовку были безуспешны (из-за раскола среди гимназистов), и дело ограничилось петицией с требованием изменить школьный режим.

Итак, в начале XX в. суициды превратились из трагических эпизодов в тревожное явление ученической среды. Преобладание школьных мотивов в причинах юношеских самоубийств свидетельствовало о серьезных изъянах в системе образования: перегрузке школьников, авторитарности учебного и воспитательного процесса, слабом учёте психологии ученика, оторванности семьи от школы, неразвитости внеурочной работы. Обеспокоенность общества и протестные настроения учащихся обусловили инициирование в 1915-1916 гг. министром просвещения П.Н. Игнатьевым реформы российского среднего образования (к сожалению, оставшейся незавершенной).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг. Становление «нового человека». – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. – 238 с.
2. Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX в. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 216 с.
3. Завражин С.А. Самоубийства среди учащихся в дореволюционной России (из истории вопроса) // Педагогика. – 1992. – № 9-10. – С. 86-88.
4. Лярский А.Б. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX-XX веков. – СПб.: Изд-во МИЭП, 2010. – 383 с.
5. Могильнер М.Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 208 с.
6. Самоубийства, покушения на самоубийство и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений Министерства народного просвещения... / М-во нар. прос. Врачеб.-сан. ч. учеб. заведений. – СПб.-Пг.: Сенат. тип.- Книгопеч. Шмидта, 1906-1916. (Издание ежегодное).
7. Ушаков А.В. Демократическое общество России в борьбе с самодержавием на рубеже XIX-XX вв. – М.: Экслибрис-Пресс, 2004. – 303 с.
8. Ушаков А.В., Образцова О.А. Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX-XX вв. – М.: ИД «С днем рождения», 1999. – 144 с.

¹ ГАРФ. Ф. 102 ОО, 1914. Д. 25. Ч. 71. Л. 1, 3, 8, 8 об, 11.

УДК 94(47).083

Грибовский М.В.

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

ФЕНОМЕН ПРИВАТ-ДОЦЕНТУРЫ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

M. Gribovskiy

Tomsk State University

THE PRIVAT-DOCENT PHENOMENON IN RUSSIAN UNIVERSITIES OF LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Аннотация. Статья посвящена такой категории преподавателей российских университетов рубежа XIX–XX вв., как приват-доценты. Именно в указанный период институт приват-доцентуры получил наибольшее распространение. В статье рассматриваются причины расширения приват-доцентуры университетским уставом 1884 г.; статус, численность, материальное положение «младших преподавателей»; отношение к приват-доцентуре в университетской среде, опыт самоорганизации «младших преподавателей». На основании анализа законодательных и нормативных актов, архивных источников и ранее проведенных исследований автор делает вывод о приват-доцентуре как о важном, но не до конца реализованном элементе российской университетской жизни рубежа XIX – XX вв.

Ключевые слова: университет, профессорско-преподавательская корпорация, приват-доцент, Устав 1884, гонорарная система.

Abstract. The article is devoted to privat-docents, the category of teachers at Russian universities in XIX–XX centuries. It was during this period when the private-docent institution became most common. The article considers the reasons for its expanding through the University Regulations 1884, such as: status, size, financial position of «junior lecturers»; attitude toward private-docents at universities; junior lecturers' experience of self-organization. Basing on the analysis of laws and regulations, archival sources and previous studies the author concludes that private-docents were important, but not completely implemented elements of the Russian university life in XIX–XX centuries.

Key words: university, Faculty Corporation, privat-docent, Regulations 1884, fee system.

В изучении прошлого отечественной высшей школы неоценимую помощь оказывает такое направление исторической науки, как социальная история. В социально-историческом исследовании научный интерес фокусируется на разносторонней характеристике той или иной социальной группы. Университетский преподавательский корпус на рубеже XIX–XX вв. являлась немногочисленным, но весьма заметным слоем городского общества, выступая нередко индикатором общественных настроений. Если дореволюционная профессура часто становилась объектом исторических исследований, то «младшим преподавателям» в историографической традиции не уделено должного внимания. Целью настоящей статьи является частичное восполнение указанного пробела.

Система образования – живой организм, меняющийся вместе с трансформацией общества. Одним из значительных изменений университетской системы XIX в. явилось создание института приват-доцентуры.

Возникновение в России заштатной доцентуры относится к 1842 г., когда она нашла отражение в уставе Императорского университета Св. Владимира (ИУСв.В) [15, с. 22–23]. Обще-

университетский устав 1863 г. предусмотрел уже повсеместное введение приват-доцентуры. Министерство народного просвещения (МНП) предполагало с ее введением расширить категорию преподавателей и за счет конкуренции повысить научный уровень преподавания. Но из-за отсутствия продуманных источников ее финансирования ни в 1860-х, ни в 1870-х гг. она не получила широкого распространения в российской системе образования.

Университетский устав 1884 г. внес существенные изменения в статус приват-доцентуры, значительно расширив этот институт высшей школы.

Профессор Новороссийского университета (ИНУ) И.А. Линниченко с иронией писал об этих изменениях: «Устав [18]84 г. возлагал большие надежды на приват-доцентуру. Ее считали Броун-Секаром Academicum¹ способным оживить инертную ткань Академической корпорации. Приват-доценты – не [...] помощники профессоров, работающие под их ферулою, [...]; это те же профессора, только свободные, почти независимые, не зараженные рутинною конкурентностью штатной профессуры. Приват-доцент может открыть курс, параллельный курсу профессора [...]; он может, обладая талантом, знаниями и лекторскими способностями, превратить профессора в казенный манекен, чиновника в мундире, единственную обязанностью которого будет получать жалование в свое двадцатое число. [...] Профессор должен вечно тренироваться, подтягиваться, быть на чеку, напрягать все силы, чтобы одолеть приват-доцента в окончательном финише и получить Grand Prix – гонорар»².

Схожую мысль более академично сформулировал ректор ИУСв.В: «[Устав] стремится развить приват-доцентуру, надеясь образовать этим путем будущих профессоров и вместе с тем побуждает штатных профессоров стоять на уровне современных научных требований и быть всегда готовыми к конкуренции»³.

Профессиональная деятельность приват-доцентов в основном регламентировалась статьями 109–113 Устава, которыми определялись круг лиц, имевших право быть приват-доцентами, процедура получения звания приват-доцента и контроля качества их работы, определен механизм вознаграждения труда приват-доцентов. Со временем законодательство уточнялось. Так, 12 мая 1898 г. было опубликовано Циркулярное письмо МНП, касавшееся приват-доцентов. В нем указывалось на необходимость более жесткого контроля над преподавательской деятельностью «младших преподавателей» со стороны факультетского начальства [10, ст. 177-178].

На приват-доцентов как на членов преподавательской корпорации распространялись некоторые льготы. Они не несли военную службу [11, ст. 1159-1196]. С 1907 г. по решению МНП обучавшиеся в университете дети профессоров и преподавателей освобождались от платы за обучение⁴.

Однако служебное положение приват-доцентов было нестабильным. Они не могли принимать участия в собраниях факультетских советов, были отстранены от участия в академическом самоуправлении. Лишь после Февральской революции, когда углубился процесс демократизации университетов, приват-доценты были допущены к участию в работе факультетских собраний и университетского совета.

Приват-доценты искали возможность занять штатную должность. Так, например, осенью 1892 г. приват-доцент Московского университета (ИМУ) В.В. Сапожников в письме попечителю Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринскому просил предоставить ему вакантную кафедру в Томском университете (ИТУ). Он сетовал на то, что при его тогдашнем неопределенном положении в ИМУ он не мог с «той успешностью, как это было бы желательно», завершить докторскую диссертацию. «Получение кафедры (в ИТУ –

¹ Броун-Секар Шарль Эдуар – французский физиолог XIX в., занимавшийся проблемой омоложения.

² Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.

³ Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 707. Оп. 262 (1885). Д. 6. Л. 1.

⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 430. Л. 3, 4.

М.Г.), – писал он, – дало бы мне возможность, не разбивая внимания, сосредоточиться на преподавании и ученых занятиях в избранной области, и в этом направлении быстрее совершенствоваться» [16, с. 146].

Для характеристики института приват-доцентуры важно составить представление о количестве и удельном весе данной категории преподавателей. Рассмотрим это на примере Петербургского университета (ИСПбУ). Накануне введения устава 1884 г. в ИСПбУ служили 83 штатных преподавателя, из них 40 – профессора [7, с. 11]. В 1916 г. в университете преподавали уже 293 человек. Рост был достигнут, главным образом, за счет группы «младших преподавателей», в категорию которых к этому времени были переведены лица учебно-вспомогательного персонала, а удельный вес приват-доцентов увеличился с 36,2% преподавательского состава в 1886 г. до 68,3% в 1916 г. [8].

Всего в российских университетах (за исключением Варшавского, а также факультета восточных языков ИСПбУ и богословского факультета Юрьевского университета) в 1901 г. насчитывалось 560 приват-доцентов, из них 287 – на медицинских факультетах, 91 – на историко-филологических, 119 – на физико-математических, 63 – юридических [13, с. 159]. Преобладание среди приват-доцентов медиков особенно заметно на примере ИТУ [5, с. 165].

В соответствии с 112-й статьей университетского устава, приват-доценты получали вознаграждение из особо назначенной МНП суммы, размер которого определяется на основании представлений совета и попечителя [6, с. 39-40]. В середине 1880-х гг. 6 университетов могли рассчитывать по этой статье на 60000 руб. в год¹. Так, в 1898 г. ИУСв.В запросил от 200 до 600 рублей для 6 приват-доцентов физико-математического, по 200 рублей – для 4 приват-доцентов историко-филологического и 100 рублей – для приват-доцента юридического факультета². Отметим, что всего в этом году в университете числилось

45 приват-доцентов³. Однако с конца 1890-х г. в оплате труда приват-доцентов возникли затруднения. В сентябре 1898 г. МНП установило правило, по которому запрашивать средства на вознаграждение приват-доцентам университеты могли только по истечении полугодия, а не на год или полгода вперед, как это практиковалось прежде. После неоднократных обращений университетов через попечителей МНП восстановило систему предварительного назначения вознаграждения, но лишь тем приват-доцентам, которые читали обязательные курсы⁴.

Приват-доцентам с разрешения МНП порой поручалось исполнение обязанностей по вакантной кафедре с вознаграждением, не превышающим половины оклада ординарного профессора.

Помимо оклада, профессора и преподаватели имели возможность дополнительного заработка за счет гонорара. Его источником служила плата студентов за право посещать лекции и практические занятия преподавателей. Чем больше записывалось студентов, тем значительнее был и размер гонорара профессора или приват-доцента. Так, у профессоров юридических факультетов столичных университетов он мог достигать 7-8 тысяч рублей в год. Иначе дело обстояло с приват-доцентами. Согласно записке, составленной в 1897 г. советом физико-математического факультета Казанского университета (ИКУ), приват-доценты этого факультета, которые читали главным образом необязательные курсы, получали гонорар «колеблющийся от 0 до 20 рублей»⁵. В соответствии со «Списком профессоров и приват-доцентов, служащих в Императорском Харьковском университете, коим испрашивается кредит на дороговизну жизни» (1916 г.) ни один из перечисленных в списке 11 приват-доцентов Харьковского университета (ИХУ) не получил гонорара в истекшем 1915 г.⁶.

³ ГАК. Ф. 16. Оп. 337. Д. 76. Л. 16-17, 20-21, 24-29.

⁴ Национальный архив республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9928. Л. 12-13.

⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 19.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 21 об.

¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 297. Л. 290 об.

² Государственный архив Киева (ГАК). Ф. 16. Оп. 337. Д. 76. Л. 4, 4 об.

Именно в неэффективности гонорарной системы по отношению к приват-доцентам проявлялись слабые места опыта по повсеместному расширению внештатной доцентуры. На это указывается в выше упомянутой записке, составленной в 1897 г. в ИКУ: «Вместо поддержания и развития приват-доцентуры [...], система гонорара явилась тормозом для [ее] развития, так как студенты университета при своей материальной необеспеченности в большинстве случаев были лишены возможности записываться на необязательные курсы приват-доцентов, не смотря на весь их интерес и всю их важность в системе научного образования. По той же причине, в случае чтения приват-доцентами параллельных курсов, студенты естественно записывались только на лекции штатного преподавателя как их будущего экзаменатора»¹.

О затруднительном положении приват-доцентов говорит хранящееся в фондах РГИА анонимное письмо, написанное в 1916 г. от имени «матери приват-доцента» и адресованное Министру народного просвещения. В письме говорилось: «Я осмеливаюсь [...] описать, как пример, положение сына моего: [...] он [...] был оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию. Через три года он выдержал магистерский экзамен и получил звание приват-доцента. В следующем году был командирован от Министерства за границу для приготовления магистерской диссертации, на что ему была назначена стипендия – 2000 р. в год. Побыв там 1½ года, он был застигнут в Германии войной, принужден был бежать [...]. По приезде в Россию стипендия от Министерства была прекращена, но, несмотря на свое трудное материальное положение, он продолжил заниматься окончанием диссертации, читая вместе с тем лекции в Университете безо всякого определенного вознаграждения, так как лекции его считались необязательными. Со слушателей получал 22 р. за полугодие. [...] Надеюсь, что Вы обратите Ваше благосклонное внимание и не забудете таких приват-доцентов как мой сын, улучшите их положение,

назначив определенное вознаграждение за чтение лекций как обязательных, так и необязательных, дав им тем возможность добираться до профессуры»².

Итак, можно сделать вывод о том, что общие доходы, получаемые приват-доцентами от службы в университете, редко превышали 1000 руб. в год, что не могло обеспечить жизненные потребности семейного человека и вынуждало многих из них в ущерб научным занятиям искать дополнительный заработок. Ассистент ИМУ Г. Зацепя писал с досадой: «В годы подготовки к научному служению стране будущие ученые, будущие профессора принуждены заниматься главным образом различными побочными мелочами для поддержания своего существования и лишь в самой ничтожной степени – наукой» [3, с. 43].

Остановимся на проблеме положения приват-доцентов в университетском сообществе и попытках их самоорганизации.

Как отмечалось, чертой университетской преподавательской корпорации конца XIX – начала XX вв. было преобладание преподавателей, выведенных за штат, что означало сосуществование внутри корпорации полноправного меньшинства (профессуры) и бесправного, не имевшего права участия в работе Советов, большинства (лекторы, приват-доценты, лаборанты).

В этих условиях в отечественных университетах наблюдалась определенная конфронтация двух преподавательских групп. Примером напряженности в отношениях между «старшими» и «младшими» преподавателями служит ситуация, в которой оказался приват-доцент ИСПБУ С.Ф. Платонов, рассчитывавший в 1890 г. на штатную профессуру, занимаемую профессором Е.Е. Замысловским, который вскоре по болезни оставит службу. Сохранился дневник жены Платонова, проливающий свет на эту ситуацию. «[Замысловский] не думает об отставке и берет на себя магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах; общего курса он никогда читать не будет: зачем брать на себя такое тяжелое бремя [...]. Это бремя всецело

¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 17 об.-18.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 131-132.

ляжет на С[ергея] Ф[едоровича], который понесет на себе [...] главную тяжесть профессорских обязанностей и за это получит 800 р. в год, гонорар и звание приват-доцента, а Зам[ысловск]ий за магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах, т.е. за легчайшую и лаковую сторону работы будет носить звание профессора и получать 3000 р. В наших глазах это чистейшая эксплуатация чужого труда» [9, с. 281-282].

«Младшие преподаватели» требовали допуска их в Совет. Такое требование, противоречившее действовавшему Уставу, не везде встречало понимание. Так, профессура ИМУ отказала в 1906 г. приват-доцентам в предоставлении им права решающего голоса при голосовании в Совете¹.

В отличие от московских коллег, профессора ИСПБУ оказались настроены более либерально. При обсуждении осенью 1905 г. проекта нового устава большинство Совета ИСПБУ признала «желательным и целесообразным участие младших преподавателей в Совете» [8]. Делегаты столичного университета заняли соответствующую позицию и во время работы совещания представителей университетской профессуры (январь 1906 г.), проходившем под эгидой МНП, однако по этому вопросу они оказались в меньшинстве [14, с. 175-214].

В условиях отсутствия легальной возможности быть полноправными членами университетской корпорации и при неоднозначном отношении к этому вопросу со стороны профессуры, приват-доценты в начале XX в. пошли по пути самоорганизации – стали создавать организации с целью защиты своих прав. Одной из первых подобного рода организацией было «Санкт-Петербургское общество взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений», созданное еще в 1903 г. [8].

Толчком к появлению таких обществ при других вузах стала революция 1905–1907 гг. В феврале 1905 г. приват-доценты ИКУ создали «Общество взаимной помощи младшего учебно-педагогического персонала Императорс-

кого Казанского университета»². С этого же времени действовала «Харьковская группа младших преподавателей», объединявшая на начало 1906 г. 103 человека³. На фоне революционных событий, протекавших в стране, союзы «младших преподавателей» были весьма политизированы. На их заседаниях поднимались острые политические вопросы, активисты союзов, как правило, разделяли антимонархические взгляды. Харьковская «Группа» в числе прочего занималась судьбой приват-доцента Л.Н. Яснопольского, уволенного за лекцию, осуждающую политику правительства на Дальнем Востоке. О «Союзе младших преподавателей» ИМУ попечитель Одесского учебного округа граф А. Мусин-Пушкин писал в МНП в 1906 г.: «Этот нелегальный политический «Союз младших преподавателей» представляет собой чисто революционную организацию, имеющую тесную связь с крайними студенческими партиями и с крайними элементами университетского Совета»⁴.

Стоит заметить, что критиков приват-доцентуры в университетской среде было довольно много.

По словам профессора ИМУ В.И. Герье, «Приват-доцентура есть роскошь университетской жизни, которая может развиваться [...] при избытке сил [...], когда число желающих получить кафедры превысит число последних» [4, с. 155]. Рассуждая о приват-доцентах как об авторах альтернативных курсов, он писал, что «польза, которую студенты в состоянии извлечь из конкуренции преподавателей, весьма двусмысленна», поскольку эта конкуренция основана на «фразеях и приманках» и не имеет отношения к подлинному «научному» состязанию [1, с. 833].

Профессор ИМУ В.М. Грибовский полагал, что введение свободной приват-доцентуры «при существовании гонорарной системы и праве конкуренции с профессорами» и вовсе понизило уровень преподавания и экзаменационных требований [2, с. 239].

² НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 4843. Л. 1.

³ Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. 667. Оп. 286. Д. 144а. Л. 4.

⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Л. 4.

¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 249. Д. 97. Л. 1-2.

Профессор ИХУ В.Я. Данилевский о приват-доцентах, которым поручается чтение курсов, высказывался следующим образом: «Такой преподаватель обыкновенно оказывается не на высоте своего призвания; он мало опытен в этом деле; он не член коллегии и это одно уже ставит его преподавание в необычное положение»¹.

Поднимался вопрос о приват-доцентуре и во время работы Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.). Перед началом ее работы советам университетов предлагалась обсудить вопрос о статусе и числе приват-доцентов. При наличии разных точек зрения на этот предмет, члены комиссии, настаивая на возвращении доцентуры, большинством голосов, высказались за сохранение института приват-доцентов [12, с. 113-115].

Подведем итоги. Изучение практики функционирования института приват-доцентуры в российских университетах в конце XIX – начале XX вв. приводит к выводу о том, что далеко не все идеи, заложенные при разработке Устава 1884 г., нашли воплощение в реальности. Более того, идея «свободы преподавания и свободы слушания» (именно с ней связывалось расширение приват-доцентуры) вступала в непримиримое противоречие со строгой курсовой системой, предполагавшей посещение студентами тех курсов, которые читались в соответствии с утвержденными МНП программами.

С другой стороны, создание в университетах обширной категории преподавателей «второго сорта» породило ситуацию конфронтации, которая приобретала политическое звучание в накаленной атмосфере начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Герье В.И. Университетский вопрос // Вестник Европы. 1873. – № 4. – С. 818-836.
2. Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской Империи. – Одесса, 1912. – 258 с.
3. Зацепа Г. Пасынки университета: материалы по вопросу о положении в университетах младших преподавателей. – М., 1907. – 47 с.
4. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Вып. 1. – Саратов, 1894. – 184 с.
5. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). – Томск, 2010. – Т. 1. – 514 с.
6. Общий устав и временный штат Императорских российских университетов. – СПб., 1884. – 63 с.
7. Отчет по С.-Петербургскому университету за 1882 г. С приложением речи ординарного профессора В.П. Васильева. – СПб., 1883. – 38 с.
8. Ростовцев Е.А., Баринев Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы. – Томск, 2012 (в печати).
9. Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы. Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. – СПб., 2006. – С. 270-318.
10. Сб. распоряжений по МНП. Т. 14. 1898–1900 гг. – СПб., 1904. – 1946 ст.
11. Сб. постановлений по МНП. Т. 15. 1897–98. – СПб., 1902. – 2110 ст. + 64 ст.
12. Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 2. – СПб., 1903. – 391 с.
13. Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. – СПб., 1903. – 491 с.
14. Труды совещания профессоров, образованного при министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. – СПб., 1906. – 343 с.
15. Устав и штаты Императорского университета Св. Владимира. Б.м., [1842], разд. паг.
16. Ястребов В.Я. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. – Томск, 1996. – 221 с.

¹ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 10 об.

УДК 94(574+575.4) "1916"

Папазов А.В.

Военный университет (г. Москва)

**СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА И РОЛЬ
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА А.Н. КУРОПАТКИНА
В ЕГО ПОДАВЛЕНИИ**

A. Papazov

Military university, Moscow

**THE CENTRAL ASIAN REVOLT OF 1916 AND ROLE
OF GOVERNOR-GENERAL A.N. KUROPATKIN IN ITS SUPPRESSION**

Аннотация. В статье рассмотрены основные причины, этапы и последствия восстания среднеазиатских народов во время Первой мировой войны против российских властей и русских крестьян-переселенцев. Проведенный анализ различных исторических источников позволяет по-новому взглянуть на известные исторические факты. Сделан вывод о ключевой роли генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в подавлении восстания и возвращении восставших территорий к мирной жизни. Раскрыты особенности проведения военных операций на территории Средней Азии.

Ключевые слова: Средняя Азия, Казахстан, Туркмения, восстание, А.Н. Куропаткин, Первая мировая война.

Abstract. This article reveals the reasons of the Central Asian people's revolt against the Russian authorities and Russian peasants-immigrants during the World War I. The author's analysis of various historical sources presents the well-known historical facts in a new light. It is concluded that the Governor-General A.N. Kuropatkin played a key role in suppressing the revolt, peace restoration and people's return to civilian life. The author describes the peculiarities of the military operations in Central Asia.

Key words: Central Asia, Kazakhstan, Turkmenia, revolt, A.N.Kuropatkin, World War I.

Постепенно накапливавшиеся в период Первой мировой войны в Среднеазиатском регионе и Казахстане проблемы, к которым, прежде всего, относятся социальное расслоение конца XIX – начала XX в., приводившее к обогащению незначительной прослойки коренного населения за счёт обнищания народных масс, авантюрная переселенческая политика, нарушавшая права местного населения на орошаемые земли, рост налогов и податей, введение военных реквизиций и различных сборов на нужды фронта, увеличение повинностей, установление низких цен на хлопок, реквизиция скота и имущества, в сочетании с ростом цен на промышленные товары и продовольствие, приводивших кочевников и дехкан к разорению, другие просчеты местной администрации, еще более обостренные войной, привели к тому, что в 1916 г., в регионе разразилось большое восстание коренного населения. Непосредственным поводом к восстанию стал царский указ от 25 июня 1916 г., по которому на тыловые работы в прифронтовых районах принудительно привлекалось мужское население в возрасте от 19 до 43 лет Туркестанского и Степного генерал-губернаторств в количестве 250 и 140 тысяч человек соответственно. Отрыв столь значительного числа наиболее трудоспособного населения в самый разгар полевого сезона, слухи о том, что мобилизованные рабочие будут направлены не в тыл, а на передовую, спровоцировали серию антиправительственных выступлений. К тому же местные власти переложили основную тяжесть новой повинности на городскую и сельскую бедноту.

Восстание началось 4 июля 1916 г. с выступлений в Ходженге. Ситуация быстро вышла из-под контроля местной администрации, толком не подготовившейся к выполнению указа [12, с. 5-7, 9-12]. По официальным данным, в июле в Самаркандской области произошло 25 выступлений, в Сырдарьинской – 20 и в Фергане – 86 [11, с. 176].

Для исправления создавшегося опасного положения в крае был отправлен авторитетный специалист по Средней Азии – генерал А.Н. Куропаткин. Из пятидесяти лет его военной службы более двадцати прошли непосредственно в этих краях. Здесь начиналась его офицерская служба, шло становление как военного профессионала. Алексей Николаевич принимал активное участие в присоединении этих мест к Российской империи в суровых условиях пустынь и предгорий, в боевых действиях против различных племен – в Бухарских походах, в Кокандской и Текинской кампаниях. Благодаря своей целеустремленности, любознательности и трудолюбию он успел основательно изучить географические и климатические условия района, экономический и политический уклад жизни, нравы и традиции местного населения. Это было замечено руководством. А.Н. Куропаткин выполнял ответственные поручения туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана, в частности, в 1876-1877 гг. Алексей Николаевич возглавлял посольство в Кашгарию¹ для решения пограничного вопроса [10]. А.Н. Куропаткин являлся ближайшим соратником генерала М.Д. Скобелева. При завоевании Ахал-Текинского оазиса тот поручил Алексею Николаевичу догнать в песках туркмен, сумевших спастись бегством из крепости Геок-Тепе, разоружить их и убедить возвратиться в свои селения к мирной жизни, в противном же случае разгромить их окончательно [4, с. 13]. Во время службы в Главном штабе А.Н. Куропаткин успешно

руководил Азиатской частью штаба, в 1884-86 гг. работал в комиссии по разработке проекта Положения по управлению Туркестанским краем [1, с. 52-53] и т. д.

В течение восьми лет Алексей Николаевич в должности генерал-губернатора успешно руководил Закаспийской областью. «На этом посту Куропаткин проявил недюжинные административные способности. Ему... приходилось весьма многое устраивать и организовывать вновь в этом недавно присоединённом крае. За 8 лет его управления областью были достигнуты крупные результаты. Из пустынной страны, не имевшей ни дорог, ни городов, со слабыми зачатками торговли и промышленности, с полудиким кочевым населением, промышлявшим более всего грабежом и разбоем, Закаспийская область превратилась в благоустроенный край, с развитым земледелием, торговлей и промышленностью, со многими селениями и городами» [2, с. 41]. Помимо этого, А.Н. Куропаткин изучал организацию управления покоренными территориями в других государствах, в частности опыт Франции в Алжире [8].

22 июля 1916 г. А.Н. Куропаткин назначается генерал-губернатором Туркестанского края и командующим войсками Туркестанского военного округа [13, с. 351]. Ознакомившись на месте с положением дел, он предпринял комплекс энергичных и эффективных мер к успокоению местного населения и успешному выполнению мобилизации. В течение сентября А.Н. Куропаткин ездил по центральным областям Закаспийской области, в октябре посетил Семиреченскую область. Военным губернаторам, просившим подкреплений, Алексей Николаевич напомнил события 50-летней давности, когда Черняев, Романовский, Абрамов, Кауфман, Скобелев без современных орудий и пулеметов, с незначительными силами, побеждали вооруженные ханские армии и завоевали все центральные области будущего генерал-губернаторства. А.Н. Куропаткин заменил нескольких должностных лиц из состава российской администрации и командиров частей, показавших свою неэффективность.

¹ Кашгария – небольшое самостоятельное государство Джетышар, расположенное в Кашгарском оазисе, отделившееся от Китая в результате антицинских восстаний мусульманских народов (дунган, уйгуров, казахов и др.) в 1864–1865 гг., ныне часть Синцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Все попытки открытого сопротивления были решительно и жёстко подавляемы войсками. А.Н. Куропаткин сам составлял карательные отряды, разрабатывал маршруты их следования, инструктировал командиров отрядов. Брошенные против восставших силы (14,5 батальонов и 33 сотни при 42 орудиях и 69 пулемётах [3, с. 97]) полностью сломили открытое сопротивление, разбив восставших, либо заставив их бежать на территорию сопредельных государств.

С другой стороны, населению активно разъяснялись цели, задачи и условия предстоящей мобилизации. Было признано, что с самого начала царский указ исполнялся неверно, сформированы специальные комитеты для связи власти с народом. А.Н. Куропаткин принял делегацию представителей Ташкента, его старой части, и напомнил, какие блага они получили в результате присоединения Туркестана к России, и теперь, когда русские несут наибольшие тяготы войны, другие народы империи обязаны помочь им в достижении победы. Общее число мобилизуемых было уменьшено до 220 тысяч. Население ряда территорий края, как вследствие их труднодоступности в условиях высокогорного Памира, так и принимая во внимание то обстоятельство, что часть жителей, в частности, туркмены Закаспийской области, уже были привлечены к отбыванию действительной воинской повинности, было полностью или частично освобождено от поставки рабочих. В некоторых случаях населению предоставлялось право заменить поставку рабочих выплатой определённых денежных компенсаций. А.Н. Куропаткин отменил все ограничения для коренных жителей края, введенные его предшественниками в пользовании услугами почты, телеграфа, железной дороги, обещал внимательно относиться к нуждам мобилизованных на рытье окопов и их семей, отменил всякие льготы для состоятельных людей, приняв сторону бедной части населения, повёл решительную борьбу с выявившимися злоупотреблениями местной администрации [3, с. 39-41, 47-51, 55-56, 81-83].

Земли, где произошли убийства русского населения, были, по приказу А.Н. Куропаткина, конфискованы у коренного населения и определены для нужд русской колонизации. Губернатор рекомендовал вооружать русских поселенцев, способных держать оружие в руках, и включать их в воинские команды. В течение всего восстания не переставали работать правоохранные органы. Первоначально по подозрению в участии в беспорядках было задержано более 3 тыс. чел., перед судом предстало 933 чел., было оправдано 346 чел., осуждено 587 чел., приговорено к смертной казни 201 чел., к каторжным работам – 104, к заключению в тюрьму и в арестантские отделения – 282 чел. [3, с. 74]. Эти меры в известной степени отбили охоту у сочувствовавших поддерживать восставших.

А.Н. Куропаткин отдавал распоряжения, выслушивал просьбы, жалобы и претензии, грозил, уговаривал, обещал. При этом он не бросался словами. В частности, Алексей Николаевич обещал выдать денежную компенсацию русским крестьянам и горожанам, пострадавшим во время беспорядков. Через год, в сентябре 1917 г. Временное правительство выплатило пострадавшим 11 млн. 150 тыс. рублей. После пребывания в Семиреченской области А.Н. Куропаткин записал в своем дневнике: «Я строго предупредил, что всякого, кому в голову придет мысль заняться грабежом и насилием, – будь то русский или киргиз, – ждет военно-полевой суд и виселица» [9, с. 52]. Узнав, что русские на базаре устроили самосуд над казаком, который принимал участие в восстании, Алексей Николаевич приказал расследовать произошедшее.

В результате реализации этого комплекса мероприятий к концу января 1917 г. туркестанский пожар удалось практически полностью погасить. Войска потеряли убитыми 97 солдат и офицеров, ранеными 86 человек, пропавшими без вести 76 военнослужащих. Погибло также 7 русских и 22 «туземных» должностных лиц. Больше всего пострадали крестьяне-переселенцы, среди которых 2325 человек было убито и 1384 пропало без вести, т. е. либо погибли, либо были угнаны в горы

и другие труднодоступные местности. Было уничтожено более 9 тыс. хозяйств русских поселенцев, разрушен участок железной дороги, сожжены мосты, сельскохозяйственные школы, несколько храмов и больниц [3, с. 83, 97].

Число погибших местных жителей, как и потери восставших, установить было невозможно по ряду причин: местные жители скрытно хоронили убитых и уносили с собой раненых, боясь обнаружить свою причастность к восстанию; кочевники, и не только они, пересекали границы с Китаем и Персией и там оставались довольно долго; у мусульман был обычай хоронить покойников в день кончины и др.

При этом уже в сентябре 1916 г. А.Н. Куропаткину удалось отправить в Европейскую Россию первую тысячу мобилизованных рабочих, причем совершенно мирно – с оркестром и напутственными речами. Второй эшелон ушел через 10 дней. Всего в этих непростых условиях было мобилизовано более 100 тысяч работников [3, с. 83-84, 97-100].

После подавления восстания А.Н. Куропаткин занялся анализом его причин и последствий, при этом свои собственные наблюдения он дополнял собранными обширными сведениями и цифрами. Результаты этой работы были изложены в докладах царю и военному министру [3, с. 76-100]. А.Н. Куропаткин очень ответственно подошел к анализу причин восстания. Отмечается, что никто из советских и постсоветских историков в своих попытках осмыслить события второй половины 1916 г. не смог сравниться с ним [5, с. 550].

Алексей Николаевич занимался приведением в порядок и обустройством вверенного ему края до конца марта 1917 г. Временное правительство одобрило все действия А.Н.

Куропаткина и утвердило его в должности, но 31 марта по приказу Исполнительного комитета местных Советов он был отстранен от должности и взят под домашний арест. Впрочем, почти сразу же, по настоянию Временного правительства, А.Н. Куропаткина отпустили, и 7 апреля он выехал в Петроград [6, с. 61, 64].

В качестве оценки роли А.Н. Куропаткина в решении туркестанского вопроса трудно не согласиться с А.А. Керсновским, отмечавшем, что на посту туркестанского генерал-губернатора он ещё раз доказал свои выдающиеся административные способности [7, с. 69].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абашин С.Н. Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации 1860 - 1880-х годов // Вестник Евразии. – 2001. – № 4.
2. Военная энциклопедия. – СПб., 1911-1915. – Т. 14.
3. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. – М., 1960.
4. Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1881 гг. В 4 т. Т. 3. – СПб., 1883.
5. Глушенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.
6. Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. Т. 1.
7. Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. – М., 1993. – Т. 4.
8. Куропаткин А.Н. Алжирия. – СПб., 1877.
9. Куропаткин А.Н. Восстание 1916 г. в Средней Азии: Дневник. Август-февраль 1917 г. // Красный архив. XXXIV. 1929. Т. 1.
10. Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля. – СПб., 1879.
11. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995.
12. Турсунов Х.Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. – М., 1966.
13. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи 1802-1917. – СПб., 2002.

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470)»1957»

Горлов В.Н.

Московский государственный областной университет

Н.С. ХРУЩЕВ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О СОЗДАНИИ СОВНАРХОЗОВ

V. Gorlov

Moscow State Regional University

N.S. KHRUSCHEV AND DECISION-MAKING ABOUT ECONOMIC COUNCILS

Аннотация. В статье рассматривается история перестройки управления народным хозяйством в 1957 г., уделяется внимание конкретным вопросам образования совнархозов, проанализированы причины перехода к территориальной форме управления. Отмечена обстановка поспешности осуществления реформы и непродуманности некоторых ее сторон, рассматривается внутрипартийная борьба, в ходе которой противники Н.С. Хрущева пытались не допустить ломки ведомственной системы руководства.

Ключевые слова: совнархозы, перестройка управления промышленностью и строительством, территориальные организации.

Abstract. The article considers the history of the national economy management reconstruction dating back to 1957. The author gives special attention to the definite issues of establishing the economic councils. He also analyses the reasons for switching to the territorial form of administration in that period. The article describes the reform as being realized in haste and poorly thought-out. The article examines the inner-party struggle as a period during which Khrushchev's opponents tried to prevent breaking of the departmental system of administration.

Key words: economic councils, the reconstruction of the industrial and construction management, territorial organizations.

В декабре 1956 г. состоялся пленум ЦК КПСС. Одним из основных вопросов на нём был вопрос улучшения руководства народным хозяйством СССР. Заслушав доклады Н.А. Булганина, Н.К. Байбакова, М.З. Сабурова, пленум подверг резкой критике положение дел в области управления промышленностью. Были одобрены идеи об организации планирования по экономическим районам. Решено было возложить на Госэкономкомиссию функции оперативного решения текущих вопросов [4, с. 231]. Председателем Госэкономкомиссии стал М.Г. Первухин, первым заместителем – А.Н. Косыгин.

Судя по докладу Н.А. Булганина, Н.С. Хрущёв пытался провести план по ликвидации хозяйственных министерств уже на декабрьском пленуме, но у него ничего не получилось. Оппозиция в Президиуме ЦК – В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, М.Г. Пер-

вухин, М.З. Сабуров – с таким упорством сопротивлялась, что на пленум было вынесено компромиссное решение о частичной децентрализации при сохранении московских министерств и при расширении местных министерств. Та реформа хозаппарата сосредоточила всю власть над хозяйством в Государственной экономической комиссии.

Довольно скоро Н.С. Хрущёв счёл себя уже достаточно сильным, чтобы выдвинуть свой контрплан. 28 января 1957 г. на заседании Президиума ЦК КПСС была рассмотрена его записка «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленности и строительства». Было принято решение о рассылке записки всем членам и кандидатам в члены ЦК, членам ЦРК, секретарям ЦК компартии союзных республик, крайкомов и обкомов партии, министрам СССР и заведующим отделами ЦК и создании комиссии под руководством Н.С. Хрущёва для разработки мероприятий, изложенных в записке [2, с. 77]. Позднее Н.С. Хрущёв отмечал, что в эту комиссию входила большая часть членов Президиума и Секретарей ЦК, секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик: «Под моим руководством этот вопрос к Пленуму готовила большая группа товарищей, в том числе от самого начала и до конца работали тт. Кузьмин, Байбаков, Рудаков, Сатюков, Старовский. Принимали участие и тт. Аристов, Брежнев, Косыгин, Зверев. Мы даже провели специальное расширенное заседание Совета Министров, где вместе со всеми министрами подробно обсудили этот вопрос» [3, с. 21]. В своём докладе на февральском 1957 г. пленуме ЦК КПСС Хрущёв признался, что было реорганизовано руководство только сверху, но не были затронуты основы руководства производством. Поэтому меры не дали решения вопроса улучшения руководства хозяйством¹.

Обсуждение доклада Хрущёва на февральском пленуме проходило в течение 2-х дней. В прениях на пленуме выступило 27 ораторов.

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 4. Оп. 105. Д. 148. Л. 20-24.

В числе выступавших были министры, секретари ЦК, председатели Советов Министров союзных республик, руководящие работники областей. Характерной чертой всех выступлений было единодушное одобрение положений, выдвинутых в докладе Н.С. Хрущёва. С помощью уже подготовленного большинства рядовых членов ЦК решения декабрьского пленума фактически аннулировались, ведомство М.Г. Первухина ликвидировалось и Президиуму ЦК поручалось подготовить проект решения о реорганизации для утверждения на сессии Верховного Совета СССР. Большинство руководителей ожидало, что те районы, о которых говорилось в решениях пленума, примерно будет соответствовать обычному крупному экономическому делению СССР. Однако этот важный вопрос тогда не был окончательно решён.

После упразднения Госэкономкомиссии Первухин отеснялся на второстепенный пост министра среднего машиностроения. Во главе Госплана Н.С. Хрущёв поставил И.И. Кузьмина, который до этого работал заведующим промышленным отделом ЦК КПСС и ездил с Н.С. Хрущёвым в Англию в качестве экономического советника. Н.С. Хрущёв не решался доверить «ключевой» экономический пост кому-либо из крупных хозяйственников, а посадил на этот пост человека, «верного» ему самому.

Назначенная реорганизация вызвала противоречивые оценки и суждения. На июньском 1957 г. пленуме ЦК КПСС А.И. Микоян подтвердил, что «до самого последнего времени в Президиуме раздавались голоса, что торопливо провели вопрос о реорганизации управления промышленностью, не как полагается» [7, с. 40-41].

Сама идея создания совнархозов была весьма здравой, но нуждалась в тщательной, как считали некоторые ученые, экспериментальной проверке. Система совнархозов могла оказаться рациональной для крупных промышленных центров как Москва, Ленинград, но не рациональной для районов Северного Кавказа, Средней Азии, где отдельные отрасли были представлены одним или дву-

мя предприятиями. Окончательный вариант реорганизации было решено обсудить не на новом пленуме ЦК, а на сессии Верховного Совета СССР.

Более чем за месяц до сессии, а именно 30 марта 1957 г. на страницах центральных газет были опубликованы тезисы доклада Н.С. Хрущёва «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» [5]. В подкреплении своих предложений Н.С. Хрущёв подверг уничтожающей критике существующую систему управления промышленностью. Он указал на чрезмерно раздутые штаты центральных органов и огромный поток бумаг в министерствах. Однако он отметил, что инженеры и техники в министерствах, как правило, высококвалифицированные специалисты и их следует перевести на столь же серьезную работу после того, как министерства будут ликвидированы. В тезисах предполагалось создание совнархозов на основе укрупненных административно-экономических районов. Отвергались любые идеи, направленные на то, чтобы сохранить, пусть в трансформированном виде, отраслевые министерства. Тезисы были вынесены на «всенародное обсуждение».

Хотя радикальная реформа, проводимая Н.С. Хрущёвым, вызывала опасения его коллег, а порой и сопротивление плановых работников, многим эти нововведения казались просто проявлением здравого смысла, реформа представлялась почти революционным по своему характеру освобождением от бюрократических оков и источником значительной экономии, когда не надо посылать свои заявки на снабжение и сбыт продукции в десятки управлений центральных министерств Москвы, а затем снова проводить их через полдюжины других управлений, спуская их своим поставщикам или покупателям.

В том, что касается образования совнархозов, то вопрос о целесообразности их создания почти не обсуждался. Обсуждению были подвергнуты в первую очередь вопросы размеров совнархозов, их структуры, сферы их деятельности. В тезисах было сказано,

что «нет необходимости иметь совнархозы во всех областях, краях и автономных республиках, а создавать их следует там, где промышленность достаточно развита» [5]. Последовавшая затем дискуссия в значительной мере свидетельствовала о важности данного вопроса.

Секретари обкомов КПСС и секретари парткомов на предприятиях выступали за то, чтобы каждая область имела свой совнархоз. Лишь некоторые секретари обкомов сильных областей (Иркутская, Львовская) предлагали, чтобы соответствующая область была во главе крупного экономического района, где находился бы совет народного хозяйства. Благодаря сильному давлению секретарей обкомов обоснованные предложения, главным образом председателей областных и районных плановых комиссий, о формировании «многообластных» совнархозов были отвергнуты. Однако к их возражениям пришлось вернуться через пять лет, когда совнархозы стали укрупнять. В 1957 г. Н.С. Хрущёв ради поддержки секретарей обкомов пошел им навстречу вопреки целесообразности.

Таким образом, если область (она являлась основным административным подразделением) становилась центром руководства экономикой, то первый секретарь обкома приобретал скорее всего решающий голос при принятии решений по экономическим вопросам. Партийный аппарат в целом получал решающее превосходство над органами управления промышленностью. Значительно расширялись права основной массы сторонников Н.С. Хрущёва из территориальных партийных органов. Некоторые ученые предлагали в качестве экономического эксперимента создать в 1957 г. только 5-6 совнархозов в развитых экономических административных районах, таких, как Московский, Ленинградский, Свердловский и т. д., и в случае положительных результатов их деятельности организовать совнархозы по всей стране, но эти предложения не были преданы гласности.

Предварительные экономические эксперименты не проводились, скорее всего из-за

отсутствия времени. К тому же успешная деятельность территориальных органов Москвы была одним из главных аргументов за проведение реформы. Некоторые экономисты в ходе обсуждения предлагали одновременно совершенствовать экономические рычаги, однако эта идея нашла применение лишь через несколько лет. Партийные организации Москвы и Московской области отвергли предложение о создании единого Московского совнархоза. Председатель Мосгорсовнархоза К.Д. Петухов считал, что «объединение двух совнархозов потребовало бы изменение структуры партийного руководства, так как Мосгорсовнархоз был тесно связан с городским комитетом партии, а предприятия, расположенные в области, должны были быть связаны с областным комитетом партии¹. Однако к этому вопросу было решено вернуться позднее, что подтверждает вывод, что первоначальная структура московских совнархозов была не идеальной. Ясно, что совнархозы не должны были быть однотипными для всех экономических районов, структура их должна была определяться характером промышленного производства каждого района.

Можно высказать и ещё одну причину такого количества совнархозов. Чтобы не производить большой ломки сложившейся уже системы местного управления, на первом этапе предполагалось создать совнархозы в пределах существующих административных границ. В ходе дискуссии явно обнаружилось стремление сохранить в руках центральных органов по-прежнему не урезанными все основные права – планирование, финансирование, распределение, т. е. полный контроль.

Доводы противников реформы публиковались очень редко, что создавало атмосферу полного согласия. Взгляды тех, кто считал, что система управления должна быть ещё больше приближена к непосредственному производителю, в печати не излагались. Так, журнал «Коммунист» в передовой статье сообщил, что редакция получила, но не опубликовала письма, в которых отдельные лица и

группы людей обосновывают необходимость дальнейшей демократизации управления.

Проект реформы управления представили на обсуждение до того, как Верховный Совет принял окончательное решение. По сообщениям прессы, до 5 мая 1957 г. на собраниях, посвященных обсуждению реформы, присутствовало в целом 40 млн 820 тыс. человек, из которых выступило 2 млн 300 тысяч. Утверждалось, что в прессе было опубликовано 68 тысяч дискуссионных статей и что миллионы граждан одобрили тезисы Н.С. Хрущёва [8, с. 26].

В целом анализ материалов дискуссий позволяет считать, что доминировал и, в конце концов, победил сугубо местнический подход в вопросе о размерах совнархозов. Пожалуй, это был главный вопрос дискуссий. Во время дискуссий статьи секретарей обкомов КПСС имели характер самоотчетов, и их главный вывод состоял в том, что данному региону областного ранга необходим свой совнархоз. Безусловно, что на Н.С.Хрущёва данная точка зрения оказала самое серьезное влияние, иначе чем объяснить, что доклад Н.С. Хрущёва, с которым он выступил на сессии Верховного Совета СССР 7 мая 1957 г., отличался от тезисов Н.С. Хрущёва, опубликованных 30 марта. В тезисах предполагалось создание совнархозов на основе укрупненных административно-экономических районов. На сессии речь шла уже о создании 105 административно-экономических районов, в которых были организованы совнархозы. Эти районы совпадали, как правило, с областями. Из обсуждений на проходивших впоследствии партийных собраниях можно сделать вывод, что первые секретари территориальных организаций обладали решающим голосом в вопросах управления промышленностью в своих областях.

Оппозиция реформе несомненно была, противники хрущевского плана были сравнительно многочисленны. Но оппозиция оказалась бессильной перед активностью Н.С. Хрущёва и его сторонников. По всей видимости, тезисы Н.С. Хрущёва содержали технически сырой проект, нуждавшийся

¹ Центральный государственный архив города Москвы. Ф. Р-62. Оп. 2. Д. 243. Л. 9.

в доработке. Н.С. Хрущёву дали провести его план – да не совсем. За время между обнародованием его «тезисов» и его докладом Верховному Совету Н.С. Хрущёву пришлось произвести изменения. В своем докладе Н.С. Хрущёв уже согласился оставить восемь министерств. Сохранилось министерство среднего машиностроения, на которое перевели М.Г. Первухина, сохранилось и расширилось Министерство электроэнергии, которое возглавлял Г.М. Маленков. Министерство общего машиностроения не просто упразднилось, а вливалось в министерство оборонной промышленности. Думаю, что эти уступки Н.С. Хрущёва были вызваны главным образом давлением военно-промышленного комплекса.

Против сохранения союзно-республиканских министерств на сессии выступило много депутатов (Козлов, Кальченко, Привалов, Нуриев, Сабиров, Засядько) [1, с. 168]. Министр угольной промышленности УССР Засядько высказался и за упразднение союзных министерств, которые Н.С. Хрущёв считал необходимым сохранить (все министерства с отчетливой военной продукцией), – но в этом вопросе Засядько был одинок [1, с. 170]. На сессии всего два человека высказались за необходимость сохранить министерства.

Каковы бы то ни были по своей убедительности доводы за сохранение того или иного союзно-республиканского министерства, они ни в коем случае не могли повлиять на окончательное решение. Оно было predetermined, как было заранее решено и то, что все министерства с высоким удельным весом военной продукции сохранят свой штат и будут фактически управлять всеми предприятиями при формальной их передаче в ведение совнархозов. Несмотря на то, что военно-оборонные предприятия были засекреченными, их по закону предполагали передать совнархозам, которые не могли вмешиваться в их производство.

Большинство выступлений в Верховном Совете касалось не реформы как таковой, а возможных её следствий. Главной опасностью справедливо считалось местничество,

под которым подразумевалось стремление удовлетворять в первую очередь местные нужды, а лишь затем выполнять межрайонные и общесоюзные производственные обязательства. Следует остановиться на том, что преимущества новой системы руководства промышленностью, которые позволили бы ликвидировать ведомственность и создать на местах более правильную специализацию и внутрирайонную кооперацию, не вызвали того сплошного оптимизма, который господствовал в первых выступлениях после публикации тезисов Н.С. Хрущёва. Преобладало опасение, что большинство совнархозов будет нарушать межрайонные поставки и межобластное кооперирование, действуя прежде всего в интересах хозяйства своего района.

Предварительно какие-то конфликты, несомненно, происходили за кулисами. Это впечатление подкрепляется странным, совсем необычным молчанием всех крупных советских хозяйственников в Верховном Совете, хотя вопрос был первостепенной важности для Советского Союза. Не было ни коллегиальной поддержки, ни солидарности. Если мы обратимся к списку депутатов, выступавших на сессии в прениях по докладу Н.С. Хрущёва, то нам не может не броситься в глаза, что ни один из членов Президиума ЦК речи не держал. Даже Булганин, который в качестве Председателя Совета Министров СССР обязан был высказаться, просидел молча все дни. Из 32 депутатов, ораторствовавших с трибуны Верховного Совета СССР, семь – секретари обкомов, из председателей Совета Министров союзных республик – двое ранее были первыми секретарями в тех же республиках. Всего три министра попросили слово, причем один из них работал в министерстве, которого реформа не задевала (министр путей сообщения СССР), а второй – из министерства, за ликвидацию которого он сам стоял. Никто из крупных деятелей не принимал участия в обсуждении проекта.

Создавалось впечатление, что ни техническая бюрократия (министры), ни техническая интеллигенция и хозяйственники не под-

держивали хрущевской реформы. Ни один из присутствовавших на сессии Верховного Совета в мае 1957 г. плановиков и крупных хозяйственников не принял участия в прениях. Лишенные возможности возражать вслух, они по меньшей мере отказывались активно поддерживать реформу. Те, кого касалась реформа в первую очередь, хранили полное молчание, что красноречивей слов. За реформу стояли только партаппаратчики: она усиливала их влияние на местах. Бюрократия на местах хотя и поддерживала реформу, но полагала, что может обойтись без посланных из Москвы «начальников».

Реформа вызвала освобождение десятков тысяч высококвалифицированных специалистов в центре и переброску их в провинциальные совнархозы. Сроки реорганизации были столь коротки, что переброска людей проходила в темпах набора работников на целину. Вполне вероятно, что Н.С. Хрущёву не терпелось выслать из столицы влиятельных хозяйственников, на которых опирался Булганин. Соппротивление многих работников хозяйственного аппарата вполне можно понять.

Самым поразительным в реформе кажется не глубина ломки сложившейся более чем за четверть века структуры руководства – ломки, на которую пошел Н.С. Хрущёв, не имея за собой большинства в Президиуме ЦК КПСС, – а то, с какой стремительностью проект протащили через все инстанции. После февральского пленума ЦК были опубликованы тезисы доклада Н.С. Хрущёва. Менее месяца длилось их обсуждение на предприятиях и в печати. Очень быстро прошло обсуждение доклада Н.С. Хрущёва на седьмой сессии Верховного Совета СССР 4-го созыва: день – доклад, два дня – обсуждение, четвертый день – все подписано и стало законом. Но этой спешки мало. Печать торопливости лежит и на претворении в жизнь реорганизации. За полтора месяца свыше двух десятков министерств должны были передать образующимся 105 совнархозам свои огромные архивы, десятки тысяч людей и – самоликвидироваться. Совнархозы в этот же срок должны были укомплектоваться и командо-

вать предприятиями, которых ранее не знали. Предприятия, выпавшие из вертикальной отраслевой оси, должны были поддерживать кооперирование, снабжение друг друга сырьем и материалами. Все это должно было идти с хода и поддерживаться при помощи самодисциплины.

Реорганизация управления объединила против Н.С. Хрущева большинство его противников. В политическом отношении реформа имела большое значение, так как в связи с ней наиболее ярко проявились разногласия между Н.С. Хрущёвым и его сторонниками, с одной стороны, и так называемой антипартийной группой Маленкова, Молотова, Кагановича, Булганина – с другой. Во всяком случае, есть все основания полагать, и это подтверждают заявления самого Н.С. Хрущёва, что, когда была принята реформа, которая, по мнению оппозиционеров, должна была поколебать сами основы советского планового хозяйства, последние пришли к выводу о необходимости смены руководства. В постановлении ЦК КПСС «Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова» говорилось: «Обанкротившаяся группа функционеров зашла настолько далеко, что даже после одобрения указанных мер в процессе всенародного обсуждения и последующего принятия Закона на сессии Верховного Совета СССР – они продолжали борьбу против реорганизации управления промышленностью» [6].

Эта победа первого секретаря ЦК КПСС только еще раз показала, что кто стоял во главе партийного аппарата, тот обладал самыми большими возможностями в стране. Хотя первые секретари обкомов не во всем поддерживали Н.С. Хрущёва, свою власть на местах они получили в большинстве случаев с реформами Н.С. Хрущёва. Естественно, в июне 1957 г. именно секретари обкомов стремились созвать Пленум ЦК. Таким образом, предложения Н.С. Хрущёва о реорганизации управления обострили обстановку внутри Президиума ЦК КПСС. Обсуждение реформы получило широкое освещение в печати, что дало впоследствии веские козыри Н.С.

Хрущёву. Реорганизация помогла Н.С. Хрущёву разгромить так называемую «антипартийную группу» и усилить центральный аппарат партии. Следует отметить, что реформа управления рассматривалась руководителями страны прежде всего с точки зрения экономической целесообразности. Желание расправиться со своими противниками явилось следствием, а не причиной такой реформы. Укрепление политической власти нельзя считать доминирующим фактором данной реформы.

При Н.С. Хрущёве дискуссия, проводимая в масштабе всей страны, являло собой нечто совершенно новое по сравнению со всем предыдущим. Смысл этой кампании заключался, прежде всего, в том, чтобы довести до сознания людей во всех, даже самых отдаленных уголках страны, что планирование и организация экономики очень скоро должны быть решительно изменены. Несмотря на то, что в печати публиковались, как правило, только те материалы, которые не противоречили

заранее предложенной схеме перестройки, и одобрение решений, принятых высшим руководством, было делом заранее предрешенным, эти обсуждения влияли как-то на выработку немаловажных деталей. Н.С. Хрущёв был вынужден пойти на изменения первоначального плана реформы, а через несколько лет – вернуться к ряду предложений, отвергнутых в ходе обсуждения реформы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Заседания Верховного Совета 4-го Созыва (7-я сессия). 7-10.5.1957. Стенограф отчет. – С. 168.
2. Исторический архив. 1993. – № 5. – С. 77.
3. Исторический архив. 1994. – № 2. – С. 21.
4. КПСС в резолюциях и решениях. – М., 1971. – Т. 7. – С. 231.
5. Правда. 1957. 30 марта.
6. Правда. 1957. 4 июля.
7. Превратности судьбы. К конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Хрущева. – М., 1994. – С. 40-41.
8. Хрущев Н.С. О дальнейшем совершенствовании управления промышленности и строительства. – М., 1957. – С. 26.

УДК 091

Костюченко И.Ю.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (1991-1999 гг.)

I. Kostyuchenko

Moscow State University named after M. Lomonosov

INTERNATIONAL LINKS OF THE RUSSIAN FEDERATION HIGHER SCHOOL IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION (1991-1999)

Аннотация. В статье, посвященной изучению международных связей высшей школы Российской Федерации в 1990-е гг., показано влияние интеграционных процессов в области образования на развитие российских вузов как в центре страны, так и в регионах. Автор отмечает, что децентрализация системы управления российским образованием в 1990-х гг. привела к стремительному росту образовательных организаций, получивших возможность самостоятельно устанавливать международные связи в области высшего образования и науки, выступать на международной арене в качестве субъектов, обладающих определенными полномочиями.

Ключевые слова: образование, высшая школа, глобализация, международные связи, интеграция, сотрудничество.

Abstract. The article is dedicated to the study of international links of the Russian Federation higher school in 1990s and shows the influence of the integration processes in the field of education on the development of Russian universities, both in the Centre and in the regions. The author notes that the decentralization of the Russian education management in the 1990s led to the rapid growth of educational organizations. As a result they got an opportunity to establish international links in the field of higher education and science. One more opportunity was to act in the international arena as subjects with certain powers.

Key words: education, higher school, globalization, integration, cooperation.

В развитии международных контактов высшей школы Российской Федерации в 1990-е гг. в наибольшей степени отразился момент обновления, трансформации прежних, советских форм и методов работы вузов страны. Глобализация в сфере мировой экономики, политики и культуры объективно требовала интенсивной интеграции образовательных систем. Без активного международного сотрудничества вузов было невозможно эффективно реформировать отечественную систему образования так, чтобы она работала на уровне мировых стандартов, успешно решала задачи перехода к рыночной экономике, правовому государству и гражданскому обществу в России.

В 1990-е гг. вузы России вступили в качественно новый этап своего развития, который характеризовался демократизацией системы образования, появлением новых коммерческих форм обучения, расширением сфер международного сотрудничества. В структурах Министерства образования активно обсуждалась идея включения Российской Федерации в единое общеевропейское образовательное пространство, построенное на общих принципах. Преследовалась цель улучшения качества образования, повышения мобильности выпускников, способных работать по приобретенной специальности практически во всех странах Европы [4, с. 54].

На первом этапе реформ развитие международных связей высшей школы России во многом определялось накопленным еще в советский период опытом международного сотрудни-

чества, тем потенциалом, который уже имелся в стране к началу 1990-х гг.

В первой половине 1990-х гг. наиболее открытыми для диалога с международным сообществом оказались столичные вузы. В дальнейшем, по мере децентрализации системы управления образованием и расширением прав вузов, существенно увеличилось количество региональных высших учебных заведений, получивших возможность самостоятельно устанавливать международные связи в области высшего образования и науки, выступать на международной арене в качестве субъектов, обладающих определенными полномочиями. К концу 1990-х гг. стало практиковаться предоставление вузам широкой автономии в установлении контактов и налаживании сотрудничества в учебной и научной деятельности с зарубежными учебными заведениями, научными учреждениями, национальными и международными образовательными организациями.

В условиях глобализации заметно увеличилось число российских студентов, обучавшихся в высших учебных заведениях развитых стран. В России были открыты филиалы и представительства зарубежных вузов. Широкое распространение приобрела практика получения одновременно отечественного и зарубежного диплома [3, с. 44]. Первым представительством российского вуза в дальнем зарубежье стал филиал Дальневосточного государственного университета, открытый в 1994 г. в Хакадате (Япония). В 1999 г. филиалы российских государственных вузов были открыты в Вифлееме (Израиль), Сеуле (Республика Корея), в 2000 – в Улан-Баторе (Монголия), Сухэ-Баторе (Монголия) [1, с. 83].

В Магадане на базе педагогического института при поддержке Правительства Российской Федерации был создан Международный педагогический университет, в котором удалось механизм аккредитации перевести на международный уровень. К концу 1990-х гг. университет в Магадане превратился в центр образовательных инноваций на российском Севере и на Севере Азиатско-Тихоокеанского региона. Руководством университета актив-

но использовался мировой опыт в области образования. В государственной аттестации университета приняли участие представители из США и Японии. На основе российских государственных образовательных стандартов и американских программ были созданы совместные учебные планы, что позволило обеспечить параллельное обучение студентов двух университетов – Международного Магаданского и Университета штата Аляска. Российские студенты одновременно получали два диплома (МПУ и УША) по специальностям экономического профиля [5, с. 25].

Заметную поддержку высшей школе оказало открытие филиалов российских вузов в ближнем зарубежье. Первым вузом, открытым в зарубежных странах, стал Российско-Киргизский университет в Бишкеке (1993 г.). К концу исследуемого периода в нем обучалось более 3500 студентов. Три года спустя после возникновения Славянского университета в Бишкеке, в Душанбе был открыт Российско-Таджикский университет. В 2000 г. в нем уже обучалось более 2200 студентов. В 1999 г. Славянский университет был открыт в Ереване. Заметным событием стало открытие в Севастополе и Астане филиалов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова [2, с. 55].

В условиях системного кризиса 1990-х гг. развитие международных связей российских вузов столкнулось с комплексом неблагоприятных факторов. После распада единой образовательной системы СССР между Россией и бывшими республиками прекратился обмен преподавателями, лекторами, учебной и методической литературой. Не проводились ранее запланированные научные конференции и симпозиумы. Образование и наука не только в России, но и в суверенных государствах, возникших на пространстве бывшего СССР, оказались в остром кризисе, связанном с политической нестабильностью, экономическими и финансовыми трудностями, гражданским противостоянием, этническими конфликтами. Заметно снизился уровень научных исследований как в вузовском, так и в академическом и отраслевом секторах.

Быстро росла коммерциализация вузов, причем многие из вновь созданных коммерческих высших учебных заведений оказались не в состоянии подготовить специалистов на должном уровне.

Несмотря на существование реальной и взаимной потребности в развитии межвузовского сотрудничества, руководство республик далеко не всегда шло навстречу российской стороне. Непростой в 1990-е гг. оставалась ситуация в Прибалтике и Казахстане. Наиболее благополучно сотрудничество в сфере высшего образования в 1990-е гг. развивалось между Россией и Беларусью [6, с. 35].

Во второй половине 1990-х гг. российским университетам удалось вернуть в аудитории иностранных студентов, аспирантов и стажеров, растерянных на первом этапе переходного периода. Например, к концу исследуемого периода в 1998-99 учебном году в учебных заведениях России обучалось около 58 тыс. граждан зарубежных стран, из них более 90 % – на платной, контрактной основе. Предпочтение иностранные студенты отдавали медицинским и инженерным высшим учебным заведениям, как правило, имеющим высокий статус на мировом рынке образовательных услуг.

Расширение сфер международного сотрудничества вузов России в 1990-е гг. соот-

ветствовало внешнеполитической доктрине страны, ориентированной на сближение, главным образом, со странами Запада. Знакомство руководства отечественных высших учебных заведений с зарубежным опытом способствовало углублению курса реформ в сфере образования, направленных на перестройку работы высшей школы в соответствии с требованиями рыночной экономики и повышения качества подготовки специалистов до уровня международных стандартов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борисов И.В. Особенности подготовки национальных кадров для зарубежных стран в России в условиях экономического кризиса 1990-х гг. – М., 2005. – 211 с.
2. Вузы России. Справочное издание. – М., 1999. – 329 с.
3. Гудков Л. Кризис высшего образования в России: конец советской модели // Мониторинг общественного мнения. 1998. – № 4 (36). – Июль-август. – С. 41-49.
4. Ладыжец Н.С. Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации. – Ижевск, 1992. – 269 с.
5. Материалы V съезда Российского союза ректоров высших учебных заведений. – М.: МГУ, 1998. – 341 с.
6. Родионов К.М. Международное сотрудничество высшей школы: перспективы и основные направления развития. – СПб, 2008. – 178 с.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329.17(430):574

Вититнев С.Ф.

Московский государственный областной университет

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ И ИДЕОЛОГИЯ ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА

S. Vititnev

Moscow State Regional University

THE POLITICAL EVALUATION OF ECOLOGICAL SCIENCE AND THE IDEOLOGY OF THE RIGHT RADICALISM

Аннотация. Статья посвящена идеологии германского правого радикализма, стремящегося модифицировать ее содержание за счет заимствования отдельных положений из арсенала экологической науки, а также программ природоохранительных партий и движений в расчете добиться увеличения своего влияния в общественно-политической жизни. Подвергая критическому анализу такого рода теоретические конструкции автор показывает их очевидное сходство с теми, что были представлены в идеологии «классического» фашизма, а в современных условиях призваны обосновать необходимость прихода к власти реакционной диктатуры. Рассматривается вопрос о вероятности осуществления этого политического сценария.

Ключевые слова: идеология, правый радикализм, цивилизация, ядерное оружие, миграция, экология, окружающая среда, национализм, диктатура.

Abstract. The article is devoted to the German right radicalism ideology, aspiring to modify its content at the expense of borrowing certain aspects from the arsenal of ecological science, as well as from the programs of nature-protecting parties and movements. The author states that thus they are trying to expand their influence on the socio-political life. Exposing such theoretical conclusions of the right radical ideologists to the critical analysis the author shows their identity with those of the “classical fascism” ideology. It's stated that they have a speculative character and are supposed to prove the necessity of a reactionary dictatorship coming to power. The author investigates the possibility of such political scenario realization.

Key words: ideology, the right radicalism, civilization, the nuclear weapon, migration, ecology, environment, nationalism, dictatorship.

Одной из важнейших задач, стоящей перед человечеством в современных условиях, является изучение проблем его взаимодействия с природой, выявление причин набирающего силу экологического кризиса, поиск средств, способных воспрепятствовать дальнейшему ухудшению экологической ситуации, а в идеале – кардинально улучшить ее. Внести вклад в решение этих задач призвана экология, научная дисциплина, возникшая как раздел экологии, изучающая взаимодействие биосистем различных уровней организации с окружающей средой. Однако наука не стоит на месте, а потому в настоящее время экология предстает как междис-

циплинарный комплекс знаний, в структуре которого заметное место занимают вопросы, касающиеся социальной обусловленности процессов, определяющих состояния мира природы, ее охраны, регулирования использования природных ресурсов и т. д.

Более того, положения и выводы, постулируемые этой наукой, становятся предметом общественных дискуссий, берутся на вооружение массовыми движениями, ведущими борьбу в защиту окружающей среды, помещаются в специальные разделы программ политических партий. Подобного рода феномен, с одной стороны, объясняется осознанием миллионами людей (как учеными, так и рядовыми гражданами) масштабов угрозы, которую несет экологический кризис, а с другой – того факта, что характер общественных отношений (социально-экономических, политических, духовных) определяет характер отношения человека к природе. Примечательно и другое. Положения и выводы экологической науки интерпретируются представителями различных социально-политических кругов и движений, а также примыкающих к ним научных и околонаучных школ, подчас в диаметрально противоположном ключе. Такого рода несовпадения – наглядное подтверждение того, что вопросы экологии приобрели подлинно социальное звучание, а предлагаемые рецепты, касающиеся их решения, определяются не только теоретико-методологическими подходами авторов, но и интересами социально-политических групп, стоящих за ними. Примером тому может служить Федеративная Республика Германии, в которой действует самое многочисленное в Европе экологическое движение, а вопросы экологии не обходятся практически ни одной партией или общественной организацией, по заданиям которых работает целый ряд научных институтов экологического профиля. На протяжении последних трех десятилетий в стране по упомянутым вопросам ведутся жаркие баталии, в которые оказались втянутыми наряду с политиками и учеными широкие слои населения, а на суд общественности было предоставлено достаточно большое ко-

личество концепций, учений, теорий самого разного толка.

На их общем фоне выделяются теории, выдвигаемые политиками и учеными, которые по своим мировоззренческим позициям могут быть определены как правые радикалы, что наложило заметный отпечаток на их подходы к экологической проблематике. Обращение к последней рассматривалось ими как важнейшее условие усиления своего влияния в обществе и позволяло надеяться, что с помощью «экологических аргументов» удастся обосновать старые мировоззренческие принципы, определявшие содержание идеологии еще «классического» фашизма. Так, составители «Манифеста» праворадикальной организации «Молодые национал-демократы» восхищались тем, как была организована охрана природы в «Третьем рейхе», называя Гитлера «отцом экологии» [16, с. 199]. В результате в системе праворадикальной идеологии возникает весьма весомая экологическая составляющая. Однако при этом большинство идей, почерпнутых из арсенала научной экологии, получив ложное, зачастую иррациональное, обоснование, претерпевали инверсию, теряли свое значение как в гносеологическом, так и в аксиологическом плане. При этом социально детерминированные явления редуцировались и трактовались с позиций биологизма, антропологизма, вульгарного дарвинизма.

Для придания видимости наукообразия праворадикальные теоретики охотно ссылались на авторитет К. Лоренца, основателя этологии (учение о поведении животных), распространяя её выводы на человеческое общество [15, с. 15-20]. Этой же цели служило их обращение к трудам таких антропологов и психологов, как Ф. Гальтер, стоявший у истоков евгеники [11, с. 57]. Подобные методологические начала приводили, в конечном счете, к фальсификации сути экологической ситуации, а также определяющих её причин.

Помимо этого, конструируя собственную экологическую концепцию, правые радикалы охотно заимствовали из экологического учения природозащитной партии «Зелёные»

ряд ключевых понятий, в особенности те, что были созвучны терминам из их собственного вокабулярия. В результате идейная мимикрия сочеталась с подменой значения этих понятий и получением выводов принципиально несовместимых с ценностями, утверждаемыми подавляющим большинством участников экологического движения.

Подобно «зелёным», правые радикалы громко заявили о своей обеспокоенности экологической ситуацией, сложившейся как в стране, так и в масштабах всей планеты. При этом они сознательно отказывались от её объективного анализа и взвешенной оценки, подменив их драматическим пафосом, рисуя мрачную картину скорой гибели всего живого вследствие надвигающихся природных и социальных катаклизмов. Как утверждал в этой связи М. Валкер, «то, к чему скоро придет мир, будет не просто «концом истории, но и концом самой жизни» [1, с. 117]. В подобном же духе выдержаны рассуждения Р. Лёва, писавшего о том, что глобальное потепление, угрожающее земле своим следствием, будет в конце иметь не только экологическую катастрофу, но и тяжелейшие международные политические и социальные кризисы [1, с. 117]. Такого рода эсхатологические прогнозы были призваны посеять ужас в массовом сознании, оглушить его; они служили обоснованием тем действиям, которые правые радикалы предлагали осуществить, дабы предотвратить надвигающуюся гибель природы и человека.

Вслед за «зелёными» правые радикалы выступали против пагубного воздействия человеческой деятельности на природу, в которой «поддержание экологического равновесия есть условие существования самой человеческой популяции» [17, с. 127], критиковали индустриально-техническую направленность современной цивилизации, призывая переориентировать общество на естественный и жизненный порядок [10, с. 35]. Условием его достижения назывался отказ от иллюзорного представления, господствующего в умах людей и популяризируемого всеми политическими партиями, о возможности безостановочного экологического роста, что абсур-

дно, поскольку запасы природных ресурсов ограничены и частично невозполнимы [8, с. 28-29]. В этой связи праворадикальные идеологи обрушивались на так называемые «марксистско-либеральные утопии», ратуя за переориентацию сознания людей на ценности, задаваемые самой природой, что должно изменить их отношение к окружающему миру и спасти жизнь на земле [1, с. 122]. По определению Х. Рустемейера, экономический рост, сопряженный с нещадной эксплуатацией природы, подобен раковой опухоли и губителен для всего живого [1, с. 122].

Слабые места и противоречия в экологической политике государства и ведущих партий становились предметом жесткой критики со стороны правых радикалов. Так, согласно утверждению Р. Люскирхена, «традиционные» подходы к таким спорным ситуациям, как рост безработицы, всегда предполагают принятие решения в ущерб природе, в пользу экономического роста [1, с. 122].

Обращаясь к проблеме эксплуатации атомных электростанций, большинство экоправых, в той или иной степени занимавших «антиатомную» позицию, указывали, что это чревато заражением ландшафта радиоактивными отходами, не дает гарантий против несчастных случаев и не ведет к созданию новых рабочих мест» [16, с. 200].

Серьезным изъяном этой критики являлась ее крайняя тенденциозность. Дело в том, что главную роль в финансировании атомной промышленности, в силу её повышенной капиталоемкости, в ФРГ на себя брало государство, поэтому фрондерство экоправых приобретало сугубо антидемократическую направленность, которая и определяла все приводимые доводы. С другой стороны, утверждая, что АЭС могут быть разбомблены вражеской авиацией и взорваны террористами, они подогревали ксенофобские настроения и бросали тень на левые организации [2, с. 203]. Предостережениями о возможности попасть в зависимость от иностранных государств – импортеров урана, праворадикальные идеологи отдавали не только традиционную дань идее национализма и автаркии, но и

делали жест в сторону национальных угольных компаний. В этом убеждают их призывы использовать энергию, производимую на «немецком угле» тепловыми станциями, эксплуатация которых с экологической точки зрения также имела много минусов.

Кроме этого, определенная часть эко-правых вообще придерживалась мнения, что эксплуатация АЭС вполне оправдана, поскольку, «атомная энергетика имеет неоспоримые преимущества перед углем и её использование позволит преодолеть кризисные явления в экономике» [6].

Следует принять во внимание и следующее обстоятельство: правые радикалы на протяжении многих лет требовали оснастить армию ФРГ атомным оружием. Как писал в этой связи германский специалист в области социальной экологии Я. Петерс, «кто стремится к высокому уровню в вооружениях, конечно, не противник АЭС, а сторонник атомной технологии с опасными в «атомном государстве» последствиями – сокращением демократических прав и разрушением окружающей среды в интересах прибыли» [17, с. 137].

Именно поэтому лишь немногие из эко-правых позволяли себе ламентации насчет того, что «накопление атомного оружия не может служить делу мира» [7, с. 535]. Значительно более типична была иная позиция. Признавая, что человечество столкнулось с угрозой ядерного самоуничтожения, а атомная война обернется гибелью всего живого на Земле, они стремились возложить вину за создавшееся положение на бывший СССР и его союзников. Помимо этого причиной, приводящей к угрозе ядерного апокалипсиса, назывались несовершенство человеческой природы и идеологические представления, возникшие в эпоху Просвещения, в частности атеистический гуманизм, положившие конец традиционному видению людьми своего места в системе природных и социальных отношений [8, с. 32].

Призывая человечество отказаться от техногенной парадигмы развития, правые радикалы выдвигали свои рецепты реше-

ния проблем экологии. Опираясь на идею о пределах экономического роста, присутствующую в публикациях международной организации футурологического профиля «Римский клуб», они указывали на то, что 1/5 часть населения Земли, проживающая в индустриально развитых странах, потребляет в десятки раз больше сырья, энергии, готовой продукции, чем весь остальной мир, и делали вывод о том, что если такой тип хозяйствования приобретет всеобщий характер, то экологическая катастрофа станет неминуемой.

При этом в стороне оставался тот факт, что столь высокий уровень потребления в индустриально развитых странах был во многом основан на неадекватном экономическом обмене со странами «третьего мира», для которых единственным выходом из состояния нищеты и отсталости могло стать лишь форсированное развитие индустриального производства. Тем более, что, как пишут германские исследователи М. Баумхауэр и Н. Хакенберг, его отсутствие в условиях, когда рост численности населения не подкрепляется ростом экономическим, несёт угрозу возникновения политических конфликтов и социальной напряженности [4, с. 25]. Однако, поскольку перспектива обретения этими странами экономической независимости могла подорвать материальное благополучие так называемого «золотого миллиарда», в ход шли рассуждения о необходимости сохранения народами «третьего мира» своей культурной автономии и необходимости противостояния попыткам либерального Запада навязать им «порочную» цивилизационную модель. Взяв на вооружение концепцию этноплюрализма, правые радикалы доказывали, что народы развивающихся стран якобы прекрасно приспособились к окружающей их среде и создали своего рода высокоразвитую культуру и им не следует идти по пути развития индустриального производства [3, с. 47-48].

Правом на это обладают лишь только «европеоиды», поскольку их культуре свойственны рационализм, связь между логикой и эмпирическим знанием, технологии, направ-

ленные на подчинение природы, классифицирующее мышление и ориентация на высокую производительность труда [12, с. 26].

Что же касается народов развивающихся стран, то лучшим средством против нищеты и надвигающейся экологической катастрофы называлась активная демографическая политика, направленная на резкое сокращение рождаемости. За этой рекомендацией стояло непонимание того, что способ воспроизводства народонаселения в значительной степени определяется уровнем социально-экономического развития. Наличие большой семьи в развивающихся странах было залогом выживания людей, гарантией того, что, заболев или состарившись, а значит, потеряв трудоспособность, человек не умрет от голода.

Обыгрывая действительно чрезвычайно острую проблему, с которой столкнулись многие западные страны, в том числе и ФРГ – увеличивающейся и плохо контролируемой миграции сотен тысяч выходцев из развивающихся стран, эко-правые видели в них источник экологической угрозы и призывали к принятию самых строгих мер. Первыми шагами в этом направлении, согласно Р. Люскирхену, должны стать запрет на въезд новых эмигрантов и высылки тех, что прибыли из неевропейских стран [1, с. 126].

В то же время праворадикальные авторы предпочитали не упоминать о том, что миграция была прямым следствием экономической отсталости этих стран, на протяжении долгих лет находившихся в состоянии колониальной и неоколониальной зависимости, и к тому же первоначально активно инициировалась правящими кругами и крупным бизнесом ФРГ, заинтересованным в условиях экономического подъема в притоке дешевой рабочей силы.

Тем не менее Х. Рустемейер, поднимая вопросы экологии, в первую очередь обращал внимание на то, что прибытие в Германию сотен тысяч новых мигрантов сопряжено с еще большей урбанизацией, разрушением природного ландшафта, увеличением потребления энергии и индустриализацией, интенсификацией сельского хозяйства, истощением

почв, ростом количества отходов [1, с. 121]. Отсюда следовало, что наиболее действенный путь решения проблем природоохранного характера – возвращение иностранцев на их историческую родину, что принесёт ФРГ, как одной из наиболее плотно заселенных стран мира, социальное и экологическое облегчение.

Хотя эти утверждения и имели под собой основания, но они не раскрывали главных причин ухудшающейся экологической ситуации, а содержащиеся в них практические рекомендации по её улучшению в силу этого обстоятельства вовсе не были панацеей. Источник экологического кризиса крылся в индустриально-буржуазном способе производства, с присущим ему потребительским отношением субъектов хозяйственной деятельности к природе, их готовностью во имя получения прибыли брать на вооружение технологии, разрушительные для окружающей среды и т. д. Плохо контролируемая миграция, конечно, не улучшала экологическую ситуацию, но была лишь одним из сопутствующих моментов, свойственного рыночной экономике стихийного перелива рабочей силы, обладатели которой постоянно стремятся обрести более выгодные условия её продажи. В идеологии же правого радикализма иностранцы превращались в основных виновников загрязнения окружающей среды, абсолютно не заинтересованных в том, чтобы в Германии проводились правозащитные мероприятия, поскольку на их родине пустынная местность заставляет человека видеть в природе врага, а не партнера. В результате мигранты, прибывшие в ФРГ из стран, расположенных в соответствующих климатических поясах, уже априори оказывались опасными как в экологическом, так и социальном отношении. Ведь разрушаемая ими природа выступает ключевым фактором формирования национального самосознания немецкого народа, учитывая, что «человек – это территориально определенное существо, и он может исчезнуть, если исчезнет его персональное пространство» [14, с. 6]. Наплыв же иностранцев разрушает природу Герма-

нии, духовные и биологические основы её народа, снижает качество жизни [10, с. 37].

Призывая воспрепятствовать этому, председатель праворадикальной партии республиканцев Ф. Шёнхубер писал: «Мы национальные защитники окружающей среды! Только тот, кто любит свою родину, не допустит, чтобы её природа пришла в упадок» [1, с. 120] Республиканцы определяли охрану окружающей среды как «патриотическую задачу», высказываясь за проведение мероприятий, направленных на гуманизацию транспортной системы, сокращение уровня шума, количества выбросов вредных веществ, сохранение чистоты грунтовых вод при проведении строительных работ [5, с. 107].

Занимая националистические позиции, правые радикалы весьма неохотно касались вопроса о роли предприятий, принадлежавших германским промышленникам, в загрязнении окружающей среды, а потому преимущественно обличали анонимные «мультинациональные концерны», «имеющие влияние на политику и препятствующие экологическому благоразумию во имя собственной прибыли» [16, с. 196].

В противовес этому эко-правые предлагали принять новые законы, предусматривающие наказание виновных в отравлении окружающей среды, в выпуске недоброкачественных химических препаратов и продуктов питания, разработать комплекс природо-защитных мероприятий и для их успешного проведения налаживать многостороннее сотрудничество с другими европейскими странами. Выражая сомнение в способности существующего в ФРГ политического режима претворить все это в жизнь, они заявляли, что наступят времена, когда непрерывная череда экологических катастроф сделает необходимым передачу власти в руки «эко-диктаторских режимов, которые при помощи принудительных мер, а возможно и войны, попытаются обеспечить выживание хотя бы части человечества» [1, с. 127].

С целью придания большего веса своим прогнозам эко-правые ссылались на доклады Римского клуба и, в частности, на содержав-

шиеся в них утверждения, что «традиционные структуры, правительство и институты не держат под контролем проблемы» и что «новый мир» не может управляться существующими на данный момент «структурами и установлениями» [1, с. 127].

Отталкиваясь от этого тезиса, идеологи правого радикализма доказывали, что в условиях, когда целые народы окажутся под угрозой гибели, существующая социально-политическая система рухнет. Помимо этого, её обреченность объяснялась тем, что надвигающаяся экологическая катастрофа в любом случае положит конец практике безостановочного экономического роста, и соответственно – высокому уровню материального благосостояния в странах, придерживающихся этой модели хозяйственного развития. Под вопросом окажется возможность сохранения классового компромисса, достигнутого в странах Запада после завершения Второй мировой войны. Согласно пророчествам, близкого к правым радикалам одного из основателей экологического движения ФРГ Г. Груля, «экологическая политика выживания» приведет к снижению доходов, удорожанию товаров, а также увеличению безработицы. Поскольку её преодоление окажется невозможным за счет дальнейшей эксплуатации разрушающих природу производственных мощностей, то основы общественного устройства окажутся поколебленными. Миллионы безработных поднимут революционный бунт, подавить который институты либеральной демократии окажутся неспособны. Это значит, что обществу, живущему в режиме производственной аскезы на уровне политической надстройки, соответствует эко-диктатура, железной рукой способная навести порядок, заставить человека отказаться от экологических излишеств, положив предел их эскалации на ведущем к катастрофе пути хозяйственного роста [9, с. 336].

Эти прогнозы эко-правых нельзя считать безосновательными. В условиях экологической катастрофы возможность прихода к власти диктатора заметно возрастает, а именно такое развитие событий является для них

наиболее желаемым. Однако в целом экологическая концепция правых радикалов не отвечает научным критериям, поскольку выдвигаемые ими «экологические» аргументы изначально были призваны подкрепить мнимую правильность постулируемых идеологем. Тем не менее, как показывают результаты социологических исследований, обращение правых радикалов к экологической тематике способствовало росту их популярности [13, с. 280]. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что борьба за охрану природы в обязательном порядке требует от науки и общества весьма взыскательного подхода к экологическим рецептам, рекламируемым теми или иными движениями, партиями, организациями или отдельными научными школами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Йокисало Й. Немецкие эко-правые и проблемы экологической и социальной безопасности Европы // Германия и Россия: события, образы, люди. – Воронеж, 1998. – С. 116-132.
2. Пустогаров В.В. Неофашизм и международная безопасность. – М., 1989. – 256 с.
3. Bartsch J. Revolution von rechts? Ideologie und Organisation der Neuen Rechten. – Freiburg im Breisgau, 1975. – 286 S.
4. Baumhauer M., Hackenberg N. Umwelt und Entwicklung. – Sankt Augustin: Konrad – Adenauer – Stiftung e. V., 1992. – 25 S.
5. Berend M., Prenzel M. Die Republikaner, Neue Rechte oder 1000 Jahre und keine Ende. – Leipzig, Wien, B., 1990. – 128 S.
6. Deutsche National Zeitung. 1979. 13. Juni.
7. Faller K., Hahn R. Dem Hass keine Chance» Elemente eines neuen Antifaschismus // Blätter für deutsche und Internationale Politik. – Köln, 1989. – № 5. – S. 534-542.
8. Feit M. „Mut“ früher braun, jetzschwarz // Marxistische Blätter. – Frankfurt a.M., 1988. – № 2. – S. 28-32.
9. Grul G. Ein Planet wird geplündert. Die Schreckensbilanz unserer Politik. – Frankfurt a.M., 1975. – 376 S; Derseble. Das irdische Gleichgewicht. Ökologie unseres Daseins. – Düsseldorf: Erb. Verlag, 1982. – 336 S.
10. Helfeld M., Klönne A., Löwisch P.-Ch. Im Schatten der Krise, Rechtsextremismus, Neofaschismus und Ausländerfeindlichkeit in der Bundesrepublik. – Köln, 1986. – 135 S.
11. Jäger S. Rassismus. Thesen zur Klärung eines umstrittenen Begriffs // Rechtsextremismus im vereinten Deutschland: Randerscheinung oder Gefahr für die Demokratie. – Bremen, B., 1991. – S. 56-61.
12. Kolschetzsky M. Die Stimmen Ihrer Herren. Die Ideologie der Neuen Rechten. – Köln, 1986. – 180 S.
13. Kühnl R. Der aufhaltsame Aufstieg rechtsextremer Partei // Blätter für deutsche und internationale Politik. – Köln, 1989. – № 3. – S. 280-285.
14. Nation Europa. – Coburg, 1988. – № 7. – S. 6.
15. Nation Europa. – Coburg, 1992. – № 7. – S. 15-20.
16. Nationaler Sozialismus von Rechts. Antifaschistische Texte. – B., 1980. – 271 S.
17. Peters J. Rechtsextremisten unterwandern Ökologieszene // Neofaschismus. Die Rechten in Aufwind. – B., 1979. – S. 126-139.

УДК 300-399

Савина О.В.

*Институт стран СНГ
(г. Москва)*

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ МОЛОДЫХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ КАК ИНДИКАТОР ДИАСПОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

O. Savina

*Institute of CIS countries,
Moscow*

YOUNG COMPATRIOTS' MIGRATORY MOODS AS AN INDICATOR OF RUSSIA'S DIASPORA POLICY

Аннотация. В статье анализируется оценка диаспоральной политики России представителями молодого русскоязычного населения в странах СНГ. Исследуя социально-политические модели поведения соотечественников, автор выявляет усиливающуюся тенденцию переезда русской молодежи из бывших республик Союза в страны дальнего зарубежья на учебу, работу и постоянное место жительства. Стремление вернуться на историческую Родину у части этой категории соотечественников постепенно ослабевает. В то же время, в условиях демографического кризиса и ежегодного сокращения трудоспособного населения, Российская Федерация заинтересована в притоке молодых людей из ближнего зарубежья. Результаты исследования содержат некоторые рекомендации для более эффективного сотрудничества России со своей диаспорой.

Ключевые слова: диаспоральная политика, соотечественники, СНГ, молодежь, миграция, образование, гражданство.

Abstract. The article analyses the way the young Russian-speaking population of the CIS countries estimates Russia's diaspora policy. The author investigates the sociopolitical models of the compatriots' behavior and reveals the amplifying tendency of the Russian youth's intention to move from the former Soviet republics to other foreign countries forgetting education, work and permanent residence. This category of compatriots gradually has less intention to return to the historical Native land. At the same time, in the conditions of a demographic crisis and annual reduction of employable population the Russian Federation is interested in an increasing number of young men from the near abroad. The research results contain some recommendations for Russia's more effective cooperation with the diaspora.

Key words: diaspora politics, compatriots, CIS, youth, migration, education, citizenship.

Современная диаспоральная политика России, под которой подразумевается работа государства по выстраиванию системы экономических, политических, информационных и культурных связей с соотечественниками, во многом влияет на их выбор той или иной жизненной стратегии в странах ближнего зарубежья. По мнению ряда исследователей, распад Советского Союза определил для российских соотечественников в странах СНГ три модели социально-политического поведения: ассимиляция в титульную культуру и язык, отстаивание равного статуса в новом сообществе или отъезд в Россию [1, с. 20; 16]. Отъезд в Россию как выбор жизненной стратегии пользовался большой популярностью в 90-е гг. прошлого века. На современном этапе миграционные настроения русской молодежи по-прежнему сильны в Казахстане, Киргизии, Молдове и Украине, однако приток русскоязычного населения из этих государств в Россию заметно сократился [13, с. 247]. В последнее десятилетие появилась и

набирает популярность новая модель поведения российской диаспоры, проживающей на постсоветском пространстве – отъезд в страны дальнего зарубежья [10].

С обретением независимости власти стран бывшего Союза взяли курс на построение национальных государств. Современная политика этих стран направлена на принудительную ассимиляцию других этносов в язык и культуру титульных наций. Об этом свидетельствует насильственное сужение сферы использования русского языка: значительное сокращение школ с русским языком обучения, перевод делопроизводства на государственный язык, сокращение теле- и радиопередач на русском языке. В странах, где диаспора в силу массовой миграции русскоязычного населения оказалась малочисленна – в Армении, Грузии, Таджикистане, Туркмении – русский язык вытеснен на бытовой уровень [7, с. 449].

К странам, где соотечественники в большей или меньшей степени имеют возможность полноценного свободного развития, одни исследователи относят Азербайджан, Белоруссию и Украину [6, с. 89], другие считают, что наиболее активной общественной силой является российская диаспора в Казахстане, Киргизии и Молдове [19, с. 71]. Приняв за основу любую точку зрения, следует заметить, что наиболее объективно оценку эффективности диаспоральной политики России может дать именно пассионарная часть представителей российских соотечественников ближнего зарубежья.

Полагаем, что миграционные настроения в странах проживания российских соотечественников являются одним из важных критериев оценки диаспоральной политики и показателем ее действенности. Ущемление русскоязычного населения в правах, принудительное сужение функционального пространства русского языка, сокращение школ с русским языком обучения, соотечественники, как правило, связывают с недостаточно сильной позицией России в странах СНГ и малоэффективной диаспоральной политикой. Проанализируем ситуацию в некоторых странах СНГ.

По результатам опроса 2008 г., желание переехать в Россию среди соотечественников Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана высказали в среднем от 40 до 70% опрошенных [8, с. 142]. Наиболее высокий миграционный потенциал наблюдался среди русскоязычного населения Киргизии. О желании переезда в Россию на постоянное жительство высказались 72% респондентов, еще 23% опрошенных хотели бы поехать в Россию на работу [13, с. 137].

В то же время некоторая часть респондентов имела намерение уехать на постоянное место жительство и работу в другие страны, не в Россию. Выбор такой жизненной стратегии, на наш взгляд, характерен в частности для русской молодежи из Украины, Молдовы, Казахстана, Армении и Узбекистана. Например, около 10% соотечественников в Казахстане в 2008 г. проявили желание жить и работать в европейских государствах [8, с. 25]. Следует учесть, что наиболее активные стратегии в отношении отъезда в другие страны проявляют самые молодые соотечественники. В 2010 г. в том же Казахстане об этом заявили более 20% опрошенных в возрасте до 24 лет и почти 12% респондентов 25-34 лет. Среди соотечественников старше 55 лет этот показатель не превышает 3% [8, с. 45]. Результаты опроса говорят о том, что старшее население все еще испытывает чувство принадлежности к России и стремление вернуться на историческую Родину, а подрастающее поколение с каждым годом эту связь утрачивает и все чаще устремляет взгляд в сторону Европы и Америки.

Результаты социологического исследования, проведенного по заказу Министерства иностранных дел России в 2010 г., демонстрируют утрату русскоязычной молодежи в странах СНГ (в большей или меньшей степени) ощущения сопричастности к материнскому государству. Так, на вопрос: «Испытываете ли Вы чувство принадлежности к России?» треть опрошенных соотечественников в Казахстане, четверть – в Киргизии, пятая часть – на Украине и Армении и десятая часть – в Молдавии ответили отрицательно

[7, с. 92; 7, с. 200; 7, с. 252; 7, с. 303; 7, с. 409]. Эти представители диаспоры не участвуют в выборах, затрудняются описать внешнюю и внутреннюю политику России и не верят, что их молодежные организации смогут стать реальной политической силой. Очевидно, что отсутствие чувства единения с Россией как с исторической родиной направляет молодых представителей диаспоры в страны Запада. В целом для населения стран СНГ миграционные стратегии относительно дальнего зарубежья выглядят следующим образом: 29% опрошенных в Молдове, 23% – в Белоруссии, 22% – на Украине и 21% в Армении хотели бы жить в Европейском Союзе. Проживать в Содружестве Независимых Государств изъявили желание не более 9% респондентов в этих странах [9].

Инструменты значительной корректировки такого положения имеются, в частности за счет привлечения молодых соотечественников в российские вузы, тем более что падение рождаемости в 1990-х гг. обернулось существенным недобором абитуриентов в учебные заведения России. И если на ситуацию в Москве этот факт особо не повлиял (в престижных столичных вузах, по данным Федерального агентства по образованию, конкурс достигает 50 человек на место), то региональные вузы страны пустеют. Чтобы существовать, они вынуждены принимать на учебу более слабых абитуриентов, что может существенно сказаться на качестве образования. А это, в свою очередь, обернется дефицитом профессионалов высокого уровня. Платные вузы при недоборе вынуждены закрываться или объединяться с другими. Бюджетные места уже значительно сокращены. В подавляющем большинстве российских регионов количество выпускников школ уже меньше, чем план приема в государственные вузы. И, по прогнозам специалистов, ситуация с каждым годом будет все более усугубляться [5, с. 1].

В этой связи привлечение на учебу в Россию молодежи из новых независимых государств стало бы реальной поддержкой региональных вузов страны, с одной стороны, и

существенным вкладом в развитие отношений между Россией и ее соотечественниками – с другой. К тому же некоторая часть из этих выпускников осела бы в нашей стране, пополнив ее ресурсы ценными квалифицированными кадрами. Безусловно, русскоязычная молодежь стран СНГ – та категория соотечественников, с которой сегодня Россия должна наиболее плотно работать и сотрудничать. Необходимо более активно информировать выпускников школ в СНГ о вузах России, привлекать их на учебу и стажировку в российские учебные заведения.

Примером успешного привлечения молодежи в свою страну из других государств на работу и жительство являются Соединенные Штаты Америки. Десятки тысяч человек из разных стран мира ежегодно становятся участниками интернет-лотереи Грин карта – удостоверения личности, подтверждающего наличие вида на жительство у человека, не являющегося гражданином США, постоянно проживающего на территории этой страны и предоставляющего право трудоустройства. Количество участников лотереи из СНГ, получивших право на переезд в США, растет с каждым годом. Так, к примеру, в 2011-м г. Украина и Узбекистан стали абсолютными лидерами по иммиграции среди стран бывшего Союза и всей Европы (6000 и 5091 человек соответственно) [12]. Всего право переезда в 2011 г. получили 31 тыс. участников из 70 стран. Только из Украины за пятнадцать лет действия лотереи в США уехало более 88 тысяч человек [12]. Безусловно, нужно оговориться, что статистика лотереи не разграничивает процент участия титульного населения стран и российской диаспоры. Но то, что победители лотереи из СНГ – русскоязычные, а это главное, что объединяет российскую диаспору, не оставляет сомнений. Необходимо также учесть, что в лотерее участвует в основном молодежь и наиболее деятельные представители старшего поколения.

Оценить статус России глазами молодых соотечественников позволяет статистика международной стипендии Президента Республики Казахстан «Болашак». В настоящее

время эта стипендия предоставляет возможность обучаться в 200 ведущих вузах в 23 странах мира. Самой большой популярностью среди казахстанцев пользуются вузы Великобритании, где обучается 29% всех стипендиатов программы. На втором месте по популярности стоят США – 28% стипендиатов. В России обучается всего 14% всех болашаковцев. Столько же казахстанцев учится в Канаде [3]. Помимо программы, самостоятельно сотни казахстанских абитуриентов отправляются на учебу в Китай, около трех тысяч студентов ежегодно уезжают на учебу в Великобританию [2].

Необходимо учитывать, что зарубежные вузы пользуются большой популярностью и среди российской молодежи. В одной только Франции в настоящее время обучается более четырех тысяч российских студентов. Каждый год на стипендии для российских студентов правительство этой страны выделяет около 1,5 миллиона евро [1, с. 13].

Резюмируя данные факты, можно констатировать, что те молодые соотечественники стран нового зарубежья, которые отправляются на учебу и работу в Европу и Америку, считают западное образование и трудовой стаж более престижными и ценными, чем российские. Можно предположить, что недостаточно эффективная диаспоральная политика в странах СНГ позволяет той части молодежи, которая нацелена на миграцию из своих государств, усомниться в своей социальной перспективе на территории России.

Как считают отдельные эксперты, переезд в Россию соотечественников из СНГ сегодня совершается только после предварительного выяснения через переселившихся знакомых возможностей трудоустройства. Некоторая часть русскоязычных соотечественников в настоящее время даже не пытается реализовать себя в России, предпочитая сразу отправляться в дальнее зарубежье [10]. Любопытно, что начиная с 2001 г. в русскоязычной части потока мигрантов снижался удельный вес молодежи и, напротив, повышалась доля старших возрастов. В иноязычной части потока наблюдался противоположный процесс

роста удельного веса молодежи [10]. Этот факт подтверждает усиливающуюся тенденцию того, что представители титульных национальностей, проживающих в Средней Азии (киргизы, казахи, узбеки, таджики) в наибольшей степени рассматривают Россию как страну возможного временного трудоустройства. Представители же славянских национальностей предпочитают в будущем уехать в Россию на постоянное место жительства. Об этом намерении заявили 35% соотечественников в Узбекистане, 39% – в Казахстане, 49% – в Таджикистане, 72% – в Киргизии [13, с. 248]. Однако, несмотря на высокий миграционный потенциал, желание последних часто остается нереализованным. Главной причиной этого, на наш взгляд, является сложность оформления российского гражданства и возможность обретения достойного места в обществе. В настоящее время соотечественники лишены возможности получения российского паспорта в короткие сроки. Действие одного из международных соглашений [14], дающих такое право, было приостановлено в прошлом году, действие двух других [15] перечеркнул недавний Указ Президента [17, с. 2], обязывающий всех претендентов на получение гражданства по этим соглашениям, получать вид на жительство. А вступившие в силу поправки в закон о соотечественниках [18, с. 2], декларирующие право упрощенного приобретения гражданства для представителей российской диаспоры, не могут быть реализованы, пока не внесены соответствующие изменения в закон о гражданстве. Негативную оценку последних законодательных нововведений в отношении соотечественников можно проследить по обращениям, поступающим в блог Президента России [11].

Подытоживая вышесказанное и опираясь на результаты исследований, можно сделать вывод, что в целом соотечественники ближнего зарубежья, в том числе и молодые, оценивают диаспоральную политику России как малоэффективную (в среднем около 60% опрошенных в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане считают, что в отношении

русской диаспоры делается очень мало или не делается вообще ничего) [13, с. 153]. Аргументом такого суждения является активная миграция молодежи из стран проживания: не чувствуя активной поддержки со стороны родины в области защиты прав, статуса русского языка, они уезжают не только в Россию, но и все чаще – в дальнее зарубежье. Молодежь в СНГ слабо верит в то, что их организации в странах проживания могут стать реальной политической силой, особенно если действия этих организаций расходятся с официальной линией властей. Справедливо в свою очередь заметить, что и сами молодые соотечественники слабо консолидированы и мало активны, в результате чего недостаточно информированы о возможностях поддержки со стороны Российской Федерации (квоты на обучение в российских вузах, медицинская помощь, проведение различных конкурсов и поездок в Россию).

В условиях сложившейся непростой демографической ситуации, ежегодного сокращения трудоспособного населения Россия крайне нуждается в привлечении молодого русского населения из ближнего зарубежья. Подчеркнем, что речь идет не о трудовых мигрантах, которые не только не решают демографических проблем (как правило, их семьи остаются в других странах), но и не способствуют развитию российской экономики, уклоняясь от уплаты налогов и отправляя заработанные деньги своим близким на родину, а о полноценной социальной базе предстоящей модернизации страны. Представители молодого поколения, планирующие и строящие свое будущее, заинтересованы в преодолении актуальных задач современности, они восприимчивы к инновациям, могут предложить новые пути решения многих проблем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агранович М. Сорбонна денег не берет. За какими знаниями российские студенты едут в Европу // Российская газета. 2010. 1 июня.
2. «Болашак» продолжит подготовку по магистерским программам [Электронный ресурс] // Курсив.kz [2011] URL: <http://www.kursiv.kz/1195212256-bolashak-prodolzhit-podgotovku-po-magisterskim-programmam.html> (дата обращения 08.11.2011).
3. В этом году ожидается самый большой выпуск стипендиатов программы «Болашак» за всю ее историю [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Казинформ» [2009] URL: <http://www.nomad.su/?a=3-200908170037> (дата обращения 07.11.2011).
4. Калинина Н.В. Российская диаспоральная политика в странах СНГ: состояние и перспективы / Под научн.ред. А.Н. Михайленко. – М.: Научная книга, 2005. – 320 с.
5. Лонская А., Колесниченко А. Кошмар на улице вузов. Из-за демографической «ямы» наши учебные заведения рискуют недобрать студентов // Новые известия. 2010. 21 июня.
6. Матвейцева Н. Эволюция социально-политического положения российской диаспоры в странах СНГ. Дисс. ... канд. пол. наук. – М., 2007. – 244 с.
7. Молодежь в системе организаций соотечественников в странах СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина). – М., 2010. – 554 с.
8. Мониторинг реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в Центральноазиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2008. – 270 с.
9. Мониторинг социальных настроений населения постсоветского пространства 2010 г. [Электронный ресурс] // Проект «Евразийский монитор» URL: www.eurasiamonitor.org (дата обращения: 30.10.2011).
10. Пальников М. Иммиграция в Россию из постсоветских республик. Часть первая [Электронный ресурс] // Фонд исторической перспективы [2009]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36435> (дата обращения 10.10.2011).
11. Раздел «Соотечественники за рубежом» [Электронный ресурс] // Видеооблог Д. Медведева [2011]. URL: <http://blog.kremlin.ru/theme/34?page=1> (дата обращения 08.11.2011).
12. Результаты лотереи Green Card [Электронный ресурс] // сайт Лотереи Green Card. URL: <http://greencard.by/lottery/results/countries/> (дата обращения 30.10.2011).
13. Русскоязычные в Центральной Азии. Социальный портрет. - Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2010. – 288 с.

14. Соглашение от 20 января 1995 г. «Между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами Российской Федерации, прибывающими для постоянного проживания в Республику Казахстан, и гражданами Республики Казахстан, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию» [Электронный ресурс] // Агентство консультаций и деловой информации <http://www.akdi.ru/gd/proekt/056415GD.SHTM> (дата обращения 10.11.2011).
15. Соглашение от 26 февраля 1999 г. «Между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об упрощенном порядке приобретения гражданства» и Соглашение от 28 марта 1996 г. «Между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами Российской Федерации, прибывающими для постоянного проживания в Кыргызскую Республику, гражданами Кыргызской Республики, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию, и выхода из прежнего гражданства». [Электронный ресурс] // Законы и право <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=6988> (дата обращения 10.11.2011).
16. Тишков В.А. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии. Доклад на Общем собрании Российской Академии наук 19 декабря 2007 г. [Электронный ресурс] // сайт Валерия Тишкова URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/russkij_yazyk_i_russkoyazychnoe_naselenie_v_stranah_sng_i_baltii.html (дата обращения 24.10.2011).
17. Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2011 г. N 1391 «О внесении изменения в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 1325» // Российская газета. 2011. 24 октября.
18. Федеральный закон Российской Федерации от 23 июля 2010 г. N 179-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Российская газета. 2011. 27 июля.
19. Чибисов О. Интеграция российской диаспоры в политический процесс стран СНГ: Дисс. ... канд. пол. наук. – М., 2009. – 205 с.

УДК 911.3; 339.92 (1-664) (470+477)

Кныш С.В.

Московский государственный областной университет

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

S. Knysh

Moscow State Regional University

THE RUSSIAN-UKRAINIAN NEAR-BORDER COOPERATION

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются некоторые аспекты развития российско-украинского приграничного сотрудничества на современном этапе. Автор статьи сосредоточил внимание на такой форме приграничного сотрудничества как еврорегион. В частности, анализируется успешный опыт межрегионального взаимодействия в еврорегионе «Слобожанщина». По мнению автора, активизация этих отношений зависит от «народной дипломатии» и политической воли, в том числе и особенно региональных руководителей.

Ключевые слова: приграничное межрегиональное сотрудничество, экономическое и культурное сотрудничество, народная дипломатия, еврорегионы.

Abstract. The article considers and analyses some aspects of Russian-Ukrainian near-border cooperation at the present stage. The author is concentrated on such a new form of near-border cooperation as the Euro-region. In particular, the article analyses the successful experience of such inter-regional cooperation in euro-region "Slobozhanshina". The author comes to the conclusion that such relations can become more active only due to the people's diplomacy and political will of regional officials.

Key words: near-border inter-regional cooperation, economic and cultural cooperation, people's diplomacy, euro-regions.

Украина для Российской Федерации с учетом всех факторов – политических, экономических, географических, исторических – является одним из важнейших стратегических партнеров. Развитие российско-украинского межрегионального и приграничного сотрудничества объявлено одним из государственных приоритетов как в Российской Федерации, так и на Украине.

Географическая близость, исторически сложившиеся торгово-экономические и гуманитарные связи, наличие предприятий с технически взаимосвязанным производством и сложившейся инфраструктурой делают сотрудничество регионов России и Украины необходимым для обоих государств. Кроме того, указанные факторы определяют и весьма значительный потенциал российско-украинского приграничного сотрудничества.

Переговоры о делимитации сухопутной границы с Украиной продолжались в течение приблизительно четырех лет. Они не стали темой политического дискурса и не были политизированы. В результате в 2003 г. соглашение о делимитации сухопутной границы было подписано и ратифицировано, а в 2010 г. завершена ее демаркация.

Но соглашения о делимитации морской границы не достигнуто. Кроме того, политизация этого вопроса спровоцировала в 2003 г. серьезный кризис в российско-украинских отношениях. Морская граница по Азовскому морю пока не установлена. Российская сторона утверждает, что следует применить тот же принцип, как и в случае Каспийского моря: дно должно быть разделено, а воды остаются в совместном пользовании и имеют статус внутренних вод обеих стран. Украинская сторона твердо настаивала на полном разделении моря, которое могло сделать Керченский пролив, соединяющий Черное и Азовское моря, украинским. В этом случае

российское судно, идущее из одного порта Краснодарского края в другой, должно было бы платить Украине пограничные сборы.

В годы пребывания у власти на Украине президента Виктора Ющенко (2005-2010 гг.) двусторонние отношения резко ухудшились, и решать пограничные вопросы стало гораздо труднее. Тогдашнее украинское руководство рассматривало неуступчивость в переговорах как средство укрепления политической идентичности и утверждения государственности. С его точки зрения, граница с Россией не могла оставаться «незащищенной» и должна соответствовать международным стандартам как любая другая государственная граница. Украинская политическая и интеллектуальная элита пыталась представить ее относительно открытость как угрозу незаконных миграций и незаконного оборота наркотиков. Ужесточение режима границ с Россией традиционно рассматривается как доказательство европейского выбора Украины и ее готовности к интеграции в ЕС. В то же время в России еще существует тенденция рассматривать границы со странами СНГ как особые, а их прозрачность и сотрудничество в области обороны и национальной безопасности – как краеугольный камень партнерства. Таким образом, Украина стремилась установить «нормальную» восточную границу как атрибут национального государства, тогда как Россия боролась за «границы доверия» [6].

Протяженность сухопутной украинско-российской границы составляет более 2 тыс.

км. Приграничная территория двух стран охватывает 6 регионов (Краснодарский край, Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская и Ростовская области) с российской стороны и 6 регионов (Автономная Республика Крым, Донецкая, Луганская, Сумская, Харьковская и Черниговская области) – с украинской стороны. Всего на российско-украинском порубежье проживает около 30 млн. человек (см.: табл. 1).

Особое положение приграничных областей, связанное с соседством и необходимостью восстановления разрушенных экономических и гуманитарных контактов, было осознано региональными политическими элитами уже вскоре после распада СССР. Наибольшую активность проявляли губернаторы и законодатели Белгородской и Харьковской областей. По их инициативе 28 января 1994 г. был учрежден Совет руководителей приграничных областей, в состав которого первоначально входили пять областей России (Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская, Ростовская) и пять областей Украины (Черниговская, Сумская, Харьковская, Луганская, Донецкая). В 1996 г. к совету присоединились три области Беларуси, имеющие общую границу с Россией, и ряд субъектов РФ и Украины, включая и те, которые не имели общей границы, но были заинтересованы в экономическом сотрудничестве.

В течение 1994-1997 гг. было проведено 13 собраний Совета – попеременно на российской, украинской и белорусской территориях.

Таблица 1

Население приграничных регионов России и Украины

Россия		Украина	
Регионы	Население на конец 2008 г., тыс. чел.	Регионы	Население на конец 2008 г., тыс. чел.
Брянская	1300	Черниговская	1225
Курская	1156	Сумская	1280
Белгородская	1525	Харьковская	2888
Воронежская	2270	Луганская	2332
Ростовская	4242	Донецкая	4501
Краснодарский край	5142	АР Крым	2018

Источники: Регионы России, 2009; Регіони України: Статистичний збірник, 2009

На одной из первых сессий Совета в марте 1995 г. губернаторы призвали Государственную думу РФ принять закон о приграничных территориях. В 2000 г., после 3-летней паузы, Совет возобновил свою работу, перейдя к иным формам деятельности: от призывов к Правительствам к программно-проектному принципу реализации сотрудничества. Был утвержден план мероприятий, включавший создание нескольких рабочих групп, прежде всего по подготовке экологической программы оздоровления бассейна реки Северный Донец, юридических вопросов и предложений с целью упрощения погранично-таможенных процедур для жителей приграничных районов. Отдельным решением был поставлен вопрос о создании еврорегиона «Слобожанщина».

На государственном уровне основополагающими документами двусторонних отношений являются Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве 1997 г., Соглашения о демаркации российско-украинской государственной границы, о межрегиональном и приграничном сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной.

Новым уровнем сотрудничества стал Первый российско-украинский межрегиональный экономический форум с участием Президентов России и Украины, который состоялся 4 октября 2010 г. в городе Геленджике. Главными темами обсуждения стали: развитие транспортных коридоров между Россией и Украиной, деятельность еврорегионов, обустройство и улучшение функционирования пунктов пропуска на украинско-российской границе, упрощение таможенных и пограничных процедур, развитие крупных инфраструктурных проектов между Россией и Украиной (в частности, строительство транспортного мостового перехода через Керченский пролив). Во время Форума была подписана Программа межрегионального и приграничного сотрудничества Российской Федерации и Украины на 2011-2016 гг. В настоящее время осуществляется подготовка плана по реализации этой программы, который будет содержать конкретные мероприятия по

развитию межрегионального сотрудничества на основе предложений от российских и украинских регионов.

Несмотря на то, что российско-украинская граница обрела статус межгосударственной два десятилетия назад, местное население не смогло до конца приспособиться к этому, воспринимая границу как ненужный барьер, препятствующий нормальному течению жизни. Трудности с пересечением границы, коррупция, контрабанда, разрыв хозяйственных связей и ограничения в контактах между соседними районами, столетиями входившими в одно государство, сложности с устройством на работу из-за разницы в гражданстве, усиливающиеся расхождение систем образования и его платность, труднодоступность социальных и медицинских услуг, оказываемых «по соседству», но в другом государстве, ощутимые различия в оплате труда и пенсионном обеспечении, а также стоимости и качества коммунальных услуг на сопредельных территориях – вот неполный перечень проблем, с которыми приходится сталкиваться жителям приграничной зоны.

Одной из перспективных форм российско-украинского приграничного сотрудничества является создание еврорегионов. Работа в формате еврорегиона позволяет его участникам развивать приграничную торговлю, реализовывать различные проекты в области туризма, экологии, науки, культуры. К настоящему времени на российско-украинском порубежье создано четыре еврорегиона: «Днепр» (Брянская область Российской Федерации, Гомельская область Белоруссии и Черниговская область Украины, создан 29 апреля 2003 г.), «Слобожанщина» (Белгородская область Российской Федерации и Харьковская область Украины, создан 7 ноября 2003 г.), «Ярославна» (Курская область Российской Федерации и Сумская область Украины, создан 24 апреля 2007 г.), «Донбасс» (Ростовская область Российской Федерации и Луганская и Донецкая области Украины, создан 29 октября 2010 г.).

Таким образом, приграничным сотрудничеством в форме еврорегионов охвачены все

пять областей Украины, имеющих сухопутную границу с Россией. С российской стороны в еврорегионах участвуют четыре из пяти областей, имеющих сухопутную границу с Украиной. По мнению Л.Б. Вардомского, Украина проводит более активную политику в отношении создания необходимых правовых условий развития приграничного сотрудничества, чем Россия. Это объясняется, с одной стороны, желанием Украины включиться в европейский интеграционный процесс и активизировать приграничные связи со странами-членами ЕС. С другой стороны, учитывая экономическую и внутривосточную важность восточного пограничья, руководство Украины стремится к созданию благоприятных условий для реализации приграничных связей с Россией [3].

Создание еврорегионов свидетельствует об определенной степени доверия между соседними областями, но это лишь первый, хотя и очень важный шаг. Успех еврорегионального строительства в значительной степени зависит не от политических договоренностей, а от вовлеченности в этот процесс деловых кругов, средств массовой информации, общественных организаций и обычных граждан, от того, насколько новая структура будет отвечать их интересам и с помощью каких каналов эти интересы будут реализовываться.

Еврорегионы, созданные на границе России и Украины, функционируют с разной степенью эффективности. Одним из наиболее успешных проектов в этом направлении является еврорегион «Слобожанщина».

Еврорегион «Слобожанщина» был создан 7 ноября 2003 г. как форма приграничного сотрудничества между Харьковской и Белгородской областями Украины и Российской Федерации соответственно. Согласно уставу, еврорегион создан с целью развития сотрудничества приграничных территорий в следующих направлениях: всестороннее экономическое развитие; коммуникации, транспорт и связь; наука, новые технологии, образование; охрана здоровья, спорт и туризм; улучшение состояния окружающей среды; содействие

расширению контактов между жителями приграничных территорий, развитие сотрудничества между учреждениями и организациями, а также субъектами хозяйственной деятельности; облегчение процесса пересечения границы для людей и грузов путем упрощения пограничных формальностей и содействия открытию новых пунктов пропуска и др.

Площадь территории еврорегиона – 58,6 тыс. кв. км. Численность населения еврорегиона – 4,4 млн. человек.

С октября 2004 г. еврорегион «Слобожанщина» состоял наблюдателем в Ассоциации европейских приграничных регионов, а с 2009 г. стал полноправным членом Ассоциации – единственным из четырех еврорегионов на российско-украинском порубежье.

Белгородско-харьковский участок российско-украинской границы характеризуется наибольшей активностью приграничных контактов. С начала 2000-х гг. развитие приграничного сотрудничества стало одним из приоритетов местного руководства на всех уровнях. Именно здесь был начат эксперимент по упрощению пересечения границы жителями приграничных областей, а летом 2011 г. было подготовлено соглашение, по условиям которого приграничная линия сдвигается с границ приграничных районов до уровня соседствующих областей. В итоге все жители Белгородской и Харьковской областей смогут пересекать границу через те пропускные пункты, через которые раньше проезжали только жители соседствующих районов двух регионов. Будет узаконено, что все жители Белгородской области могут проследовать на территорию Харьковской области на тех же условиях, что и население приграничных районов: без регистрации и миграционных карт [1].

Одной из существенных предпосылок активного сотрудничества двух областей является то, что расстояние между Белгородом и Харьковом составляет всего 80 км. Учитывая это уникальное преимущество, существует идея создания единой городской агломерации. По словам губернатора Белгородской об-

ласти Евгения Савченко, «если осуществляются планы создания агломерации, то пустые пространства между Харьковом и Белгородом лет через 40 будут застроены различными инфраструктурными объектами. Но для этого нужно предпринимать шаги уже сейчас» [4].

В начале 2011 г. была презентована концепция украинско-российского проекта «Технопарк «Слобожанщина». Основными сферами его деятельности станут восемь направлений. В отрасли авиации и станкостроения основным партнером с харьковской стороны станет завод «ФЭД». Активное сотрудничество в сфере информационно-коммуникационных технологий начнется с создания в Харькове Дата-центра. Специалисты в области биотехнологий и медицины будут заниматься вопросами выращивания и применения стволовых клеток. Отрасль приборостроения, как наиболее развитая в Харькове, позволит рассмотреть вопрос производства планшетных ПК и электронных учебников. А работа в направлениях агропромышленного комплекса позволит реализовать проект «Деревня будущего». Кроме того, активная работа будет вестись в сфере нанотехнологий, ядерных технологий в энергетике и здравоохранении, энергосбережении и новых технологиях производства энергии [7]. Для расширения взаимодействия регионов в области инноваций ведется создание инновационной платформы «Биотехнополис» в рамках международного финансового центра Харьков-Белгород [8].

Инновационные подходы в организации приграничного сотрудничества требуют и взаимодействия высших учебных заведений регионов. Так, под эгидой еврорегиона проводятся совместные молодежные форумы, научные конференции, круглые столы, обмены студентами. Особо следует выделить периодически проводящиеся т. н. стратегические трансграничные дебаты, проходящие как в Белгороде, так и в Харькове. Важную роль в развитии межрегионального сотрудничества со стороны Харьковской области оказали Национальный фармацевтический университет, Харьковский национальный университет,

Харьковский государственный технический университет строительства и архитектуры, Харьковская национальная академия городского хозяйства. С Белгородской стороны важную роль играют Белгородский государственный университет и Белгородский государственный технологический университет. Председатель Харьковского областного совета С. Чернов считает, что интеллектуальный продукт харьковских научных учреждений может быть востребованным, прежде всего в Российской Федерации, где большие рыночные возможности, потому нужны новые формы сотрудничества, и в первую очередь должен быть задействован еврорегион «Слобожанщина» [5].

Кроме того, подписаны договоры о научном сотрудничестве между областными архивами, протокол о сотрудничестве в сфере народного творчества и между пресс-службами двух областных администраций. С 2008 г. регулярно работает осенняя школа историков Слобожанщины, которая организована историческими факультетами Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина и Белгородского государственного университета.

Учитывая схожесть национального состава населения Белгородской и Харьковской областей, интеграции регионов невозможна без использования «народной дипломатии» и этнокультурного элемента. В июне 2011 г. в Белгородской области проходил Международный молодежный фестиваль казачьего творчества и культуры «Холковский сполох», на который съехались представители казачества России и Украины.

За время своего существования еврорегион «Слобожанщина» накопил довольно значимый опыт взаимного сотрудничества Белгородской и Харьковской областей. Это подтверждают и слова президента Украины Виктора Януковича, когда он, выступая в ходе заседании первого Украинско-Российского межрегионального экономического форума, проходившего в Геленджике в октябре 2010 г., положительно оценил работу еврорегиона. Успешность работы еврорегиона отметили и

в международном сообществе. Генеральный секретарь Ассоциации европейских приграничных регионов Мартин Гильермо-Рамирез в ходе Международного форума «Слобожанщина-EUREGIO:5x50» в ноябре 2008 г. сказал, что «Слобожанщина» прошла гораздо больший путь, чем многие другие регионы Европы. И если в Западной Европе взаимоотношения между еврорегионами сейчас выстраиваются достаточно медленными темпами, то на границе Украины с Российской Федерацией эти отношения носят более энергичный характер [2].

Таким образом, российско-украинское приграничное сотрудничество дает пример положительного решения на пути дальнейшей интеграции всех связей между двумя братскими народами. В этом процессе большую роль играет «народная дипломатия» и политическая воля региональных лидеров. Еврорегионы, созданные на границе России и Украины, являются перспективной формой приграничного сотрудничества между двумя странами, что подтверждается положительным опытом функционирования еврорегиона «Слобожанщина».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белгородцы смогут ездить в Харьковскую область без миграционных карт. Режим доступа – URL: <http://bel.ru/news/society/2011/07/25/56322.html> (дата обращения 18.02.2012).
2. Бредихин А. Опыт функционирования еврорегионов «Слобожанщина», «Карпаты» и «Днестр» для еврорегиона «Донбасс». Режим доступа – URL: <http://www.csef.ru/studies/politics/materials/1851> (дата обращения 18.02.2012).
3. Вардомский Л.Б. Некоторые проблемы межрегионального сотрудничества стран СНГ. Режим доступа – URL: http://www.eabr.org/media/img/rus/publications/magazine/no1/n1_2008_14_Vardomskiy.pdf (дата обращения 18.02.2012).
4. Первое заседание совета еврорегиона «Слобожанщина». Режим доступа – URL: http://euroregion.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=176:---qq&catid=1:latest-news&Itemid=50 (дата обращения 18.02.2012).
5. «Реализацию большинства проектов по развитию приграничного сотрудничества мы связываем с еврорегионом «Слобожанщина» - Сергей Чернов. Режим доступа – URL: <http://www.inno.kharkov.ua/?p=6768> (дата обращения 18.02.2012).
6. Российско-Украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / отв. ред.: В.А. Колосов, О.И. Вендина. – М.: Новый хронограф, 2011. – 352 с.
7. Технопарк Слобожанщина: от стволовых клеток до электронных учебников. Режим доступа – URL: <http://dozor.kharkov.ua/vlast/hoga/1085927.html> (дата обращения 18.02.2012).
8. Харьковский бизнес начал экспансию в Белгородскую область. Режим доступа – URL: <http://dozor.kharkov.ua/vlast/hoga/1085924.html> (дата обращения 18.02.2012).

УДК 328.185(470)

Богун С.С.

Московский государственный областной университет

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

S. Bogunov

Moscow State Regional University

THE SOCIO-POLITICAL IMPACTS OF CORRUPTION IN MODERN RUSSIA

Аннотация. Коррупция представляет собой угрозу национальной безопасности России. Она тормозит крупномасштабные экономические и социальные преобразования, политическое развитие Российского государства. Коррупция расширяет сектор теневой экономики, уменьшает налоговые поступления в бюджет, делает неэффективным использование бюджетных средств. Она негативно влияет на имидж страны, ухудшает инвестиционный климат.

Ключевые слова: коррупция, национальная безопасность, фактор дестабилизации, внутренняя политика, экономическая безопасность, коррупционные предрассудки.

Abstract. Corruption is a threat to the national security of Russia. It delays the large-scale economic and social transformations, the political development of the Russian state. Corruption expands the sector of shadow economy, reduces the tax revenues to the budget, makes using of budgetary funds ineffective. It has a negative impact on the country's image, worsens the investment climate.

Key words: corruption, national security, destabilization factor, home policy, economic security, corruption prejudices.

Ежегодно проводимые исследования уровня и состояния коррупции свидетельствуют о том, что в Российской Федерации эта проблема обострена в наибольшей степени, по сравнению с другими развитыми государствами мирового сообщества.

Об этом свидетельствуют данные целого ряда исследований. Наиболее активно и целенаправленно это осуществляет международный Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл» (ТИ), основным направлением деятельности которого является измерение так называемого «восприятия коррупции» (поскольку уровень самой коррупции с учетом ее высокой латентности измерить невозможно). Начиная с 1995 г., ТИ публикует так называемый «Индекс восприятия коррупции» (ИВК)².

В соответствии с методологией, разработанной ТИ, индекс восприятия коррупции формируется по десятибалльной шкале, исходя из принципа: чем выше уровень коррупции, тем ниже показатель ИВК.

Конечно, полной объективности от ИВК ожидать нельзя, поскольку, во-первых, в ряде случаев присутствует явная политизированность оценок (например, для Белоруссии, Венесуэлы, Китая), и во-вторых, список государств, включаемых в рейтинг, постоянно меняется [12]. В силу этого, низкие места России в рейтингах мировой коррупции относительно, поскольку если определить влияние этого фактора путём расчёта относительного показателя места, то наблюдается даже некоторое улучшение места России.

© Богун С.С., 2012.

¹ Индекс восприятия коррупции (ИВК) отражает восприятие уровня коррупции предпринимателями и экспертами и оценивается по десятибалльной шкале (10 – коррупция практически отсутствует, 0 – коррупция имеет тотальный характер). – Прим. автора.

Таблица 1

Индексы восприятия коррупции (избранные страны; 1996, 2000, 2007-2010 гг.) [14]

	Страна	1996	2000	2007	2008	2009	2010
1	Новая Зеландия	9.4	9.4	9.4	9.3	9.4	9.3
2	Дания	9.3	9.8	9.4	9.3	9.3	9.3
3	Сингапур	8.8	9.1	9.3	9.2	9.2	9.3
4	Швеция	9.1	9.4	9.3	9.3	9.2	9.2
5	Финляндия	9.1	10.0	9.4	9.0	8.9	9.2
6	Канада	8.7	9.2	8.5	8.7	8.7	8.9
7	Нидерланды	8.7	8.9	9.0	8.9	8.9	8.8
8	Швейцария	8.8	8.6	9.0	9.0	9.0	8.7
9	Австралия	8.6	8.3	8.6	8.7	8.7	8.7
10	Германия	8.3	7.6	7.8	7.9	8.0	7.9
	...						
12	Япония	7.1	6.4	7.5	7.3	7.7	7.8
13	Великобритания	8.4	8.7	8.4	7.7	7.7	7.6
14	США	7.7	7.8	7.2	7.3	7.5	7.1
15	Франция	7.0	6.7	7.3	6.9	6.9	6.8
	...						
34	Италия	3.4	4.6	5.2	4.8	4.3	3.9
	...						
39	КНР	2.6	3.1	3.5	3.6	3.6	3.5
	...						
49	Украина	-	1.5	2.7	2.5	2.2	2.4
	...						
55	Россия	2.6	2.1	2.3	2.1	2.2	2.1
	...						

При оценке состояния коррупции в России, на наш взгляд, целесообразно исходить из данных официальной статистики, делая при этом оговорку, что она не может быть вполне объективной в силу высокой латентности данного явления. Тем не менее, по данным МВД России, в 2008 г. правоохранными органами было выявлено более 40,5 тысяч преступлений коррупционной направленности, каждое 3-е из них – уличение во взяточничестве (12,5 тыс.). По 9,8 тыс. преступлений этого вида уголовные дела направлены в суд. К уголовной ответственности привлечено 6 тыс. человек. 1300 осуждены за взяточничество [7].

В 2009 г. ситуация в этой области значительно ухудшилась. Об этом заявил Президент России на заседании Совета законодателей 14 июля 2010 г. По словам Д.А. Медведева,

общий объём таких преступлений против интересов государственной службы и службы в органах самоуправления составил 43 тысячи. Это свидетельствует о значительном росте коррупции. На 10 %, по словам Президента России, возросло и число выявленных преступлений по факту получения взятки [6].

Всего же, по информации Генерального прокурора России Ю.Я. Чайки, в 2009 г. выявлено свыше 263 тыс. нарушений законодательства о противодействии коррупции (для сравнения, в 2008 г. их было порядка 200 тыс.). По результатам прокурорских проверок было выявлено 46 тыс. преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, значительная часть которых относится к коррупционным деяниям. В суд направлены уголовные дела

по почти 31 тыс. таких преступлений. Выявлено свыше 18 тыс. лиц, совершивших должностные преступления [11].

Ситуация не изменилась к лучшему и в 2010 г. Так, по данным Департамента экономической безопасности МВД РФ (ДЭБ), по итогам первого полугодия 2010 г. правоохранными органами выявлено порядка 22,2 тыс. коррупционных преступлений. При этом доля преступлений против государственной власти и интересов государственной службы составила в первом полугодии 17,5 % от общего числа экономических преступлений, сообщил глава департамента. Значительно увеличилась и сумма средней взятки, составив, по информации ДЭБ МВД России, 44 тыс. руб. (в 2009 г. – 27 тыс. руб.) [17]. Таким образом, даже эти заведомо неполные сведения свидетельствуют о масштабах коррупции в России, принявшей, по словам Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, характер угрозы национальной безопасности страны [6]. С этим нельзя не согласиться, поскольку пагубное влияние коррупции заключается в том, что она:

- сводит на нет или тормозит крупномасштабные экономические и социальные преобразования, само развитие Российского государства;
- расширяет сектор теневой экономики, уменьшает налоговые поступления в бюджет, делает неэффективным использование бюджетных средств;
- негативно влияет на имидж страны в глазах ее политических и экономических партнеров, ухудшает инвестиционный климат;
- увеличивает имущественное неравенство граждан;
- формирует в общественном сознании представление о беззащитности граждан и перед преступностью и перед лицом власти;
- является питательной средой для организованной преступности, терроризма и экстремизма;
- приводит к деградации моральных ценностей общества, исконных национальных традиций и обычаев;
- оказывает негативное воздействие на

формирование политической элиты, избирательный процесс, деятельность органов власти и институтов гражданского общества [19; 22; 23].

Это далеко не полный перечень наиболее значимых негативных следствий проявления коррупции в современной отечественной общественно-политической практике. Как справедливо отмечает Н.Н. Шохин, «в условиях несовершенства законодательства и государственно-правовых институтов коррупция пустила глубокие корни» [25, с. 50]. Отечественные исследователи коррупции также отмечают, что коррупция в современной России отличается рядом специфических черт, к которым относятся:

- наличие мощной, широко разветвленной теневой экономики и огромных незаконных доходов, значительная часть которых – основной источник финансирования коррупционеров;
- неконтролируемое обращение дополнительных денежных масс, вызванных высокими ценами на энергоносители на мировом рынке;
- неисполнение или ненадлежащее исполнение принимаемых законов и мер по противодействию коррупции;
- запутанность, сложность, противоречивость действующих правовых норм;
- наличие множества подзаконных актов, которые произвольно толкуют нормы действующего законодательства;
- слабость и фактическая зависимость судебной системы от исполнительной власти;
- отсутствие системы контрольных органов, в том числе парламентского и общественного контроля;
- минимальном риске разоблачения коррупционеров и отсутствии жестких по отношению к ним репрессивных мер (условное или отложенное наказание, помилование по амнистии и т. д.);
- отсутствие гарантированного правового статуса и достойного пенсионного обеспечения государственных и муниципальных служащих;
- исключительная, по сравнению с другими демократическими государствами, моно-

полю административного аппарата на принятие решений;

- большой объем решений, которые чиновники вправе принимать единолично;
- широкий и беспрепятственный кадровый обмен между властными и коммерческими структурами;
- вовлечение родственников в коррупционный процесс на низовом уровне власти и в быту;
- постоянное усложнение и модификация форм и способов коррупционных проявлений;
- коррупционность избирательных процессов (так называемый «административный ресурс») и криминализация политических партий;
- международная направленность российской коррупции [1; 3; 8; 21].

По оценкам ООН, ежегодно в мире легализуется до 500 млрд. долл. так называемых «грязных денег», поступающих из России, в том числе и по каналам коррупции, что составляет около 8% от общего объема международной торговой деятельности [9, с. 34]. Исходя из этого, есть все основания полагать, что коррупция относится к числу наиболее опасных явлений, дестабилизирующих экономическое и социальное развитие Российской Федерации.

Экономические последствия коррупции проявляются различным образом. Ухудшается конкурентная среда, и как следствие, рынок получает неверные сигналы, когда более успешными являются не те предприятия, которые наилучшим образом удовлетворяют спрос, а те, которые имеют высоких покровителей или возможность и желание откупиться от государства. Растет теневая экономика как способ ухода от давления бюрократического пресса.

Бюджет государства перестает быть инструментом управления, но становится распределительным механизмом для коррупционных финансовых потоков. Увеличиваются цены на товары и услуги, в стоимость которых продавцы вынуждены закладывать неофициальные выплаты. Рост доходной части

бюджета не соответствует потенциальным возможностям. Бюрократическое затягивание подготовки документов, неспособность государства обеспечивать безопасность производителей, рейдерство, теневой лоббизм, протекционизм, злоупотребление властью [9], недобросовестная конкуренция, чрезмерное регламентирование и излишние государственные проверки, затрагивающие механизмы рыночной экономики и свободной конкуренции, лишают уверенности потенциальных инвесторов и снижают предпринимательскую инициативу, вызывая рост стоимости государственных проектов, уменьшение экономической эффективности, увеличение случаев уклонения от уплаты налогов, снижение поступления платежей в бюджет и развитие теневой экономики [8; 12].

Социально-политические последствия коррупции проявляются в функциональной, политической и моральной деградации центральных и местных органов публичной власти, являющейся следствием распространения политической коррупции, в снижении открытой и ответственной политической компетенции, обнищании населения и росте социальной напряженности. Усугубляется социальное неравенство, так как у наименее обеспеченных групп населения из-за ограниченных возможностей сокращается доступ к базовым социальным услугам (бесплатное образование, здравоохранение, социальное и пенсионное обеспечение) [16]. Резко ухудшается кадровый потенциал, прекращается процесс регенерации элит, нивелируется значение образования и профессиональных заслуг. Распространяется правовой нигилизм, который, в свою очередь, становится питательной средой для коррупции. Обычными становятся двойная мораль и двойные стандарты в поведении [15].

В сфере политики следствием коррупции являются потеря государственными институтами поддержки общества из-за недоверия населения к коррумпированным чиновникам; дискредитация в глазах граждан идей, подходов и принципов, которые государство декларирует, но не выполняет (например, от-

крытость и прозрачность); снижение доверия международных партнёров и авторитета государства в мировом сообществе; снижение качества публичного управления; установление системы принятия неофициальных решений; наличие тесных связей между организованной преступностью, государственными служащими и коррумпированными политиками и т. д. [15].

Размах коррупции в сфере государственного управления столь значителен, что в массовом сознании давно уже укоренилось мнение, что без «стимулирования» того или иного служащего или должностного лица практически невозможно решить ни одной житейской проблемы. Российские граждане реально ощущают влияние коррупции в ходе своего непосредственного взаимодействия с представителями органов государственной власти и местного самоуправления, когда зачастую любой вопрос решается только после дачи взятки, в самых различных формах, соответствующему чиновнику [14; 15; 16].

Отсутствие чёткой регламентации оказания услуг в различных сферах деятельности, в том числе при решении конкретных вопросов, по которым граждане обращаются непосредственно в органы государственной власти, приводит к огромным злоупотреблениям. Так, за содействие в получении разрешений на привлечение для работы иностранных граждан осужден начальник управления ФМС по Омской области В. Аллес. Бывший мэр Бийска А. Мосиевский осужден за совершение 10 эпизодов превышения должностных полномочий, в том числе за незаконную передачу своему родственнику муниципального имущества по заниженной стоимости. Осуждены начальники отделов администрации Центрального района Новосибирска Д. Беккер и С. Ерхолин, получившие взятки за помощь в решении вопроса о размещении рекламы, а также сотрудники органов внутренних дел по Хилокскому району Забайкальского края А. Додонов и А. Шехов, которые на протяжении 1,5 лет получали взятки за непривлечение к ответственности лиц, занимающихся незаконной заготовкой древесины [20].

Именно на этом уровне формируется негативное отношение людей к государству и праву, формируется представление о тотальной «продажности» и коррумпированности. В результате у большей части населения страны постепенно складывается «стереотип коррупции» как этически приемлемой формы разрешения проблем [17], размывается понимание общественной опасности этого явления, снижается порог моральной терпимости населения к взяточничеству и поборам. В частности, наиболее распространенными коррупционными предрассудками, по мнению ряда исследователей, являются оправдание взятки за:

- освобождение от службы в армии,
- получение лучшего ухода и большего внимания по отношению к себе или своему близкому в медицинском учреждении,
- получение права на вождение автомобиля без сдачи экзамена или неудовлетворительных навыков вождения,
- выставление положительных аттестационных оценок при отсутствии или недостатке профессиональных знаний и умений,
- более внимательное и снисходительное отношение учителя к ребенку,
- поступление в престижный государственный вуз,
- освобождение от наказания за преступление или его смягчение,
- освобождение от ответственности за любое правонарушение,
- получение вне очереди любых благ «причитающихся по закону»,
- попустительство по работе со стороны руководителя [14; 15; 16].

Этот список, к сожалению, может быть продолжен.

Особо значимые последствия в последние годы приобрела коррупция в сфере государственного здравоохранения и социальной защиты. По результатам исследования ВЦИОМ, здравоохранение занимает пятое место среди наиболее коррумпированных сфер и институтов общества [5]. Эти же выводы подтверждаются и данными, представленными председателем Верховного суда РФ В. Ле-

бедевым в январе 2009 г. По его информации, из 1300 осужденных в 2008 г. за взяточничество 20,3 % – работники сферы здравоохранения. Большие проблемы отмечаются и в сфере реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» [4]. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за девять месяцев 2008 г. в сфере реализации нацпроекта «Здоровье» выявлено более 24,5 тыс. нарушений законодательства, в суды направлено 4645 исков, привлечено к ответственности 3504 должностных лица, по постановлениям прокуроров наказаны в административном порядке 1116 виновных лиц, возбуждено 43 уголовных дела. Всего же по информации представителей Генпрокуратуры России в 2008 г. выявлено и пресечено более 58 тыс. нарушений в области здравоохранения, к ответственности привлечено более 2 тыс. человек, возбуждено 188 уголовных дел [2, с. 23-25].

В области образования основным проявлением коррупции являются взятки за поступление в высшие учебные заведения, масштабы которых достигают размеров, недоступных даже гражданам со средними доходами. С введением в действие системы Единого государственного экзамена стали отмечаться факты взяток за обеспечение высоких баллов. При этом уровень коррупции вопреки ожиданиям, с введением ЕГЭ не только не снизился, но и увеличился [18].

В области социального обеспечения развита практика выселения из квартир одиноких пенсионеров через систему патронажа и незаконного отъема у них жилья. При этом происходит не только противоправное взаимодействие муниципальных чиновников с сотрудниками правоохранительных органов, но и их «сращивание» с представителями криминальных структур. Не без участия властных структур на местах происходит расхищение средств, выделяемых на содержание инвалидов и стариков. Скрытыми формами такого хищения становятся закупка медикаментов, продуктов питания и других предметов потребления по завышенным ценам, а также с истекающими или истекшими сро-

ками годности. Эти циничные действия являются показателем нравственного падения общества, которое оказывается неспособным защитить те слои населения, которые испокон веков окружались уважением и заботой [19].

В сфере использования и купли-продажи земли отдельные чиновники, объединив свои интересы с представителями монопольных строительных фирм и зарубежными спекулянтами земель, производят скупку за минимальные деньги огромных земельных участков, что в последующем приводит к необходимости выкупа их реальными застройщиками. Аналогично происходит выкуп сельскохозяйственных угодий в регионах для их последующей сдачи в аренду сельхозпроизводителям. Громадные территории сельскохозяйственных земель выводятся из производственного оборота в спекулятивный сектор экономики, что ведет к дальнейшему обнищанию сельских жителей и сокращению производства сельскохозяйственных продуктов.

Значительные коррупционные проявления отмечаются в сфере призыва в Вооруженные силы РФ, где уже сложилась такса за незаконное освобождение от службы в армии, так называемый «откос», и действуют коррупционные механизмы, основными элементами которых являются сотрудники военкоматов и члены призывных комиссий [24]. Следствием этого является явно выраженная дискриминация граждан по призыву, в результате которой на службу попадают преимущественно выходцы из бедных слоев населения. С коррупцией связаны также и все наиболее опасные происшествия и преступления, будь то против личности, общества или государства. Ярчайший пример тому – обострение ситуации в Северо-Кавказском регионе. Только за первое полугодие 2011 г. на Северном Кавказе вскрыто почти 1300 коррупционных преступлений. «В сочетании с социальными и экономическими проблемами коррупционные проявления способствуют распространению преступлений террористической направленности, прежде всего, на территории Северного Кавказа» [2].

В последних работах отечественных ученых, анализирующих феномен коррупции, формулируется вывод, что основной причиной коррупции является несовершенство политической системы, несоответствие ее императиву «сдержек и противовесов», отсутствие внутренних и внешних механизмов сдерживания [13].

Таким образом, коррупция как социальное явление охватывает все основные сферы жизнедеятельности российского общества. В результате национальным интересам нашей страны и общества наносится огромный и невосполнимый ущерб. Эффективность рыночной экономики резко снижается, а существующие демократические институты ослабевают. Усугубляется социальное, экономическое и политическое неравенство граждан, увеличивается бедность, растет социальная напряженность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агеева О.В. Борьба с коррупцией как основа безопасности государства // Следователь. 2009. № 6. – С. 7-10.
2. Астанин В.В. Принципы противодействия коррупции в российском законодательстве // Юридический мир. 2009. № 2. – С. 43-46.
3. Болва Н.В. Противодействие коррупции в России: проблемы и перспективы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2008. – № 1. – С. 22-25.
4. Бочарников И.В. О коррупции в здравоохранении // Аналитический вестник Совета Федерации № 14 (381). – С. 24-30.
5. В Государственной Думе состоялось совместное заседание Комитета по безопасности и Комиссии по законодательному обеспечению противодействия коррупции // www.parlament-club.ru/news,1,745.htm.
6. Вступительное слово Президента России Д. А. Медведева на заседании Совета законодателей по вопросам законодательного обеспечения противодействия коррупции 14 июля 2010 года [Электронный ресурс]. // Московская областная Дума. Официальный портал. URL: http://www.moduma.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4307&Itemid=184 (Дата обращения 12.01.12).
7. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала армии Рашида Нургалиева в «Российской газете» // Российская газета. 2009. 15 июля.
8. Глинкина С.П. Феномен коррупции: взгляд экономиста // Новая и новейшая история. 2010. – № 4. – С. 3-17.
9. Голосенко И.А. Феномен «русской взятки»: Очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. – Т. II. – № 3. – С. 106-108.
10. Илюхина Р.В. Социально-экономические основы коррупции и ее влияние на экономическую безопасность России // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. – № 10. – С. 14-18.
11. Из выступления Генерального прокурора России Ю.Я. Чайки на 270 заседании Совета Федерации 28 апреля 2010 года [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура РФ. Официальный сайт. URL: <http://genproc.gov.ru/management/appearances/> (Дата обращения 12.03.12).
12. Индекс восприятия коррупции. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transparency.org> (Дата обращения 12.03.12).
13. Каримова И.Р., Владимиров И.А. Экономический анализ коррупции // Экономическая наука и практика: материалы междунар. науч. конф. Чита: Издательство Молодой ученый, 2012.
14. Короткова О.И. Коррупция в органах государственной власти // Современное право. 2010. – № 1. – С. 82-85.
15. Куликов М.Ю. Административно-правовые проблемы противодействия коррупции в органах исполнительной власти // Административное и муниципальное право. 2010. – № 6. – С. 26-28.
16. Макаров А.А. Организационно-экономические меры противодействия коррупции в системе органов внутренних дел РФ // Административное и муниципальное право. 2009. – № 2. – С. 43-47.
17. Мельник Н.И. Понятие коррупции // Коррупция и борьба с ней. – М., 2000. – С. 201-221.
18. Охотский Е.В. Коррупция – препятствие на пути к социальному государству // Труд и социальные отношения. 2009. – № 3. – С. 70-77.
19. Покровский М.Н. Противодействие коррупции в России: административно-правовые и этические аспекты // Административное и муниципальное право. 2010. – № 6. – С. 28-30.
20. Работа правоохранительных органов по противодействию коррупции [Электронный ресурс]. // Сайт Прокуратуры Красноярского края. URL: <http://www.krasproc.ru/against/work> (Дата обращения 12.03.12).

21. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы / Пер. с англ. – М.: Логос, 2003. – 343 с.
22. Хлонова Н.В. Меры безопасности в системе противодействия коррупции // Право и политика. 2010. – № 2. – С. 24-29.
23. Шакирьянов М.М. Понятие и сущность коррупции // Закон и право. 2010. – № 6. – С. 9-11.
24. Шукин А.В. Противодействие коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации – задача общая // Право в Вооруженных Силах. 2010. – № 4. – С. 2-5.
25. Шохин Н.Н. Коррупция и ее понятие в современных условиях // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». 2008. № 1. С. 50-55.

УДК 351:329

Кудрявцев Г.А.

Московский государственный областной университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖБ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

G. Kudryavtsev

Moscow State Regional University

PUBLIC RELATIONS SERVICES'S ACTIVITIES IN THE ORGANS OF GOVERNMENT: METHODOLOGICAL ASPECTS

Аннотация. В настоящей статье автор выдвигает тезис, что деятельность по связям с общественностью в политике и государственном управлении необходимо рассматривать в методологии, восходящей к коммерческому маркетингу. Он доказывает, что такой подход не только позволяет избежать идеологизации и идеализации понятия «связи с общественностью», но и проследить отношения таких понятий, как реклама, связи с общественностью и пропаганда. В этой связи представляет интерес авторское определение связей с общественностью как деятельности, осуществляемой в области управления, направленной на обеспечение максимально эффективной, с точки зрения целей управления, коммуникации субъекта деятельности с социальной аудиторией.

Ключевые слова: связи с общественностью, управленческая деятельность, государственное управление, политическая реклама, идеология, пропаганда.

Abstract. The author puts forward the thesis that the political and government activities in the sphere of public relations should be considered on the basis of the methodology which is going back to commercial marketing. The author proves that such approach allows to avoid ideologizing and idealization of the "public relation" concept. Besides, it helps observe the relations of such concepts as advertising, public relations and propaganda. The author's definition of public relations is of some interest. He states that public relations area kind of activities, carried out in the field of management and is directed on ensuring the most effective communications between the subject of activity and the social audience (from the point of view of the management purposes).

Key words: public relations, administrative activity, organs of government, political advertising, ideology, propaganda.

В течение последних шестидесяти лет учеными и сообществами предлагалось, по подсчетам Р. Харлоу [5, с. 4], около пятисот дефиниций, характеризующих сущность связей с общественностью, однако проблема определения этого термина остается открытой. В различных определениях сущности связей с общественностью отражаются самые разнообразные методологические подходы к этой проблеме.

© Кудрявцев Г.А., 2012.

Так, Институт общественных отношений, созданный в Великобритании в феврале 1948 г., определил связи с общественностью как «планируемые, продолжительные усилия, направленные на создание и поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между организацией и общественностью» [2, с. 12]. В 1987 г. в это определение внесены незначительные дополнения, но оно является ныне действующим. На наш взгляд, главным недостатком данного, по сути, деятельностного, определения, является отсутствие указания на субъект, сущность и содержание той деятельности, в ходе которой прилагаются «усилия», а наличие указания лишь на цель деятельности делает определение неполным.

Словарь Уэбстера в конце 60-х гг. определил связи с общественностью как «отношения с широкой общественностью посредством рекламы; деятельность корпорации, организации и т. д., целью которой является информирование публики о своей деятельности, своей политике и т. п., направленная на создание благоприятного общественного мнения» [17, с. 712]. В данном случае определены субъект, содержание, цели и даже методы деятельности. Однако в дефиниции не определен характер деятельности, то есть остается открытым вопрос, почему связи с общественностью – это *специфический* вид деятельности.

В 1975 г. специальный фонд (Foundation for Public Relations Research and Education), в работе которого приняло участие 65 ученых, проанализировав 472 различных определения, предложил следующую дефиницию, в которой связи с общественностью рассматриваются как *функция управления*. Т. Хант и Дж. Грюнинг также определяют связи с общественностью (СО) как управление коммуникацией между организацией и общественностью [14, с. 57]. К основополагающим зарубежным работам относится и коллективная монография «Эффективная публик рилейшнз», в которой авторы также определяют связи с общественностью как «функцию менеджмента, которая устанавливает и поддерживает взаимовыгод-

ные отношения между организацией и общественностью, от которой зависит успех или неуспех» [16, с. 2].

Существуют и другие подходы к сущности связей с общественностью. В частности, так называемое «мексиканское определение», сформулированное в Мехико 11 августа 1978 г. представителями нескольких десятков национальных и региональных ассоциаций по связям с общественностью, трактует PR(Public Relations) как «искусство и науку анализа тенденций, предсказания их последствий, выдачи рекомендаций руководству организаций и общественности» [2, с. 16]. С. Блэк, один из наиболее признанных специалистов в области разработки теории и практики PR, считает, что это лучшее из определений. Поэтому сам он определяет связи с общественностью также как «искусство и науку достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности» [2, с. 18]. На наш взгляд, основным недостатком такого рода дефиниций является несоответствие объема определяемого и определяющих понятий. В них сущность связей с общественностью определяется, с одной стороны, через слишком широкие, категории, такие как «наука» и «искусство», с другой стороны, через категории, носящие более абстрактный, нежели конкретный характер, к которым относятся «правда» и «гармония». В связи с этим два вышеприведенных определения носят не столько научный, сколько метафорический характер.

В работах российских авторов по проблемам PR просматривается близость к трактовкам и методологическим подходам, разработанным западными специалистами.

Так, в работах Н.Г. Зяблюда, Е.А. Блажнова СО рассматриваются в свете деятельностного подхода. В частности, Н. Зяблук определяет PR как «постоянный процесс, посредством которого бизнес старается завоевать добрую волю и понимание своих потребителей, рабочих, общественности» [4, с. 43]. Е. Блажнов, придерживаясь близких взглядов, полагает, что «Связи с общественностью побуждают

людей верить в сердечные, добропорядочные цели корпорации, показывают, как корпорации ищут доверия и доверительных отношений с публикой, с общественностью [1, с. 8]. На взгляд автора, общим недостатком приведенных определений СО является указание на их процессуальность, не подкрепленное указанием на результативность деятельности. Кроме того, остаются открытыми вопросы о субъектах и содержании деятельности.

Автору исследования ближе коммуникативный подход, представленный в работах И. Яковлева, Г. Тульчинского и др. Взгляд на систему связей с общественностью как на двухсторонний динамический процесс, опирающийся на коммуникативную модель социальной системы К. Шеннона, мы встречаем еще у Л. Невзлиной, автора первой отечественной книги постсоветского периода, вышедшей в 1993 г., «Паблик рилейшнз». Кому это нужно?».

И. Яковлев определяет СО, как «управленческую деятельность, связанную с установлениями благоприятных (гармоничных) отношений посредством коммуникаций между организацией и социальной средой (общественностью)» [15, с. 4]. На взгляд автора, при всей лаконичности определения, его недостатком является то, что цель деятельности по связям с общественностью определена через абстрактные слова – гармоничные и благоприятные отношения, не являющиеся, собственно, терминами с определенным значением.

Определение Г. Тульчинского: «СО – это область теорий и практики «современного менеджмента», цель которой – «обеспечение коммуникации фирмы с ее социальной средой» [11, с. 8], – лишено отмеченного выше недостатка, поэтому именно определение Г. Тульчинского ближе всего к авторской позиции относительно понимания сути СО. Достаточно близки к позиции Г. Тульчинского позиции таких авторов, как Г. Почепцов и Ф. Хорава. Так, Г.Г. Почепцов трактует в своих работах СО как «науку об управлении общественным мнением» или как «менеджмент коммуникаций» [8, с. 20]. Ф.М. Хорава пони-

мает PR как динамичную и гибкую систему управления, функционирующую в самых разнообразных областях человеческой деятельности – в бизнесе, политике, международных отношениях, социальной сфере и т. д. [13, с. 3]. Авторы всех вышеприведенных определений в целом объединяет понимание СО как деятельности, связанной с коммуникацией и осуществляемой в интересах общественного блага. В то же время авторы исходят из существенно отличающихся целей, задач, сфер применимости, путей и технологий осуществления деятельности по связям с общественностью.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что единого определения связей с общественностью не существует. Методологической основой нашего исследования мы будем считать понимание СО как деятельности, осуществляемой в области управления, направленной на обеспечение максимально эффективной, с точки зрения целей управления, коммуникации субъекта деятельности с социальной аудиторией.

С этих позиций основными элементами содержания деятельности по связям с общественностью можно считать следующие:

- установление, поддержание и расширение многообразных коммуникативных связей внутри социума;
- информирование объекта управления о характере принимаемых решений в лице объектов-носителей прав и собственности и разъяснение необходимости и мотивов принятия тех или иных общественно значимых решений;
- социально-политический и социально-экономический мониторинг;
- налаживание «обратной связи» и изучение реакции общества на предпринимательское действие,
- сбор и обобщение информации в целях их корректировки;
- прогнозирование социальных процессов и возможных последствий принимаемых решений, определение основных задач, методов и способов направленной коммуникации;

- обеспечение связи одних субъектов с другими с целью обоюдovыгодного обмена информацией и ее продвижения.

Рассмотрением деятельности по связям с общественностью в сфере политики, государственной власти и управления посвящены работы таких авторов, как В.М. Горохов, В.С. Комаровский, Г.Г. Почепцов, А.Н. Чумаков и др. В последние годы одним из самых авторитетных источников по данному вопросу стал коллективный труд, изданный в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации – «Связи с общественностью в политике и государственном управлении» под редакцией В.С. Комаровского. Одним из общепризнанных достоинств данной работы стал детальный анализ реальной практики взаимодействия государственных и муниципальных органов власти с общественностью в России. На основе проведенного анализа авторы коллективной работы определили связи с общественностью как «универсальную и прикладную дисциплину, изучающую закономерности взаимодействия субъектов общественных отношений с гражданами, общественными организациями, фирмами, партиями, органами власти и управления, ассоциациями и т. д.» [9, с. 6]. По мнению авторов работы, «паблик рилейшнз» опирается на принцип гражданского консенсуса, своеобразного «общественного договора», <...> не отрицает наличия конфликтов, напротив, предполагает их упреждающий анализ, поиск действенных моделей компромисса, создание технологий взаимопонимания, конструктивных взаимоотношений и обоюдopриемлемых взаимодействий» [9, с. 7]. Однако, на наш взгляд, подобный подход к сущности СО в государственном управлении является, с одной стороны, излишне идеологизированным, с другой стороны, излишне идеализированным.

С нашей точки зрения, идеологический подход к сравнению рекламы, пропаганды и деятельности по связям с общественностью не является методологически обоснованным. Такой подход получил широкое распространение именно среди российских авторов в

силу того, что такие понятия, как реклама, пропаганда и СО часто рассматриваются ими в отрыве от генезиса этих понятий, восходящего к коммерческому маркетингу. В то же время большинство западных исследователей обоснованно рассматривает связи с общественностью, рекламу и пропаганду как понятия, заимствованные политической теорией и практикой из коммерческого маркетинга, в рамках которого не существует идеологических различий, а все различия носят, так сказать, методологический характер. На наш взгляд, такой подход является более плодотворным.

Отличительными чертами связей с общественностью являются:

- достоверность;
- широкий охват аудитории;
- многообразие применяемых форм и широкие масштабы задач;
- броскость, возможность заставить получателя информации «врасплох» (например, сведения о благотворительной деятельности политика могут быть представлены как бы «невзначай»);
- относительная дешевизна и эффективность коммуникации.

С этих позиций понятие «связи с общественностью» во многом близко понятию «пропаганда», однако они не тождественны. Пропаганда включает в себя «использование редакционного, а не платного места и/или времени во всех средствах распространения информации, доступных для чтения, просмотра или прослушивания существующими или потенциальными клиентами фирмы, для решения конкретной задачи – способствовать достижению поставленных целей» [6, с. 538], а под связями с общественностью традиционно понимается неличностное стимулирование спроса на товар с помощью публикаций, презентаций, то есть всевозможных сообщений политического субъекта о себе в адрес максимально широкой аудитории (общественности). Негативная коннотация термина «пропаганда» объясняется той ролью, которую пропаганда играла и играет в манипулировании общественным сознанием в

авторитарных и тоталитарных политических режимах. В отличие от понятия «пропаганда», понятие «связи с общественностью» не несет на себе негативной ценностной нагрузки, в то же время сохраняя с ним содержательное единство.

Таким образом, PR-технологии, прежде всего, включают в себя все технологии, имеющие отношение к управлению информацией. Технологический диапазон связей с общественностью в политике и сфере государственного и муниципального управления очень широк. В то же время особенностью PR-практики в этих сферах является постоянная разработка новых методик, позволяющих субъектам управления эффективно добиваться сформулированных в рамках концепции управления стратегических целей. Следует отметить, что важнейшим фактором расширения возможностей применения методик связей с общественностью как в политике, так и в других сферах общественной жизни является развитие средств массовых коммуникаций, в первую очередь сети Интернет, а также масс-медиа.

В отношении *политической рекламы* можно выделить два атрибутивных признака, отличающих ее от всех других видов коммуникаций: во-первых, неличный характер представления, во-вторых, указание в рекламном сообщении рекламодателя. Во всех определениях рекламы, так или иначе, присутствует указание на эти два признака. Так, Ф. Котлер определяет рекламу как «неличные формы коммуникации, осуществляемые через посредство платных средств распространения информации с четко указанным источником финансирования» [6, с. 511]. Американская маркетинговая ассоциация определяет рекламу как «любую оплаченную, не носящую личного характера форму представления и продвижения идей, товаров и услуг вполне определенным спонсором» [3, с. 20].

Показательно, что исследователи как коммерческой, так и некоммерческой рекламы выделяют одни и те же цели рекламной деятельности. Так, Сэндидж и Чарльз полагают, что «рекламу можно рассматривать как фор-

му коммуникации, которая пытается перевести качества товаров и услуг, а также идеи на язык нужд и запросов потребителя» [10, с. 54]. О.А. Феофанов считает, что задача политической рекламы также «состоит, в первую очередь, в том, чтобы сформировать соответствующий имидж политической силы, партии, ее лидера и его представителей» [12, с. 51]. Однако эти определения отличаются узким, сугубо прагматичным и функциональным пониманием рекламной деятельности, не учитывающим многообразие ее возможных форм.

Таким образом, автор считает целесообразным сформулировать следующие *выводы*.

- Связи с общественностью – это деятельность, осуществляемая в области управления, направленная на обеспечение максимально эффективной, с точки зрения целей управления, коммуникации субъекта деятельности с социальной аудиторией.
- Деятельность по связям с общественностью в политике и государственном управлении необходимо рассматривать в методологии, восходящей к коммерческому маркетингу, поскольку такой подход не только позволяет избежать идеологизации и идеализации понятия «связи с общественностью», но и проследить генетические отношения таких понятий, как реклама, СО и пропаганда.
- Реклама, и связи с общественностью, и пропаганда в экономике являются элементами комплекса маркетинговых коммуникаций. Соответственно, исходя из их генезиса, социально-политическая реклама, PR и пропаганда могут рассматриваться как виды социально-политических коммуникаций.
- Связи с общественностью в сфере государственного и муниципального управления – это деятельность, осуществляемая в сфере управления и являющаяся одним из видов социально-политических коммуникаций (наряду с социально-политической рекламой и пропагандой), направленная на установление и

функционирование коммуникативных взаимоотношений между субъектом и объектом управления, то есть органа управления и общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блажнов Е.А. Паблик рилейшнз: Приглашение в мир цивилизованных рыночных и общественных отношений. – М.: Прогресс, 1994. – 251 с.
2. Блэк С. Введение в паблик рилейшнз. – Ростов н/Д, 1998. – 180 с.
3. Джугенхаймер Д.У., Уайт Г.И. Основы рекламного дела. – Самара: Федоров, 1996. – 479 с.
4. Зяблюк Н.Г. Индустрия управляемой информации. («Паблик рилейшнз» – система пропаганды большого бизнеса США). – М.: Политиздат, 1971. – 72 с.
5. Информационный бюллетень Российской ассоциации по связям с общественностью. – 1992. – № 4. – 19 с.
6. Котлер Ф. Основы маркетинга: Пер. с англ. /Общ. ред. и вступ. ст. Е.М. Пеньковой. – М.: Прогресс, 1990. – 736 с.
7. Положение об информационных гарантиях предвыборной агитации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 29.10.93 №1792, п.2. // СА РФ. – 1993. – № 44. – Ст. 4196.
8. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз, или как успешно управлять общественным мнением. – М.: Альпина-Паблишер, 1998. – 214 с.
9. Связи с общественностью в политике и государственном управлении /Под общ.ред. д-ра филос. наук В.С. Комаровского. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – 212 с.
10. Сэндидж, Чарльз и др. Реклама: теория и практика. – М.: Прогресс, 1989. – 682 с.
11. Тульчинский Г. PublicRelations: Репутация, влияние, связи с прессой и общественностью, спонсорство. – СПб., 1997. – 117 с.
12. Феофанов О.А. Что может политическая реклама //Коммунист. – 1991. – № 12. – С. 51.
13. Хорава Ф.М. Становление российских «Паблик рилейшнз» как социального института. – М.: Аспект-пресс, 2000. – 330 с.
14. Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 190 с.
15. Яковлев И. Паблик рилейшнз в организациях. – СПб., 1997. – 280 с. [4]
16. D. Newsom, Van Slike Turk, D. Kruckeberg. This is PR. The realities of public relations (seventh edition). – Belmont: Wadsworth /Thomson Learning. – 200 p.
17. Webster's New World Dictionary for Young Adults /Simon & Sinister. – New York, 1994. – 259 с.

УДК 323.23

Федорченко Л.В.

Московский государственный областной университет

СПИЧРАЙТИНГ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСАЛТИНГА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

L. Fedorchenko

Moscow Regional State University

SPEECHWRITING AS A FORM OF POLITICAL CONSULTING IN MODERN RUSSIA

Аннотация. В статье анализируется спичрайтинг как особая технология политического консультирования. Политический спичрайтинг изучается на примерах работы консультантов с главами советского и современного российского государства. Рассматривается опыт основных приёмов работы советского референта – предшественника современного российского политического консультанта. Особое внимание уделяется влиянию клиента на политический текст.

Проведён сравнительный анализ работы спичрайтеров с различными российскими президентами. Сделано наблюдение, что российские спичрайтеры находятся под влиянием политической консьюмеризации, означающей маркетизацию политической сферы. Определено также, что современные российские спичрайтеры уступают своим советским коллегам по уровню профессионализма.

Ключевые слова: спичрайтинг, российский политический консалтинг, советская референтура, президент, политическая консьюмеризация.

Abstract. The article analyzes speechwriting, as a special technology of political consulting. The author studies the political speechwriting basing on the referents' work with the heads of the Soviet State and modern Russia. The author analyses the Soviet referents' main methods of work as the predecessors of modern Russia's political consultants. Particular attention is paid to the client's influence on the political text.

The article presents a comparative analysis of speechwriters' work with Russian presidents. The author concludes that Russian speechwriters are under the influence of political consumerization, the phenomenon meaning the marketization of the political sphere. The article states that modern Russian speechwriters are professionally inferior to the Soviet ones.

Key words: speechwriting, Russian political consulting, the Soviet referents, president, political consumerization.

*Человек, который пишет речи
для президента, руководит страной.*

Томас Дьюи

Консалтинг является одним из сегментов растущего российского политического рынка. Это происходит в условиях процесса консьюмеризации политической сферы в современной России. Под политическим консьюмеризмом можно понимать политическое поведение, мотивированное потребительно. В этом случае граждане относятся к политике как к сфере, в которой производятся товары и услуги, как и в коммерческой сфере [14, с. 103].

Консьюмеризм подразумевает маркетизацию политической сферы и становление политического рынка в нашей стране [25]. Правда, институт российского политического консультирования, в отличие от своего западного эквивалента [22], не регулируется законодательством. Тем не менее, политический консалтинг, выходя за рамки национальных государств, всё больше становится новой формой международного бизнеса [15, с. 72]. Одной из попу-

лярных форм политического консалтинга в современной России является политический спичрайтинг.

Спичрайтинг (от англ. *speechwriting* – написание речи) означает подготовку и написание текстов для выступлений перед аудиторией. Российский филолог А.Д. Кривоносов определяет спичрайтинг как специфическую PR-технология, представленную в виде подготовки и написания PR-текста, предназначенного для устного исполнения, а также консультирование какого-либо лица по организации его публичного выступления [9, с. 12-13].

Цель спичрайтера – передать мысли политика максимально интересно для электората. Выступление политика должно запомниться и оставить приятное впечатление у слушателей. Люди очень часто заняты своими размышлениями, и речь извне воспринимают как фоновый шум, поэтому привлечение внимания слушателей к словам политика – первостепенная задача спичрайтера.

Истоки политического спичрайтинга можно отыскать еще в древнегреческой риторике. Аристотель определял риторику как искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может касаться всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки [2, с. 7]. В Древней Греции риторика была неотъемлемым компонентом античной демократии, при которой общественное мнение решало судьбу свободнорожденных граждан. Римляне времён республики, как и греки, использовали риторику в политике. Ещё Цицерон выделял различные виды речей [19] и в своей деятельности использовал ораторский приём ламентации (от лат. *lamentatio* – «плач, рыдание»), разжигающий эмоции людей.

В наше время политический спичрайтинг опирается как на традиции античной риторики, так и на вполне современные методики. Известный американский специалист по риторике профессор Университета штата Мериленд Пэрри-Джилс Тревор полагает, что «хороший спичрайтер должен быть начи-

танным, обладать солидными познаниями в философии, истории, литературе, экономике, психологии и искусстве, понимать силу языка» [26, с. 209].

Обычно современными исследователями выделяются несколько этапов написания политического спича: 1) анализ аудитории (демографические и социальные характеристики); 2) формирование идеи речи (главная тема послания); 3) разработка системы аргументации и доказательства (креативность, юмор, подбор фактов, цифр, экспертных оценок); 4) рациональное структурирование текста (смысловое, стилистическое и лингвистическое); 5) практика исполнения речи, многократное озвучивание и запоминание [21, с. 54].

Проанализируем технологию политического спичрайтинга в России на примере работы «речеписцев» глав государства. Российский спичрайтинг как профессия и искусство начался оформляться ещё во время Советского Союза. Тогда функции спичрайтеров выполняли так называемые референты (от лат. *referentis* – сообщающий) – должностные лица, готовившие доклады советским политикам, а также консультировавшие их по определенным государственным вопросам.

Представляется важным отметить, что работа советских референтов сильно зависела от господствовавшей в ту пору марксистско-ленинской идеологии, а также от воли коммунистических лидеров. К примеру, Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв сам часто надиктовывал для своего же выступления фрагменты текста, настаивая на некоторых фразах. В распоряжение референтов поступали и многие другие информационные материалы.

Приведём примеры работы советских референтов над политическими речами. Так, на февральском Пленуме ЦК КПСС 1964 г. Хрущёв обязал Секретаря ЦК и члена Политбюро партии М.А. Суслова выступить с речью о культе личности И.В. Сталина. Речь поручили подготовить консультантам Ф.М. Бурлацкому и А.С. Белякову в течение одной ночи. Позиция Суслова референтам была известна

– осторожная, взвешенная, лишённая крайностей и резких красок. Но Хрущёв именно требовал осудить культ личности [5, с. 83-84]. В итоге к утру речь была готова, перепечатана в трёх экземплярах и предоставлена для рецензирования лично Суслову, который собственноручно снабдил подготовленный текст ленинскими цитатами. Как видно, здесь явлен не только пример тесного сотрудничества политика и спичрайтера, но и сильное влияние клиента-заказчика на консультанта.

Стиль работы советских спичрайтеров с Л.И. Брежневым имел свои особенности. Хотя Брежнев обычно не писал свои доклады и речи, он лично обсуждал предложенные тексты со своими помощниками. Политические документы, с которыми работал советский руководитель, касались конкретных проблем – нюансов выступлений лидеров разных стран, судьбы Олимпиады, недовольства интеллигенции планами реконструкции столицы, конституционного строительства, роста численности аппарата управления и т. п. [20, с. 172] Иными словами, консультантам нужно было изначально учитывать самые разные внутри- и внешнеполитические аспекты. Известным спичрайтером брежневской эпохи был А.Е. Бовин. Возникло даже понятие «бовинизмы» – популярные фразы политиков, которые придумывал референт, например, «экономика должна быть экономной».

Схема подготовки речи была следующей. Сначала проект доклада рассылался членам Президиума и секретарям ЦК. Затем референтам поручалось обобщить поступившие предложения и составить небольшую итоговую справку. Мнения членов ЦК порой не совпадали, но советский «речеписец» учитывал позицию большинства и руководствовался официальным курсом.

Порой советские спичрайтеры сталкивались с серьёзными противоречиями в самом высшем партийном руководстве. К примеру, при подготовке доклада Брежнева к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне партийное руководство разошлось в оценке роли Сталина. Референтам, работавшим над докладом, поступило большинство предложений

усилить позитивную характеристику Сталина. Некоторые представители партийной элиты даже представили солидные вставки к готовому тексту, в которых говорилось, что вождь обеспечил разгром оппозиции, победу социализма, осуществление ленинских планов и т. п. При этом «неосталинисты» настаивали на исключении из доклада самого понятия «культ личности». Другая часть партийного руководства предлагала включить в текст доклада формулировки, прямо позаимствованные из постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. [5, с. 147-148]. Перевесило особое мнение Ю.В. Андропова, предложившего полностью обойти вопрос о роли Сталина, учитывая разногласия мнений в советском руководстве. В итоге Брежнев в докладе фамилию Сталина произнёс лишь однажды.

Советским «речеписцам» приходилось учитывать и стиль работы самого Ю.В. Андропова. Какой бы текст ни подготавливал референт, Андропов вызывал в кабинет несколько помощников, читал документ вслух, призывал каждого участвовать в редактировании и в итоге обозначал своё мнение по сказанному. Кроме того, Андропову нравилось руководить процессом написания политического текста.

Уже в советское время использовались многие современные спичрайтерские технологии. Советские консультанты понимали, что важным элементом является начало речи. Поэтому аудиторию заранее подготавливали торжественной музыкой и аплодисментами, доводя её возбуждение до апогея, и лишь потом начиналось выступление советских политиков [1, с. 71].

Последний руководитель Советского Союза М.С. Горбачёв стал ещё активнее читать заготовки политических текстов и вносить свои поправки. Спичрайтеры были членами управленческой команды и вовлечены в политику. Тесно сотрудничали с советскими политиками и такие консультанты, как В.В. Загладин и А.Н. Яковлев [6, с. 55].

При первом российском президенте Б.Н. Ельцине усилился технический подход к

спичрайтингу. Стиль речи политиков становился более динамичным и деловым. Важно отметить, что в это время были созданы группа анализа при председателе правительства В.С. Черномырдине и референтура при российском Президенте. Среди ельцинских спичрайтеров можно отметить А.В. Вавра, А.А. Шторха, В.Б. Юмашева, С.В. Колесникова и Л.Г. Пихою [11]. Определенную роль в подготовке текстов играл пресс-секретарь президента В.В. Костиков – автор сорвавшей аплодисменты в американском Конгрессе фразы Ельцина – «Сегодня свобода Америки защищается в России» [8, с. 56].

Работа спичрайтера над официальными речами президента Ельцина предполагала свои нюансы. Учитывалась следующая схема. Для начала Президент ставил наиболее общую задачу, намечал основные политические блоки и элементы. Затем консультанты в процессе подготовки политических текстов внедряли в них свои собственные заготовки и идеи. Окончательный вариант одобрял сам Президент. Между тем, как и в советское время, встречались периоды, когда спичрайтеры испытывали затруднения из-за противоречивости поступающей политической информации. Во второй половине 1990-х гг. даже при подготовке серьезных выступлений спичрайтеры не получали никаких политических установок, что, очевидно, было связано и с нарастанием политической и физической усталости первого российского Президента [13, с. 162].

Порой Ельцин импровизировал. Хотя выступление без текста, особенно по сложным политическим вопросам, всегда небезопасно. В таких случаях консультанты сильно переживали о возможных последствиях [8, с. 66]. Тем не менее, некоторые «импровизации» президента, кажущиеся непосвященному человеку неуравновешенными и рискованными, на самом деле заранее им репетировались.

Важно подчеркнуть, что подготовка политического выступления предполагает его адаптацию к формату работы журналиста. Политический спичрайтер заранее приспособ-

ливает речь под будущие цитаты в газетах и на телевидении. Автор согласен с американским учёным Адлаем Стивенсоном, который полагает, что лучшие публичные выступления, должны быть образны, максимально ритмичны и больше «напоминать поэзию, чем прозу» [23, с. 79]. Современный российский спичрайтер исходит из того, что масс-медиа лучше цитируют политиков, если каждая озвученная идея как смысловая единица длится не больше 12 секунд.

Политический спичрайтинг 1990-х гг. учитывал и тот фактор, что люди внимательно прислушиваются к вербальному построению модели мира, её изменениям и ассоциациям. К примеру, во время избирательной кампании генерал А. Лебедев 1996 г. политтехнологи обнаружили, что у самого Ермака была фамилия Лебедев. Одновременно показали телевизионный фильм «Не стреляйте в белых лебедей» и т. п. Американский исследовательский центр RAND Corporation даже выпустил научную работу о кратких афористичных высказываниях генерала – «лебедизмах». Выяснилось, что такие яркие вербальные характеристики и ассоциации не только легко остаются в людской памяти, но и начинают пересказываться другими по принципу «сарафанного радио» [24, с. 5-17]. Иными словами, здесь политическая коммуникация начинает активно работать наподобие распространения слухов или анекдотов.

С приходом к власти второго Президента России В.В. Путина российский спичрайтер стал рядовым государственным служащим, готовящим политические тексты на заказ, без притязаний на вмешательство в саму политику. Речевая манера президента минимизировала роль референтов, которые отныне стали подготавливать только тезисы, а не полные тексты выступлений. Референтура стала еще более закрытой структурой.

При президентском спичрайтере Д.Р. Полыевой организованная референтура обрела строгую иерархию, разделив консультантов на младших и старших референтов [17]. Полыева перенесла многие спичрайтерские технологии с места своей прежней работы

(информационного агентства Интерфакса) в Кремль.

Так, ежегодное послание Президента Федеральному собранию уменьшилось в объеме в три раза. Была прекращена имевшая место в Президентство Ельцина практика раздачи письменного текста Послания непосредственно перед его оглашением. При Полыевой же было решено раздавать текст только после того, как Путин его зачитает. Поэтому каждый год с посланием Президента была связана интрига, и российские политики слушали Президента внимательно.

Сначала в президентской референтуре работали 11 человек, затем – 30-40 спичрайтеров. Президентские «речеписцы» готовили по каждому политическому поводу несколько вариантов речей, с которыми знакомился Путин. Для помощи спичрайтерам в путинской администрации было образовано особое экспертное управление, задача которого заключалась в заготовке ключевых тезисов, которые затем облекались спичрайтерами в нужную политическую форму [3].

По мнению некоторых специалистов, на каждые пять минут выступления должно приходиться не менее трех часов работы над сценарием [16, с. 333]. В связи с этим важно отметить, что послания Путина стали более четкими и практическими, чем были у Ельцина. Соответственно, такие политические тексты и пишутся дольше – с расчётом на то, что послание президента должно читаться в начале года.

С избранием российским президентом Д.А. Медведева можно было предполагать, что новый глава государства захочет выработать собственный стиль речей, отличный от путинского. Появились активные слухи о грядущей перестановке в президентской референтуре и среди спичрайтеров. Однако на долгое время Полыева продолжала курировать саму референтуру, участвуя в подготовке ежегодных Посланий лидера страны Федеральному собранию и других программных выступлений главы государства, а также – в издательских проектах, связанных с обеспечением деятельности Президента и его ад-

министрации по вопросам образования и науки.

Между тем вскоре начались кадровые изменения. Так, указом Президента Медведева от 22 мая 2008 г. на должность референта была назначена Е.И. Василевская, до того работавшая в информационной службе ОАО «Газпром» и занимавшая должность референта первого вице-премьера Медведева [4]. Окончательное разочарование в работе Полыевой произошло позднее. В 2009 г. на встрече со студентами Питсбургского университета Медведев демонстративно отказался зачитывать текст выступления, подготовленный референтурой. Президент заявил, что вступительного слова не будет, и просто пригласил участников мероприятия задавать ему вопросы.

Причиной недовольства Медведева работой референтуры и спичрайтером Полыевой мог стать и так называемый «казус Калашникова» [10]. Инцидент состоял в том, что в одном из выступлений Президента в качестве положительного примера для поиска инноваций была упомянута деятельность писателя и блоггера Максима Калашникова, который открыто называет себя «фашистом» и позволяет себе неместные заявления в адрес российской власти.

Кроме того, спичрайтеры Президента совершили еще один серьезнейший просчёт. Как выяснил исследователь А. Коновалов, в своем выступлении перед командующими военных округов на полигоне Донгуз 26 сентября 2008 г. российский Президент дословно повторил фрагмент речи казахского министра обороны Казахстана Д.К. Ахметова на совместном заседании палат парламента Казахстана 26 апреля 2007 г. [7].

Результатом подобных «казусов» стало освобождение Полыевой от должности помощника Президента и назначение ее главой аппарата Госдумы шестого созыва в январе 2012 г.

Как видно, политические спичрайтеры в современной России не отличаются высоким качеством работы, предпочитая доход профессионализму. Подобное явление, по мне-

нию автора, связано с политической консьюмеризацией профессиональной деятельности российских спичрайтеров. Российским «речеписцам» иногда выгоднее работать не на конкретного политика и власть, а «на себя». Действительно, стоимость услуг российских политических консультантов немалая. Так, оформить подписку на один выпуск регулярно издаваемого аналитического материала можно от 500 до 1000 долл. Иногда месячная подписка на регулярный аналитический продукт может стоить до 10 000 долл. [18].

Подведём итоги. На основании проведённого анализа становится понятно, что предшественником современного российского политического спичрайтинга является советская референтура. Основная традиция советской референтуры – сильное влияние клиента-заказчика политического текста – перешла и на современный российский спичрайтинг.

В современном российском спичрайтинге наблюдается два процесса. С одной стороны, это институционализация профессиональной деятельности российских спичрайтеров. С другой стороны, институт российских спичрайтеров ощутил на себе влияние глобального политического тренда консьюмеризма. Политическая консьюмеризация российских спичрайтеров означает процесс, связанный с маркетингизацией деятельности политтехнологов, которая распространяется на разные политические партии, их политических деятелей и бизнес-структуры в любых государствах. Для современных российских политических консультантов не существует государственных и административных границ, идеологических предпочтений и этических установок. Главное для них – это широкая клиентская база, и не только в сфере политики.

Как показал анализ деятельности спичрайтеров современного российского Президента, профессиональная составляющая их работы не всегда бывает должного уровня.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов Р.Н., Кондратьев Э.В. Связи с общественностью. – М.: Академический проспект, 2009.
2. Аристотель. Риторика. Поэтика. – М.: Лабиринт, 2000.
3. Ахмирова Р. Кто сочиняет речи президенту Путину // Собеседник. 2006. 4 мая.
4. Билевская Э. Президент в поисках спичрайтера // Независимая газета. 2009. 30 сент.
5. Бурлацкий Ф.М. Русские государи. Эпоха реформации. Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. – М.: Фирма «ШАРК», 1996.
6. Колесников А. Спичрайтеры: Хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир. М.: АСТ, 2008.
7. Коновалов А. Как работают спичрайтеры Медведева? // URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/316588/> (дата обращения к ресурсу: 06.11.2011).
8. Костиков В. Роман с президентом. – М., 1997.
9. Кривоносов А.Д. Основы спичрайтинга. – СПб.: Лаб. опер. печати факул. журналистики СПбГУ, 2003.
10. Новый спичрайтер Медведева работала в пиар-службе «Газпрома» // URL: <http://www.rosinvest.com/news/604850/> (дата обращения к ресурсу: 06.11.2011).
11. Пихоя Л. Ельцин знал секреты скоротечения // Деловые люди. – 2002. – № 2.
12. Политические системы и политические культуры Востока. /Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. 2-е изд-е. – М.: АСТ, 2007.
13. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1999.
14. Пшизова С.Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе (I) // Полис. 2009. № 1.
15. Пшизова С.Н. Политика как бизнес: российская версия (II) // Полис. 2007. № 2.
16. Сэйтэл Ф.П. Современные паблик рилейшнз. – М.: Имидж-контакт, 2002.
17. Указ Президента РФ от 28.09.2004 № 1246 «Об утверждении Положения о Референтуре Президента Российской Федерации» //Собрание законодательства Российской Федерации от 2004 г. № 40. – Ст. 3930.
18. Фрумкин К. Рынок вредных советов //Компания. 05.09.2011. №32 (669).
19. Цицерон. Избранные сочинения. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000.
20. Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975–1985 гг. – М.: Вече, 2008.
21. Юханов Н.С. PR-технологии и политическое консультирование в российской политике. – М.: РУДН, 2008.
22. Duolio D. For Better or Worse? How Political Con-

- sultants are Changing Elections in the United States. – N.Y., 2004.
23. Helitzer M. Political speeches in the practice of political communication. Guido H. Stempel ed., Englewood Cliffs. – N.J.: Prentice Hall, 1995.
24. Lambeth B.S. The Warrior Who Would Rule Russia. A Profile of Aleksandr Lebed. Santa Monica, 1996.
25. Mellone A., Gregorio L. The Childhood of an Approach: Political Marketing in Italy // Journal of Political Marketing. 2004. – Vol. 3. – № 3.
26. Pelmutter David D. The manship school guide to political communication. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1999.

УДК 32.001

Рудакова Е.Н.

Российская таможенная академия (г. Люберцы)

МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

E. Rudakova

Russian Customs Academy, Lubertsy

THE MECHANISM OF ENSURING NATIONAL SECURITY IN THE EDUCATIONAL SPACE OF RUSSIA

Аннотация. В данной статье образование рассматривается как вопрос, относящийся к числу национальных приоритетов, через которые реализуются потребности государства в обеспечении национальной безопасности.

Стратегические интересы России – самосохранение себя как самовоспроизводящейся цивилизационной целостности в многополюсном и меняющемся мире – предполагают сохранение и развитие образовательного пространства страны. Автор раскрывает основные составляющие механизма безопасности образовательного пространства страны, позволяющие осуществлять блокировку деструктивных элементов, свойств, процессов, разрушающих данную систему, и стимулировать конструктивные элементы, свойства, процессы, способствующие ее функционированию и развитию как идентификационного целого.

Ключевые слова: образовательная политика, национальные приоритеты, национальная безопасность, безопасность образования, образовательное пространство.

Abstract. The article considers education as one of the questions of the highest national priorities, through which the state needs in ensuring national security are realized.

The strategic interests of Russia (such as: its capability to self-preservation as a self-replicating civilized integrity in multipolar and changing the world) assume preservation and development of the country's educational space. The author discloses the basic components of the mechanism of ensuring the country's educational space safety. It is stated that they allow to carry out the blocking of the destructive elements, properties and processes destroying the given system, and to stimulate its constructive elements, properties and processes promoting its functioning and development as an identifying whole.

Key words: educational policy, national priorities, national security, educational safety, educational space.

Образование определяет положение государства в современном мире и человека в обществе. Повышение роли образования в современном мире объясняется мировыми тенденциями экономического и общественного развития, которые должно учитывать государство, формируя свою образовательную политику.

В Российской Федерации законодательно установлены цели и принципы образовательной политики, государственные гарантии и механизмы реализации прав и свобод человека в образовании, правовое положение физических и юридических лиц в сфере образования и др.

Объектом образовательной политики государства выступает система образования в целом или отдельные ее звенья, а также различные социальные системы, сопряженные с осуществлением образовательного процесса. Субъектами ее воздействия являются: правительство, уполномоченные им министерства, прочие ведомства, ведущие национальные образовательные учреждения, педагогическое, научное, экспертное сообщества, религиозные, а также иные общественные организации, ассоциации потребителей образовательных услуг и т. п.

Однако образование – не просто сфера услуг, а общественное благо и важнейший механизм формирования и укрепления креативных созидательных сил социума. В современных условиях оно рассматривается как вопрос стратегический, относящийся к числу национальных приоритетов, через которые реализуются потребности государства в обеспечении национальной безопасности.

Основные положения, касающиеся национальной безопасности России, нашли отражение в соответствующих нормативных актах, указывающих на специфику ее понимания самой государственной властью. Так, в законе Российской Федерации от 5 марта 1992 г. «О безопасности» безопасность рассматривалась как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [3]. В новом законе «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. содержание деятельности по обеспечению безопасности государства включает в себя «прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности; определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности; правовое регулирование в области

обеспечения безопасности; разработку и применение комплекса оперативных и долгосрочных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления; организацию научной деятельности в области обеспечения безопасности...» [15].

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию в 1996 г. «О национальной безопасности» впервые было дано определение национальной безопасности, где она понимается «как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства» [8, с. 3].

Понятие национальной безопасности, которое используется в вопросах обеспечения безопасности страны, значительно шире понятий государственной безопасности и имеет отношение к защищенности жизненно важных интересов нации и возможности ее дальнейшего развития.

Актуальность политического осмысления безопасности образования в современных условиях определена спецификой социального развития России и системы образования в глобализирующемся мире. Обеспечение национальной безопасности России зависит от уровня образовательной подготовки молодежи, обусловленного привитием навыков культуры, развитием профессиональной подготовки, формированием социальных ценностей, нравственных и политических идеалов.

Отсутствие единого подхода к рассмотрению проблем безопасности образования предопределяет актуальность исследования вопросов осмысления безопасности образовательного пространства в контексте современной отечественной и мировой образовательной политики, ставя ее в ряд важнейших современных проблем.

Особенности обеспечения безопасности образования в новых условиях жизни общества, повышения степени зависимости безопасности общества от состояния сферы образования потребовали обращения к вопросам самой теории безопасности.

Вопросы осмысления угроз национальным интересам, их прогнозирование, а также отбор эффективных средств и способов предупреждения угроз нашли свое отражение в теоретических исследованиях работ таких авторов, как А.Н. Волобуев, А.В. Возжеников, Л.Д. Глухман, А.С. Емельянов, С.А. Кислицын, С.В. Максимов, А.А. Прохожев, В.М. Родачин, К.А. Феофанов и др. [2; 10; 11; 16].

Проблемы государственной политики в области образования как важнейшей составляющей деятельности государства по укреплению национальной безопасности в своих работах рассматривали: В.А. Грачев, В.И. Жуков, Н.Н. Молчанов, В.А. Садовничий, О.Н. Смолин и др. [12; 13].

Вопросы безопасности развития образовательного пространства и его структурных компонентов непосредственно разрабатываются в трудах М.Н. Берулавы, А.Ю. Вифлемского, Б.С. Гершунского, С.А. Дятлова, Л.Г. Ефремова, В.П. Казначеева, А.И. Субетто и др. [3; 5; 14].

Безопасность образования обеспечивается в первую очередь государством, обязательным единством действий всех субъектов образования и сопряженных с ним сфер. Безопасность системы образования может рассматриваться комплексно: как состояние системы образования в целом; как способность государства нейтрализовать и предотвращать угрозы и опасности в отношении системы образования; как способность обеспечить развитие образования в условиях неблагоприятных воздействий.

Именно государство в решающей степени организует для образования среду, в которой оно развивается. Важнейшей из задач при этом, с одной стороны, становится обеспечение государством безопасности образования, а с другой – конструктивное использование образовательного процесса в системе безопасности государства.

В Национальной доктрине образования, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751, отмечается, что на современном этапе развития России образование, в

его неразрывной, органичной связи с наукой становится все более мощной движущей силой экономического роста, повышения эффективности и конкурентоспособности народного хозяйства, что делает его одним из важнейших факторов национальной безопасности и благосостояния страны, благополучия каждого гражданина. Образование призвано использовать свой потенциал для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства страны, для преодоления этнонациональной напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, равноправия национальных культур и различных конфессий, ограничения социального неравенства [7].

Стратегические интересы России – самосохранение себя как самовоспроизводящейся цивилизационной целостности в многополюсном и меняющемся мире – предполагают сохранение и развитие образовательного пространства страны.

Термин «образовательное пространство» стал использоваться с конца 80-х гг. прошлого века для характеристики образовательной среды, стимулирующей непрерывные, целостные процессы взаимовлияния личности и общества в континууме «прошлого, настоящего и будущего». В середине 90-х гг. это понятие вошло в широкий научный оборот, постепенно превратилось в научную категорию и стало рассматриваться и обосновываться наряду с другими фундаментальными понятиями, такими, как социум и культура.

Рассмотрение образовательного пространства как теоретического понятия, как языковой конструкции, как модели позволяет выделить в нём две субмодели: образование и пространство. Первая традиционно является объектом педагогической науки; вторая – переводит педагогическую мысль из традиционного понятийного ряда в систему таких категорий, как пространство, время, материя, движение, количество, качество, мера [1, с. 16].

Под образовательным пространством России мы понимаем всю совокупность ее образовательных учреждений разного типа и

взаимодействующих с ними общественных и государственных организаций, а также идущих образовательных и учебно-воспитательных процессов.

Образовательное пространство формирует единую нацию с общим названием, единым государственным языком, с общностью культуры, с единым пониманием происходящего, с общими целями и общими действиями по их достижению.

В образовательном пространстве складываются представления об угрозах безопасности личности, общества, государства и мирового сообщества, о путях их предотвращения или устранения, а также отношение граждан к принимаемым мерам безопасности.

Обеспечение безопасности в условиях внутренних и внешних динамических изменений требует наличия определенного механизма безопасности, выполняющего функции поддержания системной инвариантности (неизменности глубинных цивилизационных свойств в процессе изменений, преобразований).

Механизм безопасности образовательного пространства страны – часть общей безопасности, направленной на сохранение и повышение эффективности функционирования общества и экономики – включает в себя:

- цель безопасности, заключающуюся в обеспечении сохранения образовательной системы в процессе ее функционирования и развития;

- уровень безопасности, дифференцирующий структурные составляющие системы, подвергающиеся потенциальным и реальным опасностям: государственная федеральная система образования; государственно-муниципальная система образования; частная система образования; отдельные составляющие системы: учебные заведения, отдельные специальности, отдельные учебные коллективы и индивидуумы;

- сферы безопасности, определяющие возможности функционирования и развития: образовательной системы в целом, единстве ее элементов и взаимосвязи; системы образовательной деятельности: общее образование,

профессиональное образование (начальное, среднее, высшее, послевузовское, дополнительное);

- параметры безопасности, устанавливающие допустимые границы отклонений в потенциале образовательной системы, количестве ее элементов, их качества, свойствах, связях; важнейшими из параметров являются: численность образовательных работников на 10 тыс. жителей страны; количество студентов на 10 тыс. жителей страны; доля финансирования образования в ВВП; абсолютный размер средств, выделяемых на образование в пересчете на одного преподавателя, студента, его отклонение от среднемирового уровня; сальдо экспорта и импорта образовательных услуг; материально-информационная оснащенность образовательного процесса; отток выпускников вузов за границу; отток преподавателей в другие сферы деятельности; уровень подготовки кадрового потенциала в сфере образования;

- опасность, ее последствия и механизм предотвращения, обусловленные: внутренними закономерностями функционирования образовательной системы и воздействие на нее внешней среды, ведущее к нежелательным и необратимым нарушениям в ее воспроизводстве и развитии; изменениями, наступающими в случае реализации опасности (компенсируемые и некомпенсируемые; обратимые и необратимые; затрагивающие и не затрагивающие основы жизнеспособности системы); организационно оформленной совокупностью стратегических и тактических действий, обеспечивающих поддержание системы в определенных границах, сохраняющих ее возможности самостоятельно воспроизводить как себя, так и обеспечивать расширенное воспроизводство экономики страны. Образовательная система подвержена таким опасностям, как: потеря кадрового потенциала; сужение пространства деятельности (потеря специальностей подготовки кадров, снижение уровня общедоступности образовательных знаний, падение качественных показателей, характеризующих функционирование системы: содержание полу-

чаемого образования и величина остаточных знаний у обучающихся, квалификация задействованных научно-педагогических кадров, мотивация их деятельности); увеличение зависимости системы от политики собственного государства и научно-образовательных систем других государств: финансовая поддержка извне, привлечение иностранных кадров и оборудования из-за рубежа в связи с невозможностью осуществления получения образования по отдельным специальностям на основе собственных сил страны. Последствия вышеперечисленных опасностей заключаются в потере страной возможности самостоятельно готовить специалистов для отраслей «новой экономики», военно-промышленного комплекса, эксплуатировать закупаемую импортную технику и оборудование без привлечения иностранных специалистов и рабочей силы. Конкретный механизм обеспечения безопасности в образовательной сфере строится, исходя из мощи потенциальных и реальных опасностей, вероятности их наступления, с учетом цикла развития системы (зарождение, становление, зрелость, трансформация) и ее конкретного состояния (кризис, депрессия, подъем), исходя из наличных финансовых, материальных, кадровых возможностей страны, на основе баланса интересов общества, государства, групп, отдельных личностей.

Оценка механизма безопасности образовательного пространства страны базируется на:

1) проводимой образовательной и экономической политике, ее воздействиях на параметры безопасности;

2) выявлении степени риска отклонений параметров для устойчивости образовательной системы;

3) определении внешних обстоятельств, в которых происходят отклонения: увеличение (при неблагоприятной внешнеэкономической среде) или снижение (при благоприятной внешней среде) рисков.

Учитывая, что образовательная система – это живой организм, то для нее нижний предел устойчивости – это возможность

обеспечивать свое суженное воспроизводство, не теряя возможности в предоставлении своих услуг обществу на уровне, обеспечивающем их расширенное самодостаточное воспроизводство. В настоящее время важно предотвратить реальное размывание образовательной системы и выработать механизм, позволяющий сохранить, а в дальнейшем и приумножить ее качественный потенциал.

Организуя управление безопасностью образовательного пространства, следует исходить из того, что безопасность каждого человека во многом зависит от него самого, от того, как этот человек позиционирует себя в жизни, как ведет себя по отношению к другим людям, в какой культуре он воспитывался и что в ней воспринял в качестве руководства к действию, поэтому приоритетом образовательной политики должно стать: формирование достойного гражданина страны с социально зрелой гражданской позицией, гармонично развитой творческой личности; подготовка молодых людей к самостоятельной работе, непрерывному самообучению и обучению, к гибкой смене специализаций в течение жизни; ориентация подрастающих поколений на создание семьи.

Таким образом, механизм обеспечения национальной безопасности в образовательном пространстве страны позволяет осуществлять блокировку деструктивных элементов, свойств, процессов, разрушающих данную систему, и стимулировать конструктивные элементы, свойства, процессы, способствующие ее функционированию и развитию как идентификационного целого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белая О.П., Горовая В.И. Инновационное образовательное пространство и инновационная культура общества: диалектика взаимовлияния// Вестник МГОУ. Серия «Педагогика». 2010. – № 3. – С. 15-19.
2. Возжеников А.В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения. – М., 2002. – 423 с.
3. Гершунский Б.С. Менталитет и образование. – М., 1996. – 234 с.

4. Дюпюи И.А. Международные интеграционные процессы в образовании. – СПб.: Изд-во СПбГУ-ЭФ, 2003. – 104 с.
5. Дятлов С.А. Человеческий капитал России: проблемы эффективного использования в условиях переходной экономики. – СПб., 1995. – 209 с.
6. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 года N 2446-1 «О безопасности» (утратил силу) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал ГАРАНТ [сайт]. [1992]. URL: <http://base.garant.ru/10136200/> (дата обращения: 30.01.2012).
7. Национальная доктрина образования в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Специализированный образовательный портал «Инновации в образовании»: [сайт]. [2000]. URL: <http://sincom.ru/content/reforma/index5.htm> (дата обращения: 30.01.2012).
8. «О национальной безопасности». Послание Президента РФ Федеральному собранию. – М., 1996. – 47 с.
9. Пещеров В.Г. Политическая составляющая вхождения Российской системы образования в Общеευропейское образовательное пространство // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2010. – № 2. – С. 126-129.
10. Прохожев А.А. Теория развития и безопасности человека и общества. – М., 2006. – 288 с.
11. Родачин В.М. Обеспечена ли национальная безопасность России? // Власть. 2005. – № 3. – С. 38-41.
12. Садовничий В.А. В поисках нового подхода к развитию образования и производительных сил в России // Университетское управление. 2000. – № 2(13). – С. 7-11.
13. Смолин О.Н. Осенний марафон: новые старые ветры в образовательной политике // Народное образование. 2006. – № 10. – С. 9-15 и др.
14. Субетто А.И. Образование: будущее России и человечества // Стандарты и качество. 1994. – № 5. – С. 53-55 и др.
15. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности» [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации: [сайт]. [2010]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/111.html> (дата обращения: 30.01.2012).
16. Феофанов К.А. Цивилизационная безопасность Российской Федерации. – М., 2003. – 254 с.

НАШИ АВТОРЫ

Базаркина Дарья Юрьевна – докторант кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета; e-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru

Бирюков Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна); e-mail: alexbrk@mail.ru

Богунцов Сергей Сергеевич – соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: s.bogunov@csk-sigma.ru

Бочаров Константин Владимирович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: senjor86@yandex.ru

Ватник Нисон Семенович – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна); e-mail: vanis@list.ru

Вититнев Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета; e-mail: svititnev@yandex.ru

Воронин Сергей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Российского университета дружбы народов (г. Москва); e-mail: svoronin.rudn@mail.ru

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

Гранков Дмитрий Александрович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: violinblues@bk.ru

Грибовский Михаил Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета; e-mail: mgrib@mail2000.ru

Дементьев Сергей Сергеевич – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета; e-mail: serhy84@yandex.ru

Запорожец Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, Действительный член Европейской академии естественных наук, профессор кафедры языков Ближнего и Среднего Востока Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ; e-mail: v.m.zaporozhets@gmail.com

Кныш Сергей Викторович – соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-pprava@mgou.ru

Костюченко Инна Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: chebotarew.mpgu@mail.ru

Кудрявцев Григорий Алексеевич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: gregkudr@gmail.com

Курков Николай Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: fakul-ipp@mgou.ru

Никитина Анна Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Московского института экономических преобразований; e-mail: nikitanna75@gmail.com

Савина Ольга Вячеславовна – научный сотрудник отдела диаспоры и миграции Института стран СНГ (г. Москва); e-mail: olga_polnikova@mail.ru

Тен Виктор Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, Почетный работник высшей школы РФ; e-mail: victen1943@mail.ru

Тимофеев Денис Николаевич – аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва); e-mail: tdn@bk.ru

Травникова Елизавета Григорьевна – аспирант кафедры гуманитарных наук Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма; e-mail: grass31@mail.ru

Трофимов Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: fakul-ipp@mgou.ru

Федорченко Лариса Владимировна – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: kascandra@mail.ru

Цветков Владимир Сергеевич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: tsvetkov-vs@yandex.ru

ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «История и политические науки» 2012. № 2

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *И.А. Потапова*
литературный редактор *Т.О. Волобуева*
переводчик *Е.В. Приказчикова*
корректор *Н.Л. Борисова*
компьютерная верстка *А.В. Тетерин*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 450 экз. Уч.-изд. л. 14,25, усл. п.л. 21,25.
Подписано в печать 20.04.2012. Заказ № 566.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а

К сведению авторов «Вестника МГОУ»

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат». Отдел по изданию научного журнала «Вестника МГОУ» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Статьи, не соответствующие требованиям Отдела по изданию «Вестника МГОУ», решением редакционной коллегии серии не публикуются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором предметной серии. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть издательские расходы «Вестника МГОУ» на ее публикацию. В журнале не будут публиковаться статьи авторов, не предоставивших квитанцию почтовой подписки на «Вестник МГОУ».

Для публикации научной статьи в определенной серии «Вестника МГОУ» автору необходимо предоставить в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: 1) авторскую анкету; 2) заявление на имя ответственного редактора (оригинал или факсимильную копию); 3) выписку из заседания кафедры (отдела, сектора), где выполнялась работа (оригинал или факсимильную копию); 4) текст статьи в электронном виде; 5) квитанцию о полугодовой подписке (оригинал или факсимильную копию); 6) внешнюю рецензию (отзыв) (оригинал или факсимильную копию).

По вопросам публикации следует обращаться в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: статья регистрируется автором в Отделе, после чего проходит внутреннее рецензирование и при положительной рецензии и наличии необходимых документов принимается к публикации.

В случае положительного решения вопроса о публикации, автор, предоставивший свою статью в определенную серию «Вестника МГОУ», выражает согласие на размещение полного текста статьи в сети Интернет на официальных сайтах журнала «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik.mgou.ru) и Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) (См.: ст. 1286 и 1238 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Одновременно автор дает согласие на доступ своих персональных данных неограниченному кругу лиц.

Подробная информация об оформлении статей и условиях их публикации размещена на сайте журнала (<http://vestnik-mgou.ru>), пункт «Информация для авторов».

По финансовым и организационным вопросам публикации статей
обращаться в Отдел по изданию журнала «Вестник МГОУ» к Потаповой Ирине Александровне
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98;
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;
e-mail: vest_mgou@mail.ru